ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ЛЮСИ КЛАРК

СМЕРТЬ В ГОРАХ

18+

Смерть в горах
Люси Кларк

Аннотация
Люси Кларк. Смерть в горах
Пролог
День прибытия
  Глава 1. Лиз
  Глава 2. Хелена
  Глава 3. Мэгги
  Глава 4. Джони
  Глава 5. Лиз
  Глава 6. Мэгги
  Глава 7. Лиз
  Глава 8. Хелена
  Глава 9. Мэгги
  Глава 10. Лиз
  Глава 11. Джони
  Глава 12. Мэгги
  Глава 13. Хелена
  Глава 14. Джони
  Глава 15. Хелена
  Глава 16. Лиз
  Глава 17. Хелена
День 1

Глава 18. Мэгги
Глава 19. Лиз
Глава 20. Хелена
Глава 21. Джони
Глава 22. Лиз
Глава 23. Хелена
Глава 24. Мэгги
Глава 25. Лиз
Глава 26. Хелена
День 2
Глава 27. Лиз
Глава 28. Мэгги
Глава 29. Хелена
Глава 30. Мэгги
Глава 31. Лиз
Глава 32. Мэгги
Глава 33. Джони
Глава 34. Мэгги
Глава 35. Джони
Глава 36. Хелена
Глава 37. Лиз
Глава 38. Мэгги
Глава 39. Джони
Глава 40. Мэгги
Глава 41. Хелена
Глава 42. Лиз

День 3
Глава 43. Мэгги
Глава 44. Хелена
Глава 45. Джони
Глава 46. Лиз
Глава 47. Мэгги
Глава 48. Хелена
Глава 49. Лиз
Глава 50. Мэгги
Глава 51. Джони
Глава 52. Хелена
Глава 53. Джони
Глава 54. Мэгги
Глава 55. Лиз
День 4
Глава 56. Джони
Глава 57. Лиз
Глава 58. Джони
Глава 59. Лиз
Глава 60. Джони
Глава 61. Лиз
Глава 62. Хелена
Глава 63. Лиз
Глава 64. Хелена
Глава 65. Лиз
Глава 66. Лиз

Глава 67. Мэгги
Глава 68. Джони
Глава 69. Лиз
Глава 70. Лиз
Глава 71. Хелена
Глава 72. Мэгги
Глава 73. Джони
Глава 74. Лиз
Глава 75. Мэгги
Глава 76. Хелена
Глава 77. Мэгги
Глава 78. Джони
Глава 79. Лиз
Некоторое время спустя
Глава 80. Хелена
Глава 81. Мэгги
Глава 82. Лиз
Примечание автора
Выражение признательности

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Лиз отчаянно нуждается в смене обстановки: отношения с мужем зашли в тупик, а некогда любимая работа перестала приносить удовлетворение. Собрав трех лучших подруг, она предлагает им отправиться в четырехдневный поход по величественным горам Норвегии. Там, в окружении зеленых долин, девственных лесов и кристально чистых озер, Лиз надеется отдохнуть и перезагрузиться.

Но чем больше они удаляются от цивилизации, тем отчетливее понимают: они здесь не одни. Дикая природа скрывает не только смертельную опасность, но и чужие секреты. И если Лиз с подругами не будет осторожна,

возможно, не все из них вернутся домой…

Люси Кларк
Смерть в горах

Печатается с разрешения литературных агентств Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

© Lucy Clarke, 2023
© Школа перевода В. Баканова, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

* * *

Посвящается Мэтту Кларку

Пролог

Ее бездыханное тело лежит на темном скальном выступе, нависающем над склоном горы. Размозженный череп покоится на подушке из зеленого лишайника. В застывших зрачках девушки отражаются бегущие по небу облака. Лицо, пугающе чистое и бледное, при падении не пострадало. Морской бриз, наполненный запахами земли, соли и крови, играет прядями у лица и воротничком блузки. Все остальное неподвижно.

И молча высится гора Блафьель, суровый и беспристрастный свидетель происшествия.

Через несколько часов тело обнаружит спасатель. Он пощупает пульс и вызовет по рации подмогу. Спасатели сломают голову, пытаясь угадать, что здесь случилось, куда подевался рюкзак, откуда под ногтями погибшей запекшаяся кровь, а на левом плече — четыре синяка в форме сердечек.

У полиции появятся вопросы к человеку, который последним видел ее в живых.

Местные жители будут недоумевать, как же так произошло, что туристка оказалась на вершине

без сопровождения.

Потом приедут ее родные и в поиске ответов вдоль и поперек исходят горные тропы.

А пока тело, никем не замеченное, лежит в одиночестве.

Горы ревностно хранят секреты. И все же в их гранитных ущельях прячется человек, которому доподлинно известно, как погибла эта девушка.

И почему.

День прибытия

Глава 1. Лиз

Завязав потуже шнурки трекинговых ботинок, Лиз посмотрела на себя в зеркало прихожей. Приехав в этой обуви в аэропорт, она навлечет на себя шквал насмешек со стороны подруг, но что делать: в рюкзаке совсем не осталось места, хотя к вопросу укладки вещей она подошла с педантичной тщательностью: сплющила и ужала все, что только можно, заполнила все пустоты. Результат ее порадовал — ни одного лишнего грамма. От мысли, что все необходимое теперь всегда под рукой и она ни от кого не зависит, Лиз пришла в восторг.

Лиз бросила взгляд на часы. Если она поедет прямо сейчас, то окажется у Хелены на пятнадцать минут раньше условленного времени. Рюкзак уже в машине, бак заправлен. Последние приготовления перед дорогой закончены. Все перепроверено. Осталось только попрощаться с детьми.

Уже сегодня вечером они с Хеленой и Мэгги будут в Норвегии. В этом году пришел ее черед выбирать, где проводить отпуск. Лиз любила пляжный отдых с его неизменными атрибу-

тами — ласкающими солнечными лучами, щебетанием подруг и ленивым лежанием у бассейна, — поэтому выбор всегда был очевиден. С ее подачи подруги уже побывали на Корфу, Мадейре и юге Франции. Но с некоторых пор Лиз потянуло к новым, острым, ощущениям. Образцовой матери и жене, врачу общей практики, чья жизнь была напрочь лишена экспромта и подчинялась жесткому расписанию, впервые за тридцать три года захотелось приключений.

— Ты серьезно? — Хелена чуть не потеряла дар речи, когда Лиз предложила отправиться на четыре дня в поход по горам Норвегии.

— Более чем. Всегда мечтала увидеть фьорды и горы.

— Что ж, тогда бронируй билеты.

Идея возникла несколько месяцев назад, когда из-за порванного ремня привода и нерасторопности автомеханика Лиз пришлось идти до клиники пешком. Произошло невероятное — с каждым шагом она стряхивала с себя груз забот. Утро, как обычно, началось с мучительных поисков запропастившейся куда-то тетрадки с домашним заданием и как сквозь землю провалившихся школьных брюк. Потом — ежедневная головоломка, какую еду положить детям с собой

в школу. А сейчас Лиз слушала пение птиц и вспоминала названия попадавшихся на пути деревьев. Она даже несколько раз остановилась, чтобы перекинуться парой фраз с соседями. И на работу пришла новым человеком — просветленным и испытавшим радость от физической нагрузки. Благодаря обычной прогулке она ощутила небывалый прилив сил.

Но Лиз была бы не Лиз, если бы не захотела разобраться в физиологических преимуществах ходьбы, поэтому с головой погрузилась в изучение вопроса. Выяснилось, что регулярная ходьба способствует укреплению иммунной системы, снижению уровня холестерина и позволяет человеку почувствовать себя счастливым. Она поделилась этой информацией со своими родителями и прописала им ежедневные прогулки на свежем воздухе. Такое вот простое и бесплатное лекарство, доступное каждому. А в некоторых случаях даже способное изменить жизнь.

Лиз жаждала перемен.

Она бросила взгляд в направлении кухни. Доносящиеся оттуда звуки — звон посуды, журчание воды из крана, скрип стульев — сливались в симфонию, знаменующую начало дня. Иви норовила перекричать Дэниэла, а Патрик невозмутимым

тоном старался призвать к порядку их обоих.

Лиз поспешила на звук голосов, роднее которых не было в целом свете. В дверном проеме замерла, и несколько секунд ей удавалось оставаться незамеченной. Ее охватило странное чувство: будто она подглядывает за чужой жизнью. Интересно, они сильно будут по ней скучать? С Патриком близнецы точно не пропадут — он мастерски справляется с обязанностями отца: готовит с утра ланч-боксы, забирает детей из школы, помогает им с уроками.

Иви, с растрепанной после сна головой, первой заметила Лиз.

— Мамочка! Ты уже уезжаешь?

— Мне пора, солнышко. — ответила Лиз, чувствуя, как к горлу подступают слезы. Она никогда не любила долгие проводы. Уходить надо быстро. Так лучше для всех.

Патрик обернулся. Его излучающие тепло карие глаза лишь скользнули по ее лицу, избегая прямого взгляда.

— Ты за девочками?

— Ага. Пора задать Норвегии жару. — Попытка продемонстрировать оптимизм с треском провалилась.

— Не забудь прислать мне фото Хелены в по-

ходном снаряжении, — усмехнулся Патрик.

Лиз подошла к сидящему за столом Дэниэлу, который уплетал за обе щеки кукурузные хлопья, и поцеловала сына, ощутив, как работают его челюсти.

Иви положила ложку на стол и взялась шатать передний зуб.

— Интересно, он выпадет к твоему возвращению?

Лиз кивнула. Скорее всего, когда она вернется домой, в идеально ровном ряду молочных зубов будет зиять дырка. И Лиз будет сожалеть, что не прокралась в комнату дочери ночью, не забрала из-под подушки завернутый в салфетку зубик и не положила на его место блестящую монетку.

Она уже привыкла пропускать важные события в жизни своих детей. Ее не было рядом, когда Иви произнесла первое слово («Дэн-дэн»); когда Дэниэл сделал первые шаги в гостиной, а Патрик подхватил его, не дав сыну упасть; когда близнецы пришли на первый урок по плаванию.

Но подобные промахи с ее стороны были скорее исключением, чем правилом, поэтому их подсчет не сулил ничего, кроме ненужного обострения чувства вины.

— Присматривайте друг за другом, пока меня

нет, — сказала Лиз, вдыхая запах своих детей и целуя их в головы. — Я люблю вас.

Когда Патрик открыл входную дверь и они шагнули в солнечное сентябрьское утро, что-то в его жесте и взгляде вдруг заставило Лиз почувствовать себя гостьей в собственном доме.

— Волнуешься? — спросил муж.

Выдавив из себя улыбку, Лиз кивнула.

— Увидимся, когда… — Она осеклась на последнем слове. Они не увидятся, когда она вернется. Потому что договорились пожить месяц отдельно друг от друга, по очереди оставаясь с детьми, чтобы не травмировать их своим решением. Сейчас она уедет на неделю в Норвегию. Потом Патрик поживет неделю у брата. С дальнейшим графиком они определятся, когда Лиз вернется домой. Они с Патриком дали себе месяц на то, чтобы понять, чего хотят от жизни.

Интересно, чего хочешь ты? — подумала Лиз, мельком бросив взгляд на мужа.

— Пока, Лиз. — Он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, и Лиз уловила исходящий от него запах тостов, кофе и дома.

Неожиданно Лиз показалось, что почва уходит у нее из-под ног. Появилось острое желание ухватиться за Патрика, такого понятного и на-

дежного.

Но вместо этого она моргнула и растерянно посмотрела на свои аккуратно зашнурованные ботинки. А потом, вдохнув полной грудью, развернулась и сделала первый шаг, оставив за спиной привычную жизнь.

Глава 2. Хелена

Хелена с опаской глянула на прислоненный к двери рюкзак, который всем своим видом демонстрировал явное недружелюбие. Пряжки и ремни надежно стягивали содержимое. Хелена срезала с него ценник маникюрными ножничками только сегодня утром, поранив при этом большой палец. Капелька крови упала на рюкзак, оставив небольшое темное пятно. Главное, чтобы Мэгги не заметила, а то увидит в этом дурной знак. В отличие от подруги, Хелена не верила в дурные знаки. Она верила в технику безопасности.

Девушка потягивала кофе, наслаждаясь глубоким бархатистым вкусом. Какое-то время ей придется обходиться без заваренного в аэропрессе любимого напитка. Четыре пакетика растворимого кофе, по одному на каждый день похода, она предусмотрительно положила в карман рюкзака. Хелена даже поискала в гугле походную кофеварку, представив, насколько к месту было бы выпить приличного кофе во время привала среди красивейших норвежских гор. Нарисованная воображением картинка понравилась ей настолько, что она, недолго думая, нажала

кнопку «Купить». Однако получив кофеварку и положив ее на кровать рядом с другими покупками, которые доставляли на ее адрес практически ежедневно, — гермомешками, водонепроницаемыми брюками, носками из шерсти мериноса, двухместной палаткой, спальным мешком на пуху, туристическим ковриком, горелкой и газовым баллоном, — она поняла, что не может позволить себе дополнительный груз.

Хелена осторожно приблизилась к рюкзаку, словно перед ней стояла необъезженная лошадь, и неуверенно положила на него ладонь. Как ее угораздило согласиться таскать на себе эту ношу целых четыре дня?

Нелепость ситуации заставила невольно рассмеяться. Хелена Холл едет в горы!

Лиз, будь она неладна! В этом году настала ее очередь выбирать, куда они поедут в отпуск. Сама Хелена, например, три года назад выбрала Ибицу. Даже Джони присоединилась к ним тогда, прилетев на два дна в разгар своего гастрольного тура и снабдив их спецпропусками в самые крутые ночные клубы. Целую неделю они нежились на солнце, купались в скалистых бухтах и веселились до заката. «Вот это я понимаю — отпуск!»

Пеший поход по горам Норвегии? Серьезно?

Лиз заверила подруг, что их ждет настоящее приключение, но уж какой-то слишком деланой показалась им ее улыбка в тот момент. Так или иначе, Хелена не собиралась сидеть в одиночестве дома, пока остальные развлекаются. Когда тебе тридцать с хвостиком, ты хватаешься за любую возможность провести время в кругу близких друзей.

В начале недели она отправила Лиз сообщение с вопросом: «А куда ходить в туалет?» На него подруга ответила эмодзи с изображением коричневой кучки и леса, присовокупив к нему ссылку на совок.

Прекрасно. Просто замечательно.

Допив кофе, Хелена вымыла чашку, вытерла ее насухо полотенцем и аккуратно поставила в шкаф ручкой наружу. Затем провела руками по бедрам, словно расправляя невидимые складки на одежде, и огляделась. На столах чисто. Подсветка выключена.

Хелена посмотрела на часы. До приезда Лиз оставалось пятнадцать минут.

Оказавшись в спальне, она задумчиво посмотрела через открытое окно на город, окутанный золотом первых дней сентября, в которых до сих пор улавливалось прощальное дыхание лета. В

ее городе, ее Бристоле, пахло бензином, бетоном и прелым мусором. Девушка вдохнула полной грудью. О боже! Все, как она любит, — тротуары, здания, машины, стук каблуков. И никаких тебе трекинговых ботинок и флисовых курток.

Ее взгляд упал на небольшой пакет на туалетном столике. Она застыла в нерешительности, чувствуя, как сжимаются губы и учащается сердцебиение, резко схватила пакет и вытащила из него упаковку с тестом на беременность.

Накатила жгучая волна страха. Хелена не хотела даже смотреть на эту коробочку. Но деваться некуда. Она сделает тест и забудет о нем как о страшном сне. Ничто не должно омрачать ее отпуск. Будет что рассказать девочкам в самолете. Лиз и Мэгги не преминут посмеяться вдоволь над перипетиями ее беспечной холостой жизни.

Разорвав упаковку, Хелена достала инструкцию, хотя и без нее прекрасно знала, что делать: подставить полоску под струю и подождать три минуты, истекая от страха потом.

Она зашла в ванную комнату и с чувством досады отметила, что руки трясутся.

Я даже не уверена, что хочу в туалет, подумала Хелена, стягивая трусики и усаживаясь на унитаз. Она попыталась расслабиться.

Не прошло и мгновения, как в дверь позвонили.

— Черт! — Хелена вскочила как ошпаренная и, на ходу натягивая трусики и застегивая брюки, устремилась к входной двери.

— Открывай! — радостно поприветствовал ее голос Лиз по домофону. — Я подъехала.

Лиз себе не изменяла — как всегда, явилась раньше.

— Ты как, готова?

Взглянув на неиспользованный тест, Хелена, с одной стороны, ощутила раздражение из-за того, что Лиз помешала ей довести задуманное до конца, а с другой — испытала облегчение, словно только что чудесным образом увернулась от пули.

Она наклонилась к микрофону:

— А то!

Глава 3. Мэгги

Мэгги с обожанием смотрела на дочь, которая, высунув кончик языка, сосредоточенно сжимала в маленьком кулачке карандаш.

Услышав скрип гравия под колесами автомобиля, Фиби подняла свои бездонные глаза на маму, озадаченно насупив брови.

— Это папа?

Мэгги попыталась придать голосу радостную интонацию:

— Да, солнышко, папа.

Она глянула на кухонные часы. Опоздал на целый час. *Кретин.*

— Я не хочу, чтобы ты уезжала.

— Знаю, милая. — Мэгги распахнула объятия, и дочь вскарабкалась к ней на руки. Уткнувшись лицом в шею ребенка, Мэгги вдохнула сладкий аромат ее кожи.

Фиби еще никогда не оставалась у Эйдана с ночевкой. Мэгги постоянно оттягивала этот момент, ссылаясь то на ночные кормления грудью, то на привычку ребенка спать с мамой. Но теперь, когда Фиби наконец исполнилось три года, Эйдан отстоял право забирать дочь к себе на вы-

ходные. Все по справедливости, Мэгги понимала. Правда. Сама Мэгги только за, чтобы у дочки сложились хорошие отношения с отцом. Тем не менее мысль о расставании с Фиби была для нее невыносима и причиняла физическую боль. В ее почти животном желании постоянно сжимать дочь в объятиях и чувствовать ночью, как бьется под пижамкой маленькое сердечко, было что-то глубинное и первобытное, не поддающееся здравому смыслу.

По этой причине поездка в Норвегию пришлась как нельзя кстати. Одна дома, без Фиби, Мэгги сойдет с ума. Все в их арендованном домишке напоминает о дочери: дверь, увешанная ее рисунками; деревянный стол, за которым после обеда они пьют молоко с печеньем; огромное кресло-мешок, в которое они плюхаются вечерами и читают книжки; подоконник, заставленный сделанными из газет горшочками с кресс-салатом.

На улице жалобно заскрипели тормоза. Перед домом остановился автомобиль. Двигатель замолк. Кто-то вышел из машины и по вымощенной гравием дорожке подошел к крыльцу.

Натянув улыбку пошире, Мэгги с ребенком на руках направилась к двери.

— Тебя ждет столько всего интересного! — по-

обещала она малышке.

В дверь позвонили.

Сжав пальцами ручку двери, Мэгги напряглась всем телом.

— Тетя Хелена! — радостно воскликнула Фиби, вырываясь из объятий мамы.

На пороге стояла Хелена в укороченных черных брюках. Темные блестящие волосы острижены в каре, на губах — красная помада. Она наклонилась, чтобы заключить в объятия Фиби.

— А мы думали, это папа! — пролепетала малышка.

— Правда? Посмотри на меня. Разве твой папа сравнится со мной по красоте?

Из-за ее спины появилась Лиз, одетая в походное снаряжение. Она подошла к Мэгги и крепко обняла ее.

Хелена многозначительно подняла бровь и спросила:

— Еще не приехал?

— Опаздывает, — только губами, беззвучно ответила Мэгги.

— Мне страшно, — сказала Фиби, прижимаясь еще сильнее к Хелене. Маленькими пальчиками она коснулась кулона в виде золотой подковы, который висел на шее девушки. — Ты пони?

— Сегодня точно нет. Потому что пони не пускают в аэропорт. Хотя иногда бываю и пони.

Фиби с пониманием кивнула.

— Лучше расскажи, чего ты у нас боишься?

Фиби показала пальцем на свернутое одеяло и ярко-розовый чемодан, который стоял наготове в коридоре. Все эти сокровища охранял плюшевый леопард.

— Я поеду к папе. А вдруг я захочу домой?

Сердце Мэгги сжалось. Ей стоило нечеловеческих усилий не кинуться к Фиби со словами: *Ехать к папе необязательно! Мы останемся дома! Мама никуда не поедет!*

— Знаешь, — стараясь вторить серьезному тону малышки, произнесла Хелена, — мне это чувство тоже знакомо. И по правде говоря, — она заговорщицки понизила голос, — сейчас я тоже очень боюсь.

— Взаправду?

— Взаправду. Видишь ли, Лиз заставляет меня ехать в Норвегию, где мы будем ходить по горам и спать в палатке. Я этого в жизни не делала, и мне тоже страшно. Вдруг захочется домой?

Фиби недоверчиво наклонила голову и посмотрела на Лиз.

— Не то чтобы я ее заставляю… — попыталась

оправдаться Лиз.

Но Фиби она не убедила. Малышка подошла к своему чемодану, взяла леопарда и протянула его Хелене.

— На. Возьми моего Леопольда.

Мэгги прикусила нижнюю губу. Леопольд — любимая игрушка Фиби. Малышка всегда спала, уткнувшись в затисканного до проплешин леопарда подбородком.

— Хорошая моя, спасибо! — ответила растроганная Хелена. — Ты очень добрая девочка. Но мне кажется, что Леопольд тоже не горит желанием сменить обстановку. Ему будет лучше с тобой. Согласна?

Через открытую дверь они увидели приближающийся к дому красный спортивный автомобиль; Эйдан, боясь поцарапать машину, ехал по узкой дорожке очень медленно. Припарковавшись за «Фордом» Лиз, он заглушил двигатель, вышел из машины с сияющим видом, распахнул объятия и бодро выпалил:

— Фиби!

Малышка еще сильнее прижалась к ногам Мэгги, вцепившись маленькими ручонками в юбку ее ярко-желтого платья.

— Привет, Эйдан! — Мэгги приложила мак-

симум усилий, чтобы придать своему лицу выражение искренней радости.

— Мэгги, — поприветствовал подруг Эйдан, — Лиз, Хелена.

Хелена смерила его презрительным взглядом, припасенным специально для Эйдана. Благодаря неуловимому выпячиванию подбородка складывалось впечатление, что она буквально смотрит на него сверху вниз. Впрочем, в случае с Эйданом так оно и было.

Мужчина окинул оценивающим взглядом веранду. Хелена не сомневалась, что он заметил облупившуюся краску, из-под которой выглядывала штукатурка, и поросший сорняками ящик с цветами. Но он точно не обратил внимания на самое главное — сколько счастья и радости испытали Мэгги и Фиби, сажая вместе цветы, втыкая семена в теплую весеннюю землю, а потом плескаясь в мыльной воде, чтобы отмыть скопившуюся под ногтями грязь. Его глаза всегда видели непорядок там, где Мэгги видела источник радости.

— Ну что, в бой? — спросил он, подойдя к дочери и погладив ее по голове. — В машине припасено для тебя кое-что вкусненькое.

А ей нужна всего лишь любовь, с укором поду-

мала Мэгги.

— Пойдем, солнышко, помогу тебе пристегнуться, — с показным оптимизмом улыбнулась Мэгги и взяла дочь на руки. Она крепко сжала ее в объятиях, отчаянно желая защитить малышку и окутать ее своей материнской любовью с головы до ног.

Мэгги пристегнула ремень безопасности.

— Я тебя очень люблю и буду сильно по тебе скучать. Присматривай за Леопольдом, договорились?

Фиби послушно кивнула. А потом шепотом добавила:

— А ты присматривай за тетей Хеленой. Она очень боится гор.

— Обещаю. — Мэгги улыбнулась и поцеловала дочь. А потом еще раз. И еще. Усилием воли заставив себя отойти от машины, напоследок она прошептала: — Я люблю тебя.

За ее спиной Эйдан с усмешкой обратился к подругам:

— Серьезно? *Мэгги* полезет в горы?

— А ты что думал? Она была замужем за тобой целых два года. Теперь ей любой поход покажется легкой прогулкой в парке, — зло ухмыльнулась Хелена.

Столько всего нужно сказать ему, подумала Мэгги. *Если Фиби проснется посреди ночи, спой колыбельную про звездочку. Много сладкого не давай, иначе она будет плохо спать. Не разрешай сидеть долго перед телевизором. Не пей, когда ребенок рядом.*

Вместо этого она произнесла:

— Береги ее. Прошу.

Фиби сидела в машине со слезами на глазах, крепко прижимая к груди Леопольда, и смотрела на родителей. Сердце Мэгги разрывалось на части.

Нет, я не могу. Я не отпущу ее.

Мэгги решительно шагнула вперед, но Хелена опередила ее и быстро взяла подругу под руку. Лиз сделала то же самое с другой стороны.

Эйдан завел двигатель. Фиби прижала ладонь к стеклу, словно желая вырваться на свободу.

— Танцуем! — скомандовала Хелена и сделала мах левой ногой, как в канкане. — Кому говорю, танцуем!

У Мэгги сдавило горло. Еще секунда — и она разрыдается.

— Мэгги, танцуем! Быстро!

Этот танец Фиби видела в прошлом году зимой, когда они ходили на мюзикл. С тех пор малыш-

ка умирала от смеха всякий раз, когда мама и тетя Хелена танцевали канкан и потрясывали кистями рук.

Хелена сделала мах второй ногой, Лиз повторила за ней.

— Ну же!

Неимоверным усилием воли Мэгги заставила себя сделать мах, потом еще один, быстро поймав задаваемый подругами ритм. Легкий ветерок играл ее юбкой.

Потрясывая кистями рук, Хелена с облегчением выдохнула:

— Вот так. Хорошо. Танцуем. Не останавливаемся. Машем руками.

Фиби неуверенно улыбнулась и тоже потрясла ладошками в ответ.

Подруги продолжали танцевать, пока автомобиль с Фиби не скрылся из виду.

— Все, достаточно, — сказала Хелена.

Тело Мэгги сразу обмякло, ноги стали ватными, но крепкие руки подруг надежно удерживали ее на ногах.

— Самое трудное позади. У тебя получилось, — произнесла Лиз, приобняв Мэгги. — Теперь следующий этап — мечтаем, как вернемся домой. Договорились?

Большую часть дороги до аэропорта Мэгги проплакала на заднем сиденье, и теперь ее виски сковывала головная боль.

В кармане переднего сиденья она обнаружила потрепанный реферат времен их школьной юности. На титульном листе дутыми буквами цветов норвежского флага было выведено «Н-О-Р-В-Е-Г-И-Я». Внизу значились имена Лиз и Джони.

— Ничего себе! Твой проект по географии! — восторженно воскликнула Мэгги, положив реферат на колени. — Где ты его нашла?

— На чердаке, — ответила Лиз.

Под заголовком была фотография: на вершине отвесной скалы стоит женщина, широко раскинув руки, словно приветствуя бескрайнее синее небо. К западу до горизонта простирается завораживающее своей холодностью голубое море. У подножия горы серебристой нитью прокладывает себе путь через холмы и долины горная речка.

— Я так понимаю, именно эту гору мы едем покорять? — спросила Мэгги.

Лиз кивнула.

— Угадала. Блафьель.

Мэгги вдруг вспомнила, как однажды на уроке географии они пообещали друг другу, что когда-нибудь вместе обязательно поднимутся на вер-

шину этой горы. Дело было в феврале. Казалось, ненастью не будет конца. Равно как и школьным звонкам, мокрым портфелям и промозглой сырости. Вырезанная из какого-то журнала картинка тогда стала окошком в абсолютно другой мир, который манил своей неизведанностью. Сидя за партой, они поклялись на мизинцах покорить эту вершину.

— От Джони так и нет вестей? — поинтересовалась Мэгги.

— Тишина.

Мэгги посмотрела в зеркало заднего вида. От нее не ускользнуло, как озадаченно изогнула бровь Хелена.

Второй отпуск подряд без Джони — это уже слишком. За последние несколько недель она ни разу не дала о себе знать в общем чате.

— Джони на гастролях. — Лиз попыталась скрыть разочарование в голосе, но кого она обманывала? Джони всегда была душой компании, согласной на любые авантюры, готовой взвалить на плечи рюкзак, если нужно, и сходить по нужде в кусты, если прижмет. Любое, даже самое скучное, занятие подруга умела наполнить весельем. Без нее поездка многое потеряет.

— Давайте отправим ей фото, — предложила

Мэгги, передавая телефон Хелене.

Хелена нагнулась, чтобы все лица уместились в кадр. Оторвав на мгновение руку от руля, Лиз помахала в камеру. Хелена сложила свои накрашенные губы «уточкой», а Мэгги подняла два пальца в виде буквы «V». Щелкнул затвор.

Взглянув на экран, Мэгги удовлетворенно хмыкнула, набрала сообщение со словами «Еще не поздно» и нажала кнопку «Отправить».

Глава 4. Джони

Джони, в одних стрингах, на неверных ногах обходила номер в поисках своей кожаной куртки. Зеркальная поверхность стола была присыпана белым порошком и уставлена пустыми бутылками и бокалами со следами помады. Какая-то незнакомая девица, с прилипшими к щеке накладными ресницами, растянулась на шезлонге. Через открытую дверь в спальню доносился прерывистый храп Кая, который не могли заглушить ни сигналы машин, ни раздающиеся из колонки надрывные звуки музыки.

Джони закрыла глаза.

Где я? В какой стране?

Тупая боль сковала виски. Горло саднило. Вчера она не успела распеться, потому что…

Берлин! Ну конечно.

Вчера они выступали в концертном зале «Хаксли». Был аншлаг. На последней песне на сцену выскочила девчонка в мокрой от пота футболке…

Джони потеряла мысль, потому что заметила на полу куртку. Она опустилась коленями на толстый ковер и ощупала карманы. Короткие

ногти были украшены черным маникюром. На ногте большого пальца красовался символ в виде молнии. Это Рианна, ее визажистка, проявила инициативу. Ей было невдомек, что больше всего на свете Джони боится грозы. Не дав ей закончить маникюр, Джони резко вырвала руку, на что Рианна возразила: «Я же всего одну нарисовала!»

Джони бросила взгляд на свои не до конца высохшие ногти и пожала плечами: «Молния дважды в одно место и не бьет».

Как же ей хотелось содрать с ногтей это покрытие! Смыть с темных локонов остатки лака. Смыть с себя вчерашнюю ночь, пот и прикосновения. Ей хотелось встать под душ и смыть все, чем она стала.

Нашла!.. Джони вытащила из нагрудного кармана куртки телефон и пакетик кокаина. На два раза хватит. Она никогда не скрывала, что употребляет «клубные наркотики». Кокаин и пара рюмок перед концертом для куража, потом шампанское и снова кокаин для настроения и, наконец, травка и пара колес на ночь глядя, чтоб успокоиться и уснуть. Но что делать с этим порошком сейчас, с утра пораньше? Идти по скользкой дорожке в ее планы не входило.

Я теряю себя, мелькнула в голове непрошеная

мысль.

Из открытого окна донесся детский смех, и Джони повернула голову, сощурившись от яркого света. У нее вдруг возникло нестерпимое желание хоть одним глазком глянуть на детей, идущих за руку с папой или мамой. Интересно, куда они направляются? В кафе на завтрак? Или в торговый центр за покупками? Этот вопрос вдруг овладел всеми ее мыслями. Возможно, ей просто требовалось подтверждение, что есть в этой жизни место и хорошему.

Звякнул телефон — пришло уведомление. Джони опустила взгляд на экран, и ее сердце сжалось: с фотографии на нее смотрели Лиз, Хелена и Мэгги. Такие чистые, свежие, искренние, улыбаются во весь рот. Какие же они красивые! Лиз одной рукой рулит, второй машет. Хелена сложила губы «уточкой». А как здорово смотрится каре на ее черных блестящих волосах! Мэгги чуть подалась вперед, подняв два пальца в виде буквы «V»; карие глаза на веснушчатом лице излучают тепло и нежность. Прямо сейчас все вместе они мчатся навстречу приключениям.

Странное тревожное чувство накрыло Джони, будто она существует отдельно от тела и смотрит на подруг со стороны после того, как случилось

что-то непоправимое, не имея никакой возможности достучаться до них.

«Еще не поздно», — написали девочки.

Стиснув зубы, Джони покачала головой. *Как же вы ошибаетесь, мои дорогие.* Собственное дыхание, несвежее и даже зловонное, вызывало у нее отвращение. Лицо стягивали жирной маской остатки вчерашнего грима. Душу переполняли стыд и ненависть к себе. Чувство было настолько сильным, что грозило взорвать изнутри. Вот только вряд ли что-то вырвется наружу, потому что внутри была пустота. Пугающая пустота.

Джони отбросила телефон и неуверенной походкой подошла к столу. Грубо сдвинув в сторону бутылки и бокалы, она высыпала порошок на зеркальную поверхность. Эти снежные вершины точно помогут ей хотя бы на время сбежать от реальности.

Она уже наклонилась над дорожкой, зажав ноздрю, когда вдруг ее взгляд упал на собственное отражение, и она отшатнулась. На нее смотрела незнакомка. Джони высыпала на стол остатки кокаина, чтобы не видеть лицо. Хотелось превратиться в прах. Хотелось умереть.

Умереть.

Мысль больно кольнула, повергнув в шок.

Джони зажала руками рот в страхе, что, если произнесет это слово вслух, обратного пути не будет. И побежала в ванную комнату, по пути споткнувшись о пустую бутылку, которая, отскочив, ударилась о ножку кровати. Кай, чья покрытая татуировками нога свисала с кровати, заворочался, недовольно пробурчав что-то под нос.

Джони быстро натянула на себя огромный, не по размеру, джемпер и джинсовые шорты, схватила кожаную куртку и сумку.

Туфли! Где мои туфли?

Она лихорадочно обвела глазами спальню. Потом гостиную. Неожиданно взгляд упал на кокаиновую дорожку. Судя по томлению в теле, еще немного — и ее накроет волна, которой она не сможет сопротивляться.

Уходи! Не оборачивайся! — скомандовал внутренний голос.

Джони захлопнула за собой дверь, на лифте спустилась в холл и, ступая босиком по начищенному до блеска полу, вышла на улицу, окунувшись в берлинское утро.

Глава 5. Лиз

Лиз завороженно смотрела в иллюминатор на пейзаж, наполненный мерцанием рек, озер и фьордов. Зубчатые вершины гор, самые высокие из которых были покрыты снежными шапками, вздымались над землей. Куда не бросишь взгляд, вокруг лишь земля, вода и небо. Изредка попадались городишки, постройки и дороги.

Лиз вдруг испытала приступ страха. Им предстояло отправиться сюда пешком…

— Еще одну? — предложила сидящая у прохода Хелена, сжимая в руке бутылочку вина.

Лиз помотала головой.

— Мне за руль.

Совсем скоро они приземлятся. Потом предстояла долгая дорога на север. Лиз забронировала комнаты в приюте у подножия Свелла, где они заночуют и откуда наутро отправятся в путь.

Сидящая между подругами Мэгги положила раскрытую книгу на откидной столик и озадаченно спросила:

— И по сколько часов в день мы будем проводить на ногах?

— По семь… или по восемь. — ответила Лиз,

но, заметив, как изменилось выражение лица подруги, добавила: — Не переживай, справишься. Не зря же ты столько тренировалась.

Мэгги поднесла пластиковый стаканчик с вином к губам и сделала глоток.

— Не страшно остаться без связи? А если на работе форс-мажор? — поинтересовалась Лиз у Хелены.

Хелена перевернула свой телефон и взглянула на экран.

— Не страшно. Мы с телефоном заслужили право ненадолго пропасть из эфира.

Хелена владела компанией по организации мероприятий и праздников. Среди ее клиентов значились такие гиганты, как «БМВ» и «Холтон». Обладая выдающимися организаторскими способностями и врожденным талантом переговорщика, она просила высокую цену за свои услуги, которая, в общем-то, была оправданна, учитывая, что клиенты звонили ей круглосуточно.

— Ты работаешь как проклятая. Отпуск тебе точно не повредит, — согласилась Лиз.

— Девочки, ну сколько можно? Сейчас, когда мы уже в самолете, давайте признаемся друг другу, что отпуском предстоящую авантюру можно

назвать с большой натяжкой! — взбунтовалась Хелена.

Лиз рассмеялась.

— Ты знала, на что соглашалась.

— А ты знала, что, предложи ты хоть дайвинг в компании акул, я бы согласилась. Куда вы — туда и я.

Сердце Лиз сжалось от любви к подруге.

Вылив остатки вина в пластиковый стаканчик, Хелена произнесла:

— Кстати, последний раз мы с Патриком отлично посидели.

— Да уж. Он этот стейк-хаус несколько дней забыть не мог. Все уши прожужжал.

— Мой любимый вегетарианец, — усмехнулась Хелена. — Здорово, что «Клифтон» снабжает его регулярными заказами.

Патрик занимался обслуживаем и ремонтом старинных часов и, если по работе оказывался в Бристоле, нет-нет да и встречался с Хеленой, чтобы вместе пообедать или пропустить стаканчик-другой.

— У вас же все хорошо? Ладите?

Лиз насторожилась. Неужели Патрик что-то рассказал? Нет, это вряд ли.

Жаловаться на мужа будет нечестно. Хелена,

Мэгги и Джони считали Патрика своим близким другом. Он учился с ними в одной школе, но был на два года старше. Патрик дружил с братом Лиз. Поэтому подруги знали его с той поры, когда он сопливым подростком катался по школе на скейте, убегал покурить в лес и годами носил одну и ту же футболку с надписью «Нирвана». Лиз влюбилась в него, когда ей исполнилось тринадцать лет. А уже на выпускном, под дружное улюлюканье подруг, она целовалась с ним на танцполе у всех на глазах.

Он вообще единственный, с кем она целовалась в жизни. Когда-то она этим гордилась. Однако с некоторых пор в душе закопошился червь сомнения. Всю жизнь она прожила в одном городе. Никогда не меняла работу. Ни с кем не встречалась, кроме Патрика. У подруг жизнь била ключом. Взять, к примеру, Мэгги. Она успела поработать официанткой, флористом, рефлексотерапевтом, а потом увлеклась изготовлением именных открыток с сухоцветами. Хелена смогла переехать из муниципальной квартиры, в которой прошло ее детство, сделала карьеру, основала собственную компанию и теперь владела тремя объектами недвижимости. Благодаря своему музыкальному таланту Джони покорила весь мир,

не вылезала из гастролей по крупнейшим городам и записывала альбомы в лучших студиях.

А чего добилась Лиз? Переехала в дом в двух кварталах от родителей. Вышла замуж за первую любовь. Родила двоих детей. Работала в больнице, пациентом которой была в детстве.

— Все хорошо? — поинтересовалась Хелена.

Лиз растерянно захлопала глазами, осознав, что нервно ломает пальцы. Расцепив руки, она положила ладони на колени.

Мэгги и Хелена озадаченно уставились на нее.

— Да. У нас все прекрасно. Патрик в полном порядке.

А что, если у нее наступил кризис среднего возраста? Вероятность такая существовала. Просто его переживают по-разному. Кто-то пускается во все тяжкие и заводит отношения на стороне, кто-то покупает дорогой спорткар. Она же потащила подруг в богом забытое место, чтобы изведать походную романтику.

Лиз глянула в иллюминатор. Как же она ненавидела перелеты! От многочасового сидения тело деревенело. Ну ничего. Скоро они отправятся в путь, и она снова почувствует прилив сил. Эта прогулка нужна ей как воздух. Главное — добраться до туристической тропы, а потом

— только вперед.

Глава 6. Мэгги

— Почти на месте, — объявила Лиз, переключая арендованный автомобиль на пониженную передачу. Подруги только что, подпрыгивая на ухабах, свернули на однополосную дорогу.

Тянущиеся на запад до самого горизонта горные хребты спрятались за облаками, поэтому Мэгги разглядела только растворяющиеся в клубах белого тумана лесистые предгорья. Листва потемнела, готовясь к встрече с осенью. За поворотом показалось широкое озеро, которое своей блестящей поверхностью почему-то напомнило Мэгги спину майского жука. У его подножия примостился невзрачный сруб — туристический приют.

Лиз припарковалась на усыпанной гравием площадке рядом с груженным бревнами грузовиком. Она выключила зажигание, отстегнула ремень и распахнула дверь.

В салон ворвался сильный ветер, пропитанный запахами гор. Мэгги непроизвольно задрожала.

Подперев бока руками, Лиз не сводила глаз со скал. Учитывая, что она еще дома облачилась в походную одежду — непромокаемые брюки,

трекинговые ботинки и флисовую куртку, — складывалось впечатление, что она готова рвануть с места в карьер.

— Настоящая глушь, — сорвалось с ее губ, и Мэгги различила в голосе нотки страха. Или ей показалось?

Хелена обратилась к Мэгги:

— Ты идешь?

Выбираясь из машины, Мэгги поняла, что ноги не слушаются. Озорной ветер норовил задрать юбку платья, и она еще плотнее укуталась в кардиган. Почувствовав напряжение в левой половине спины, не удивилась: эмоции и страхи всегда отражаются на теле.

Мэгги не обольщалась насчет своего домика в пригороде Бата и всегда считала, что живет у черта на куличках. Успокаивала она себя тем, что дорожит единением с природой и возможностью проводить больше времени на свежем воздухе. Но сейчас, в оцепенении глядя на завораживающую красоту скал и ледников, расступающихся перед озерами и лесами, слыша, как над землей без устали грохочут ветра, она поняла, что от ее прежних представлений о глухомани не осталось и следа. Всю долгую дорогу сюда их сопровождали непроходимые девственные леса, тянущиеся к

небу горы и глубокие горные реки, пробивающие себе путь сквозь неприступные скалы.

Иных построек в пределах видимости не наблюдалось. Мэгги испытала дурноту. Она не предполагала, что окажется в *настолько* непролазной глуши. Накатила паника. А что, если она совершила ужасную ошибку, согласившись на эту авантюру? Пейзаж и правда завораживал своей красотой и суровостью, и она с удовольствием полюбовалась бы им из окна автомобиля. Но пешком? По горным тропам? С ночевкой под открытым небом?

Лиз выгрузила из машины рюкзаки и, взвалив свой на плечи, сказала:

— Пойду внутрь.

Мэгги не шелохнулась.

— Мы тебя догоним, — бросила вслед подруге Хелена.

Лиз закрыла машину и направилась ко входу в приют. Из-под рюкзака виднелись только ее ноги.

Хелена подтолкнула плечом Мэгги.

— Ты в порядке?

Та помотала головой.

— Здесь такие… просторы. Для меня это слишком. Я уже безумно скучаю по дому… по Фи-

би. — Она достала из кармана платья телефон и растерянно уставилась на экран. — Одна полоска. Вдруг я не смогу дозвониться до Фиби? Мне без связи нельзя. Что-нибудь случится, а я недоступна.

Умом Мэгги понимала, что если уж и жаловаться на жизнь кому-то, то точно не Хелене, которая заплатила за ее билеты, зная, что подруга не может позволить себе это путешествие. Однако сомнения и страхи переполнили ее настолько, что она потеряла над ними контроль. Ее прорвало.

— Помнишь, Лиз разослала нам комплекс упражнений? Я еще ответила, что делаю их. Так вот, я соврала. Я честно распечатала его, прикрепила к холодильнику и правда собиралась, но… — Мэгги покачала головой. — Не подумай, я не из тех мамочек, которые вечно прикрываются детьми, и все же на спортивную ходьбу времени совсем не оставалось. Фиби уже не пушинка, и ходить с ней на руках проблематично. А два раза в неделю, когда она в садике, я занимаюсь изготовлением открыток. Заказы с «Etsy» не ждут.

Мэгги посмотрела вслед Лиз, которая уже скрылась за дверью приюта.

— Тогда Лиз велела мне делать комплекс Джо

Викса по вечерам. — Мэгги горько усмехнулась. — Меня хватило ровно на три раза. Точнее, два. В последний раз после трех берпи я рухнула на диван и продолжила смотреть, как приседает и делает выпады Джо, закидывая в рот печенье. Я ни на что не гожусь… Посмотри на меня! Зачем вам такой балласт? Всем будет лучше, если я вернусь домой. Я не хочу показаться неблагодарной. Ты всегда так добра ко мне. Видит бог, я не заслужила такого великодушного отношения. И, высказывая тебе все это, я чувствую себя еще ужаснее. Однако я хочу домой. — Мэгги кивала как заведенная. — Друг из меня никудышный. Я знаю. Но мне надо вернуться. Работы дома непочатый край. Рамы покрасить, убраться в чулане, досадить траву на лужайке — на ней появились проплешины… — Поток слов неожиданно иссяк.

Выслушав ее внимательно, Хелена подняла бровь и переспросила:

— Ты хочешь вернуться домой и досадить траву?

Мэгги неуверенно пожала плечами.

Хелена сжала накрашенные губы.

— Мы ведь это уже много раз проходили?

— Ты о чем?

— «Боюсь». «Хочу домой». Помнишь, как ты

чуть не сбежала в аэропорту Барселоны?

Мэгги задумалась. Точно. Тогда ее испугали небоскребы, перекрытые на ремонт дороги, запах битума. Все казалось чужим и непонятным.

— Ты хочешь сказать…

— А выходные во Франции? — продолжала Хелена.

Мэгги снова задумалась.

— У меня тогда все тело покрылось потницей, и я боялась, что подцепила какую-то заразу. Ничего удивительного, что захотела вернуться домой и вверить себя заботам нашего здравоохранения.

— Вот именно. Уже завтра все будет хорошо. Увидишь. Еще и впереди всех нас побежишь.

— Впереди вас?

— Я имела в виду, что ты примешь ситуацию.

Мэгги с облегчением вздохнула.

— Кстати, я не шутила, когда рассказывала про Джо Викса и печенье.

— Чего греха таить, я и сама его часто смотрю, когда принимаю ванну.

Мэгги усмехнулась.

— Пусть это останется нашим маленьким секретом, Лиз знать необязательно. Кстати, по ее отчаянно-жизнерадостной улыбке видно, что она сама в штаны наложила.

— Ты правда думаешь, я смогу взобраться на эту гору?

Хелена изучающе посмотрела на подругу.

— Знаешь, почему я оплатила твои билеты?

— Потому что я прекрасный собеседник с богатым внутренним миром.

— Как бы не так. Все намного проще. Приятно осознавать, что рядом есть человек, которому эта авантюра ненавистна даже больше, чем мне. — Мэгги дотронулась ногой до лежащих на земле рюкзаков. — Ну что? Они нас или мы их?

Глава 7. Лиз

Продев большие пальцы под лямки рюкзака, Лиз зашла в приют и огляделась по сторонам. Пахло свежим сосновым срубом. С южной стороны к приюту примыкала стеклянная пристройка, которая давала гостям возможность любоваться захватывающим дух видом на озеро и окружающие скалы. В углу помещения Лиз заметила большую печку, окруженную низкими сиденьями с наброшенными на них шкурами.

У входа на деревянной скамье сидел высокий мужчина лет шестидесяти в выцветшей клетчатой рубашке, застегнутой под самое горло. Тень от козырька кепки закрывала пол-лица. У его ног лежал пес и вылизывал лапы.

— Добрый день! — радостно сказала Лиз.

Мужчина ответил кивком и проводил ее глазами до изготовленной из цельного куска дерева и отшкуренной до блеска стойки, на которой лежали тонкий ноутбук и красная папка. Администратора на месте не оказалось.

Открытая дверь за стойкой вела в небольшой кабинет, в глубине которого Лиз виделся силуэт широкоплечего мужчины в шортах, носках и

трекинговых ботинках. Его густые, песочного цвета волосы были стянуты на макушке в тугой узел, открывая квадратную челюсть и аккуратно оформленную бороду. Мужчина стоял с застывшим лицом, держа руку в кармане, пока его собеседник, которого Лиз разглядеть не удалось, что-то говорил ему на норвежском.

Лиз решила не прерывать разговор. Она стянула с себя рюкзак, испытав неимоверное облегчение, и прислонила его к стойке. Заметив на доске объявлений карту, подошла ближе. Она всегда питала слабость к картам, которые, с одной стороны, олицетворяли упорядоченность и отсутствие хаоса, а с другой — сулили приключения.

Водя по карте пальцем, Лиз нашла на ней приют и изучила маршруты одного дня в окрестностях озера и леса, после чего ее взгляд упал на длинную красную линию, которой был отмечен четырехдневный маршрут вдоль горного хребта Свелл.

Расправляя складки на карте, она проследила пальцем маршрут от самого озера. Вот. Сначала они направятся на запад, пересекут долину и дальше пойдут вдоль реки; там в палатках проведут первую ночь. На следующий день через предгорье выйдут к отдаленному участку побере-

жья и разобьют лагерь на пляже. У бесконечной голубой глади Норвежского моря, от которого до Арктики было рукой подать.

Лиз сглотнула, прикоснувшись к самому последнему и самому трудному участку пути. Им предстояло взобраться по крутому северному склону на Блафьель, потом совершить переход по гребню ко второй вершине. Причем надо успеть до темноты. На горе они разобьют стоянку, где проведут последнюю ночь, а наутро коротким маршрутом вернутся в приют.

Услышав, что разговор в кабинете перешел на повышенные тона, Лиз обернулась. Широкоплечий мужчина с собранными на макушке волосами по-прежнему стоял и молча слушал собеседника. Затем шумно выдохнул, засунул руки в карманы и решительно кивнул, опустив глаза.

Пару мгновений спустя из комнаты вышел его собеседник — блондин с коротко остриженными волосами. Густой загар на лице подчеркивал холодную синеву глаз. Он улыбнулся Лиз. Завидев его, собака радостно вскочила в надежде, что тот потреплет ее по голове. Мужчина быстро скрылся за дверью, ведущей в столовую, однако Лиз успела разглядеть сидящих за длинными столами людей, услышать их смех и звон посуды, а также

уловить манящие ароматы мяса с картошкой и чего-то соленого.

— Прошу прощения, что заставил ждать, — приветствовал ее мужчина с пучком на голове, подходя к стойке. На вид ему было тридцать с небольшим. Скорее всего, ее ровесник. Судя по загорелому, обветренному лицу, большую часть времени он проводил на открытом воздухе. — Меня зовут Лайф. Добро пожаловать в наш приют. Чем могу помочь?

Лиз впечатлили его рост и мускулистое тело. У мужчины были крупные выразительные черты лица — прямой нос, тяжелая челюсть, густые нависшие брови.

Она непроизвольно вытянулась и сказала:

— Лиз Уоллес. На мое имя зарезервированы комнаты. Со мной еще двое.

В этот момент дверь в приют отворилась, и на пороге возникла Хелена с рюкзаком на плечах. Стуча каблуками начищенных до блеска ботинок по деревянному полу, она подошла к стойке.

Следом волочилась Мэгги, согнувшись под рюкзаком, лямки которого оставили заломы на платье. Сбросив ношу у стойки, она сняла кардиган.

Лиз заметила, что Лайф при виде Мэгги бук-

вально оторопел. Молодой человек, словно узнав ее, сдвинул широкие брови и на секунду замешкался.

Мэгги, не обратив никакого внимания на его реакцию, достала из рюкзака бутылку с водой и сделала несколько глотков. Ее шея покраснела.

— Все в силе? — нетерпеливо спросила Лиз.

Лайф, словно очнувшись, быстро заморгал.

— Да. Ваши комнаты ждут вас, — произнес он, кашлянув.

— Значит, нам сюда? — Мэгги подошла к карте. — Это и есть та самая тропа?

Лиз кивнула.

Мэгги закусила губу.

— Далековато.

— Красивейший маршрут со своими небольшими сложностями, — заверил подруг Лайф на прекрасном английском.

— Думаете, мы справимся? Путь неблизкий, — обратилась Мэгги к Лайфу, нервно теребя карманы платья.

Ее готовность передать инициативу любому, в ком угадывалась хоть какая-то крупица самостоятельности, всегда раздражала Лиз.

Лайф ответил не сразу.

— Главная трудность заключается не в рас-

стоянии, а в наборе высоты. Не забывайте про сложный рельеф, погодные сюрпризы, горные реки. Очень многое зависит от физической подготовки. Вы выдвигаетесь завтра, *ja*?

Девушки дружно кивнули.

— Посмотрите прогноз погоды. И не забудьте вписать свои имена в журнал. — Лайф положил ладонь на красную папку. — Мы будем в курсе, когда вас ждать обратно. По всему маршруту стоят указатели, но к концу сезона они могут подвести. Сейчас туристов уже не так много, поэтому свежей информации о состоянии указателей у меня нет. Карта, компас в наличии?

— Имеется, — ответила Лиз.

— А телефон в горах ловит? — поинтересовалась Мэгги.

Лайф помотал головой.

— С этим большие проблемы. Мало где есть сигнал.

Мэгги поникла.

— Если повезет, сможете поймать сеть на вершине, и то при условии, что погода позволит, — добавил Лайф.

— Мэгз, успокойся. Всего лишь четыре дня, — попыталась взбодрить подругу Лиз.

На улице молодые, атлетического телосло-

жения парни куда-то понесли дрова и ящики с пивом. Один отделился от толпы и плечом открыл дверь в приют. В черной безрукавке, он нес за ручку аудиоусилитель; на запястье красовался широкой кожаный браслет. Парень подошел к Лайфу, и они ударились ладонями. В столовой пришедшего встретил хор радостных возгласов.

— Сегодня у нас вечеринка в честь закрытия сезона, — объяснил Лайф. — Ждем много гостей: альпинистов, туристов, сезонных рабочих. Жители деревни тоже будут. Сейчас устанавливаем оборудование, будет музыка. Если голодны, поспешите. Кухня закрывается через полчаса.

Как раз в тот момент, когда Лайф протянул девушкам ключи от комнат, в приют под ручку вошла пожилая пара. Под глазами женщины лежали глубокие тени. Ее спина согнулась, словно под неподъемным грузом.

Сидящий у входа мужчина в кепке, от которого собака по-прежнему не отходила ни на шаг, поочередно поприветствовал кивком проходящих мимо стариков:

— Бьорн. Брит.

Лайф вышел из-за стойки поздороваться с гостями. Женщина тепло улыбнулась, положив руку ему на плечо. Лайф, со скорбным выражением

лица, слегка склонил голову. Они перекинулись парой фраз на норвежском, но незнание языка не помешало Лиз уловить некоторую напряженность между ними. Молодой человек пожал руку старику, зажав его ладонь между своими, а потом указал в сторону столовой и повел гостей за собой.

Когда женщина проходила мимо подруг, ее взгляд случайно упал на Мэгги, и она застыла на месте, уставившись на девушку широко открытыми глазами. Кровь отхлынула от лица старушки.

Мэгги растерялась.

Заметив возникшее замешательство, Лайф что-то сказал женщине шепотом, приобнял ее за плечо и мягко направил ко входу в столовую. Уходя, женщина продолжала оглядываться на Мэгги.

— Это что сейчас было? — пробормотала Мэгги, когда пара скрылась за дверью столовой. — Вы видели, как она уставилась на меня?

— Так же оторопел Лайф, когда ты вошла, — заметила Лиз.

— Вы очень похожи на их дочь, — раздался голос за спиной. Подруги обернулись. Мужчина в кепке поднялся со скамьи, собака тоже вскочила. — Меня зовут Вильгельм. — Он смерил Мэгги

изучающим взглядом. — Виной всему ваша прическа… и глаза, я полагаю.

Мэгги растерялась.

— Правда? Ну ладно…

— Они будто призрака увидели, — сказала Лиз.

Вильгельм грустно кивнул.

— Карин пропала без вести в прошлом году.

— Пропала без вести? — переспросила Лиз, перейдя на шепот.

— Она отправилась в горы. И больше ее никто не видел. — Мужчина бросил взгляд на цепь горных вершин, темнеющих вдали, и как будто о чем-то задумался.

Лиз почувствовала дрожь, словно от прикосновения холодного ветра.

Глава 8. Хелена

В столовой им принесли видавшие виды тарелки с огромными порциями картофеля в сливочном соусе и дымящимися тефтелями. Изысканным блюдо можно было назвать с большой натяжкой, однако, понимая, что полноценный горячий обед в ближайшие четыре дня им не светит, Хелена старательно собрала вилкой все до последней крошки.

Закончив трапезу, она встала из-за стола со словами:

— Мой черед покупать спиртное.

В столовую дружно ввалилась группа молодых людей. Они приветствовали ударом в кулак парня в шортах, у которого на талии висел шнур с карабином. Чтобы освободить место для импровизированной сцены, столы из середины зала отодвинули к стенам, и теперь мужчина в футболке с эмблемой в виде объятой пламенем горы подключал гитару к усилителю.

За барной стойкой стояла одетая в толстый шерстяной кардиган средних лет женщина с заплетенными в косу волосами. Она обслуживала туристов, с ног до головы облаченных в

«Патагонию». В ожидании своей очереди Хелена, нетерпеливо постукивая пальцами по стойке бара, обвела взглядом комнату. Дощатые полы, фонари на стенах, сами люди, здоровый цвет лица и довольные улыбки которых вызывали зависть, не оставляли сомнений, что здесь живут наполненной смыслом, полноценной жизнью. И вряд ли многие слышали о программе лояльности от «Старбакс».

Хелена была здесь чужой. В ее мире люди постоянно куда-то спешили, расплескивая кофе, строча на ходу сообщения и не обращая внимания на происходящее вокруг. Они носили тесную обувь и белье, в котором трудно дышать. Каждый день они задерживались сначала на работе, а после работы — в баре. Вся их физическая активность по выходным сводилась к прочесыванию окрестностей в поисках местечка, где можно вкусно позавтракать.

Попытки Хелены привлечь внимание барменши успехом не увенчались. Тяжело вздохнув, она сложила руки на груди — и тут же отдернула их как ошпаренная: ее груди стали непривычно мягкими. Хелена с подозрением посмотрела на зону декольте, чувствуя, как зашевелился червь беспокойства. Внезапно ее кольнуло воспомина-

ние о неиспользованном тесте на беременность. Она в последний момент сунула его в рюкзак. И вот уже здесь, в Норвегии, он дамокловым мечом навис над ней.

К стойке бара подошел короткостриженый, одетый в джемпер блондин с засученными по локоть рукавами. Вряд ли старше нее. Он облокотился локтем о стойку, и Хелена обратила внимание на серебряные часы, красовавшиеся на его покрытом золотистыми волосками запястье.

— Остин! — радостно поприветствовала посетителя барменша. А потом спросила на английском: — С лодкой все решилось?

— Да, порядок.

— Что будешь пить?

— Она была первая. — Блондин указал на Хелену и бегло смерил оценивающим взглядом ее фигуру.

Хелена склонилась над барной стойкой и попросила:

— Бутылку мерло и три бокала, пожалуйста.

Барменша отправилась за бутылкой, а молодой человек уставился на нее своими льдисто-голубыми глазами.

— Вы здесь альпинизмом заниматься или по горам погулять? — В его улыбке сквозило что-то

задорно-мальчишеское.

— Честно говоря, у стойки бара я привыкла отвечать на другие вопросы. — Хелена развернулась к нему всем телом. — Планируем покорить Свелл.

— Планируете?

— Есть опасения, что желание может не совпасть с возможностями.

— Из Англии приехали?

Хелена кивнула.

— Давно мечтаю побывать в вашей стране. Букингемский дворец, здание парламента, Биг-Бен… — По озвученному списку достопримечательностей Хелена заподозрила, что он только что закончил школьный проект, посвященный столице Великобритании. — Когда-нибудь обязательно приеду.

— А почему не сейчас?

Он заморгал, словно впервые в жизни задумался над этим вопросом.

— Работа. Проблемы с деньгами. — Потом, оглянувшись через плечо, добавил: — Отец.

Барменша вернулась с бокалами и бутылкой вина, которую со знанием дела открыла и поставила перед Хеленой.

Блондин извлек из кармана толстую пачку

денег.

— Угощаю. — В широких чертах лица и пронзительной синеве глаз этого уверенного в себе красавца все равно было что-то детское.

Хелена наклонила голову и сказала:

— Я не принимаю подарков от незнакомых мужчин.

Он замешкался на мгновение, но, быстро уловив намек, протянул руку.

— Остин.

— Хелена. — Она пожала ему руку. — Вот и познакомились.

Он улыбнулся во весь рот, еще не выпуская из своей теплой сухой руки ее ладонь.

Поблагодарив мужчину за вино, она забрала бутылку и начала пробираться сквозь толпу к подругам.

Глава 9. Мэгги

Мэгги вполуха слушала Лиз. Та разложила на столе карту с туристическими маршрутами и водила пальцем по отмеченному красным участку со сложным рельефом.

— К концу второго дня пути мы должны добраться до подножия Блафьеля.

Мэгги спиной почувствовала чей-то сверлящий взгляд и, выждав пару мгновений, обернулась. Сидящие в дальнем углу бара Бьорн и Брит не сводили с нее глаз, но быстро отвернулись, заметив, что она смотрит.

Мэгги стало не по себе, и ее щеки предательски зарделись. Никто не обрадовался бы, оказавшись двойником пропавшей без вести девушки.

Вернулась Хелена. Поставив бутылку на середину карты, она разлила вино по бокалам.

— Как вы тут без меня?

Лиз отодвинула бутылку на край стола.

— Выбираем, где лучше остановиться на ночлег. На Блафьеле вряд ли найдем площадку, чтобы установить палатки, поэтому необходимо… — Что-то пушистое коснулось ног Мэгги. Заглянув под стол, она обнаружила там собаку — ту, из

вестибюля. Шею животного обвивал растрескавшийся кожаный ошейник. Мэгги протянула руку, и пес с готовностью подставил уши.

— Руна, *kom!* — окликнул пса Вильгельм.

Пес рванулся к хозяину и зацепился ошейником за стол. Вино расплескалось по карте.

— Руна! — с укором буркнул Вильгельм, пытаясь освободить ошейник. Затем он достал из кармана носовой платок и добавил: — Простите!

— Все в порядке, — заверила его Мэгги, продолжая гладить пса.

Вильгельм платком протер стол и размазал по карте пролитое вино, а заодно и красные чернила, которыми Лиз обвела сложный участок пути.

— Блафьель, значит? — спросил Вильгельм, всмотревшись повнимательнее.

— Он самый, — подтвердила Лиз.

По-прежнему не сводя глаз с карты, Вильгельм загадочным тоном произнес:

— Сложная вершина.

Мэгги показалось, что он что-то недоговаривает. Мужчина аккуратно сложил носовой платок и сунул его обратно в карман. Подцепив собаку за ошейник, он уже собрался уходить, когда Мэгги вдруг спросила:

— Погодите. В фойе вы сказали, что в этих горах

пропала девушка.

Вильгельм помолчал, потом медленно кивнул.

— Карин.

— И куда она держала путь?

Словно боясь сболтнуть лишнее, Вильгельм плотно сжал губы, но Мэгги и без слов уже обо всем догадалась.

— На Блафьель?

Вильгельм потупил взгляд.

— Там ее видели в последний раз.

— Значит, там… опасно?

— Любые горы опасны, — бесцеремонно вмешалась Лиз.

Вильгельм кивком согласился с Лиз и, словно посчитав, что вопрос исчерпан, собрался ретироваться.

— Но вы что-то знаете про Блафьель? — не унималась Мэгги, не давая ему уйти.

Вильгельм задумался, после чего тихо произнес:

— Местные считают, что это место обладает… особой энергетикой. Там ощущаешь присутствие чего-то выходящего за пределы человеческого разума. Какие-то вибрации, если хотите. Вот этот парень точно знает, о чем я. — Он потрепал пса по голове. — Видели бы вы его, когда мы туда

попадаем! Шерсть дыбом, уши прижаты, скулит. Собаки всегда чувствуют присутствие сверхъестественного.

Холодок пробежал по коже Мэгги.

— Сверхъестественного? — переспросила она шепотом.

Не отрывая напряженного взгляда от лица Мэгги, Вильгельм произнес:

— Да, недоступного нашему пониманию. Это когда ты ощущаешь присутствие некой силы, но не можешь это чувство объяснить. Тебя начинает пробирать до костей. Я говорю об ощущении. Будто что-то давит на грудь.

Мэгги содрогнулась от ужаса.

Понизив голос, мужчина добавил:

— Блафьель считается… «тонким» местом. Слышали о таких?

Мэгги неуверенно кивнула. Она где-то читала о «тонких» местах.

— Кажется, это портал, где граница между нашим миром и миром духовным истончается, и они проникают друга в друга.

— Все верно. Место встречи хаоса и порядка. Жизни и смерти. Можно увидеть такое, о чем потом глубоко пожалеешь. Я лично Блафьель обхожу стороной и вам советую. Пожалуйста — лес,

река, другие горы. Только не Блафьель.

— Спасибо, что предупредили, — резко сказала Лиз. — Мы справимся.

Вильгельм выпрямился, кивнул и, взяв собаку за ошейник, удалился.

— Бьюсь об заклад, он работает на какого-нибудь норвежского туроператора, — ухмыльнулась Хелена.

Мэгги наклонилась вперед, вжав ребра в край стола.

— А если он прав и Блафьель действительно является «тонким» местом?

— Он просто нас пугает, — успокоила подругу Хелена. — Увидел, наверное, несрезанный ценник на куртке Лиз и решил пошутить над неискушенными туристами.

Мэгги уставилась на карту. Горизонтали на ней заметно уплотнялись по мере изменения цвета с ярко-зеленого на лесистых участках до светло-коричневого на гористых.

— Тысяча с лишним метров! Смотреть страшно!

— Это всего лишь карта, — успокоила ее Лиз.

— Нечего нам там делать, я считаю. — Мэгги оторопела от собственных слов.

— Это сказки Вильгельма на тебя так подей-

ствовали? — изумленно спросила Лиз.

— Почему бы нам не ограничиться первой половиной маршрута?

— Маршрут круговой, — напомнила подруге Лиз. — Его нельзя пройти наполовину.

— Боюсь, Блафьель нам не по зубам.

— А кому я советовала больше тренироваться? — сухо бросила Лиз.

Повисла тишина.

— Поздно давать задний ход. Для чего мы сюда приехали? Правильно. Чтобы покорить Блафьель.

Мэгги помотала головой.

— Лично я здесь потому, что не хотела сидеть дома одна без Фиби. Хелене нужно отдохнуть от работы. И сидим мы сейчас в этом туристическом приюте по одной-единственной причине. Потому что в этом году была твоя очередь выбирать, куда ехать, и потому что мы не посмели тебе возразить. Ты ничего лучше не могла придумать? Чтобы всем было комфортно.

— Да сколько можно валяться у бассейна? Сыта таким отдыхом по горло! Хочется перемен. Приключений. Перезагрузки, — ответила Лиз напряженным, колючим голосом.

Хелена взяла бутылку вина.

— Давайте еще по бокальчику. Нужно расслабиться. Путь был долгий. Утро вечера мудренее.

Глава 10. Лиз

Лиз захотелось на воздух. Она вышла из столовой, миновала вестибюль и шагнула в бодрящую прохладу вечера. Пожарище заката угасло, присыпанное белым пеплом звезд. Холод застал Лиз врасплох. Застегнув наглухо, до самого подбородка, флисовую куртку и спрятав руки в карманы, она сделала глубокий вдох.

То, что Мэгги пошла на попятную, вполне в ее духе. Классика жанра. Тоже мне, удивила. Лиз сделала все, от нее зависящее, чтобы подготовить подругу к восхождению: прислала комплекс упражнений, накидала ссылок на видео, выразила готовность забирать на выходные Фиби… У Мэгги всегда находились отговорки.

В надежде снять напряжение со спины, Лиз потянулась и отвела назад плечи. Где-то в кармане должны быть сигареты. Она их купила по пути к дому Хелены. Купить в родной деревне, где ее каждая собака знает, она не посмела. Не бывает курящих врачей. Так же как и мясников-вегетарианцев.

Она открыла пачку и, закрыв глаза, поднесла ее к носу. Тягучий, пьянящий аромат сигарет мгно-

венно вернул ее в те дни, когда она подростком, высунув голову из окна, тайком курила в комнате Джони, пока бабушка смотрела в гостиной «Обратный отсчет».

Зажав сигарету в губах, Лиз чиркнула зажигалкой. Вспыхнувший в темноте огонек на какой-то миг ослепил. Она затянулась, почувствовав, как горячий колкий дым наполнил горло и легкие. Запретный плод! В ней вдруг проснулся маленький бунтарь. Всю жизнь она только и делала, что следовала правилам, соблюдала законы, избегала экспромтов и все планировала наперед. Поэтому нет-нет да и возникало страстное желание выкурить сигаретку-другую.

Выпустив дым, Лиз затянулась еще раз. Через стеклянную стену приюта она видела, что в помещении стало не протолкнуться, а у бара выстроилась очередь из трех человек. За стеклом гремела музыка. Мэгги и Хелена сидели, склонив друг к другу головы, и наверняка обсуждали ее. Почти всегда в их компании она чувствовала себя третьей лишней. Пока Джони была рядом, отношения складывались гармонично. Теперь, когда они остались втроем, устранить перекос стало трудно.

Она перевела взгляд на горные вершины, чер-

ные силуэты которых терялись в закатной мгле. На фоне этих исполинов все ее переживания вдруг показались детской шалостью. Завтра они отправятся в поход по этой дикой местности. Скорее бы. Боль в мышцах, усталость, движение из последних сил и преодоление — то, что ей сейчас нужно. Ходьба спасала ее уже несколько месяцев. Движение вытесняло неприятные мысли, освобождало разум, физические ощущения брали верх.

Человек рожден ходить. Говорить он научился намного позже. Почему же сегодня эту базовую потребность пытаются заменить всякого рода протезами: машинами, электросамокатами, эскалаторами и лифтами? Лиз все уши прожужжала своим родителям про то, насколько уникальна конструкция человеческой стопы. Задуматься только! Двадцать шесть костей, тридцать три сустава, сотня с лишним мышц, сухожилий и связок работают как единый механизм, только чтобы люди ходили.

Именно этим они и займутся с утра пораньше. Вылазка в горы необходима ей как воздух. Она не позволит Мэгги нарушить ее планы.

Лиз затушила сигарету. Приближающийся свет фар осветил холм, у подножия которого примо-

стился приют. Интересно, кого принесло в столь поздний час?

На стоянке остановилось такси. Открылась задняя дверца. На землю упал рюкзак, следом показалась пара стройных загорелых ног, обутых в черные берцы. Лиз подняла глаза и увидела спину пассажирки, которая наклонилась к водителю, чтобы оплатить поездку. Незнакомка захлопнула дверцу автомобиля, и такси тронулось с места.

Свет от задних фар осветил окутанную облаком пыли фигуру как раз в тот момент, когда девушка повернулась к Лиз лицом. Короткие джинсовые шорты, кожаная куртка как с чужого плеча, собранные в высокий пучок темные волосы, подведенные карандашом глазищи…

От неожиданности Лиз закрыла рот руками, потом потрясла головой, словно пытаясь стряхнуть наваждение.

— Джони! — вырвался наконец радостный крик.

Глава 11. Джони

Лиз! Лиз! Лиз!

Собственной персоной. Нисколечко не изменилась. Ни грамма косметики, блеск в глазах, аккуратно убранные назад волосы, улыбка на все лицо.

Они кинулись навстречу друг другу. Закружились в вихре объятий, поцелуев, радостного смеха и прикосновений.

— Ты приехала! — Лиз верещала от восторга.

— И сразу застукала кое-кого с сигареткой, — усмехнулась Джони, вдыхая запах табачного дыма и стирального порошка. — Даже обидно, чуть-чуть не успела. Представить страшно — доктор Лиз Уоллес дымит втихаря! — Она выпустила Лиз из объятий и быстро нащупала тонкую пачку в ее кармане. — Попалась?

Лиз рассмеялась, запрокинув голову.

Достав из пачки две сигареты, Джони заткнула одну себе за ухо, вторую — за ухо Лиз.

— Без меня курить запрещено. Забыла?

— Какими судьбами? — воскликнула Лиз. — А как же гастроли?

— Закончились.

— Вроде остался последний концерт?

Джони всегда умиляло, как внимательно Лиз следит за ее гастрольным графиком. Наизусть знает все даты и названия площадок. Нет-нет да и пришлет сообщение: «Как тебе Хельсинки? Будет время, обязательно сходи в портретную галерею на набережной. Она стоит того. Мои поздравления. Прочитала, что все билеты на концерт в Париже раскуплены».

— С меня хватит. Устала.

Лиз нахмурила брови.

— Что случилось?

Как найти слова, чтобы объяснить Лиз и девочкам, во что превратилась ее жизнь? Джони вспомнила фотографию, которую они прислали ей по пути в аэропорт. «Еще не поздно». Как же ей хотелось, чтобы это было правдой! Хотелось начать новую жизнь, оставив прошлое за спиной. Хотелось потеряться в глуши, утонуть в девственно-чистой, первозданной красоте.

Когда Джони стремглав выскочила босиком на ледяной тротуар в Берлине, проходящая мимо молодая мама отпрянула от нее как от прокаженной и крепко сжала ладонь своего малыша. С таким же успехом молодая женщина могла бы нанести ей пощечину. Последнее, чего бы Джони

в жизни хотелось, — так это чтобы родители при виде нее в страхе прижимали к себе детей. Она села в такси и отправилась в аэропорт, заскочив по пути в магазин за ботинками. В аэропорту зашла в туалет, где, наклонившись над раковиной, умылась холодной водой с мылом для рук, затем купила билет на ближайший рейс до Бергена и прошла регистрацию.

Уже сидя в зале ожидания, с мутной головой, в состоянии полного изможденья, дрожащими пальцами Джони набрала сообщение Каю, своему бойфренду и агенту, в котором поставила его перед фактом, что выходит из игры. Она отдавала себе отчет, что ее поступок произведет эффект разорвавшейся бомбы. Ребята из группы никогда ее не простят. На поле боя своих не бросают. А она всех подвела. Джони даже думать боялась о фанатах, которые раскупили все билеты полгода назад и с нетерпением ждали назначенной даты. Но обратного пути нет. Точка. Пороха в пороховницах не осталось. Она чувствовала себя совершенно сломленной.

— Я очень устала. Хочу побыть с вами. Мне нужны мои друзья. Нужна ты, Лиз. — Джони взяла подругу за руку. — Можешь дать мне справку? Между прочим, ты все еще мой врач. Я до сих

пор прикреплена к вашей клинике. При нервном истощении ведь дают? Я не шучу.

Лиз озадаченно посмотрела на подругу.

— Без проблем.

— Спасибо! — Джони сгребла Лиз в объятия, потом, быстро отпустив ее, схватила рюкзак за лямку и взвалила на плечо. — Показывай дорогу. Устроим девочкам сюрприз.

Пальцы подруг переплелись, и обручальное кольцо Лиз чиркнуло по серебряному перстню в форме черепа, украшавшему руку Джони. Они вошли в столовую, наполненную ароматами еды и горелых дров. Гости танцевали перед импровизированной сценой, на которой какой-то парень бренчал на гитаре. Извиняясь, Джони с увесистым рюкзаком на спине протискивалась сквозь толпу гостей, которые были вынуждены расступиться, чтобы ее пропустить.

Впереди она заметила своих подруг. Мэгги в ярко-желтом платье подперла рукой подбородок и что-то говорила; ее золотисто-каштановые волосы красиво обрамляли лицо. Хелена сидела напротив, нога на ногу, откинувшись на спинку стула: иссиня-черные волосы в аккуратном каре, помада на губах.

Джони сбросила рюкзак на пол.

— Джони! — Мэгги вскочила на ноги, уронив стул, и кинулась на шею подруге.

— Глазам своим не верю! — Хелена громко рассмеялась и присоединилась к ним.

Лиз тоже не осталась в стороне. Подруги радостно обнимались, целовались, прыгали от счастья. От Мэгги, как и раньше, пахло травяным шампунем, от Хелены — дорогим увлажняющим кремом для лица, которому она не изменяла годами, от Лиз — свежевыстиранным бельем. Джони вдыхала эти ароматы и чувствовала, как к глазам подступают слезы. Наконец-то она дома!

Мэгги первой высвободилась из объятий и, тяжело дыша, сказала:

— Мы и не надеялись тебя здесь увидеть! Как же гастроли? Лиз была в курсе?

— Я решила преподнести вам сюрприз! — усмехнулась Джони. Она дотронулась до щеки Мэгги. — Как же я скучала по этой мордашке. Материнство тебе к лицу. Как Фиби?

Глаза Мэгги загорелись.

— Чудесно!

Джони обратилась к Хелене:

— Ты только погляди! Челка тебе очень идет!

Каре Хелена носила годами, а недавно она решилась на челку, которая теперь ровной линией

пересекала лоб.

— Прячу межбровную складку, — разоткровенничалась Хелена.

Джони взяла Лиз за руку.

— Мы здесь благодаря тебе. Подумать только, Норвегия! Помните реферат по географии? Все, как мы мечтали. — Ощущение безграничной радости наполнило сердце. Этот миг хрупкого неожиданного счастья, окутавшего ее золотистой дымкой, был так прекрасен своей безусловной красотой, что у Джони перехватило дыхание, и в груди разлилось тепло.

Ее взгляд упал на лежащую на столе карту.

— Наш маршрут? И где здесь гора?

Хелена и Мэгги молча переглянулись.

— Что не так? Мы же в горы идем? Или я чего-то не знаю?

Мэгги смущенно потупила взор.

— Только не говорите мне, что все отменяется. Я скупила весь чертов магазин туристического снаряжения.

Хелена, не сводя взгляда с Мэгги, произнесла:

— Мэгз?

Мэгги медленно подняла глаза.

— Ну что с вами поделаешь? В горы так в горы! Будь они неладны.

Лиз рассмеялась, как показалось Джони, с облегчением, и начала рассказывать про маршрут, по которому им предстояло пройти, и места, где можно будет разбить лагерь. Девушки разом возбужденно затараторили.

В какой-то момент внимание Джони оказалось прикованным к бару, витрина которого поблескивала стройными рядами бутылок.

— Мне надо срочно выпить! — С этими словами она ринулась к барной стойке.

— Что пить будете? — поинтересовалась барменша.

— Бутылку шампанского, пожалуйста. И двойную порцию водки.

— Шампанского? — искренне удивилась женщина и, приподняв бровь, добавила: — Не часто здесь с такими просьбами подходят.

— Ну или что у вас там еще есть? Главное, чтоб с пробкой.

Сначала принесли водку. Джони, морщась, опрокинула рюмку.

Потом барменша принесла покрытую пылью бутылку шампанского. Поставив ее в ведро со льдом, женщина покосилась на Джони.

— А я вас знаю. Вы же солистка группы… как ее… «Хорс Флай». Мой сын — ваш фанат.

Ничего-то вы обо мне не знаете. Вам невдомек, какая пустота сковывает мое сердце, когда я пою. Не догадываетесь, что в моем райдере значатся только чипсы и водка. И даже не предполагаете, что, когда ко мне подходит пацан и говорит, что мечтает стать таким, как я, мне хочется схватить его за плечи и сказать: «Беги отсюда, не оглядываясь!»

— Угадали! — Джони одарила ее лучезарной улыбкой. Затем она взяла за ручку ведерко со льдом, зажала между пальцами ножки фужеров для шампанского, сверкнув при этом черным лаком, и направилась обратно к столу.

Подруги громко смеялись и уже откуда-то притащили четвертый стул.

— Шампанское! — радостно захлопала в ладоши Мэгги.

От Джони не ускользнуло, как Хелена театрально закатила глаза. Считает, что все это ненужный выпендреж?

Джони умело вытащила пробку и наполнила фужеры до самых краев, пролив шампанское на карту, где искрящиеся пузырьки быстро размыли часть линии, которой был отмечен их маршрут.

Джони подняла высоко бокал.

— За нас! За нашу дружбу! За покорителей

вершин!

Глава 12. Мэгги

В баре было не протолкнуться. На сцене какой-то парень бренчал на гитаре и гнусаво выл в микрофон, гости танцевали. Большая мужская компания то и дело с громкими криками сдвигала пивные кружки.

Мэгги чувствовала легкое головокружение. Дома она почти не пила, полагая, что баловаться вином в одиночестве, пока спит Фиби, не совсем правильно. Так в ее жизни появились печеньки.

Лайф, администратор приюта, петлял между гостями, сжимая в руке бутылку пива. Натянувшаяся ткань футболки красиво обрисовала его грудные мышцы. Проходя мимо подруг, он улыбнулся и спросил:

— Все хорошо?

— Лучше не бывает. — Лиз расплылась в улыбке. Черты ее лица под действием вина заметно смягчились. Показав на свободный стул, она добавила: — Не желаете присоединиться?

Когда мужчина присел, спрятав под стул ноги, рейки спинки под его весом прогнулись. Он наклонился вперед и положил мускулистую руку на стол. Мэгги как завороженная не сводила глаз с

его тренированных предплечий с выпирающими из мышц венами, сильных ладоней и аккуратно остриженных ногтей. Одним словом, с рук альпиниста. По вечерам она страдала не только от отсутствия алкоголя.

— Кстати, познакомьтесь, — сказала Лиз. — Джони. Лайф.

Джони улыбнулась, продемонстрировав два ряда идеально ровных белоснежных зубов.

— Рада знакомству.

Мужчина улыбнулся, и вокруг его глаз засветились лучики морщинок.

— А я вас узнал! Вы солистка группы «Хорс Флай». — Он торопливо вытер о футболку руку, в которой только что сжимал бутылку пива, и протянул ее Джони.

Та пожала ее с непринужденной улыбкой.

— Джони преподнесла нам сюрприз! — радостно поделилась Мэгги. — У нас есть традиция — каждый год мы стараемся выбираться куда-то вчетвером. Даже не надеялись, что Джони сможет вырваться.

— Каждый год? — переспросил Лайф.

— С тех пор, как нам стукнуло восемнадцать, — не без гордости заметила Джони.

— Правда, чаще программа отдыха включает

бассейн и коктейли, — ввернула Хелена.

— И давно вы знакомы? — поинтересовался Лайф.

Мэгги потянулась за бутылкой, чтобы налить еще шампанского.

— С детства. — Мэгги с удивлением обнаружила, что язык заплетается. — Главные люди в моей жизни. Прошу любить и жаловать.

— Познакомились еще в школе, — сказала Хелена. — Мы с Мэгги жили в неблагополучном районе и вместе ездили в школу.

Школьный автобус каждое утро проделывал сложный маршрут. Он собирал детей как из районов с муниципальным жильем, где жили Мэгги и Хелена, так и из близлежащих деревень, где жили Лиз и Джони в особняках, утопающих в зелени собственных садов.

— Благополучный, неблагополучный — какая разница, — промолвила Лиз, откинувшись на спинку стула. — Мы учились в одном классе. Были не разлей вода. Любовь с первого взгляда, одним словом. Что еще скажешь?

Лайф улыбнулся и понимающе кивнул.

— Один за всех, и все за одного.

— Они моя семья. — Джони обняла сидящих рядом Лиз и Мэгги.

— Девочки, а помните, как мы поехали на экскурсию с ночевкой? Ну, когда нас поселили в разных комнатах? После отбоя, прихватив спальные мешки, мы украдкой пробрались в лодочный ангар, где и провели остаток ночи.

— И все было бы хорошо, если бы Джони не взбрело в голову покататься на лодке под красивым звездным небом. Тут-то нас и застукала охрана, — разоткровенничалась Хелена.

— Джони — известная смутьянка. Всегда нас с панталыку сбивает. Джони, помнишь, как ты взяла нас «на слабо», предложив спереть DVD-диск из «Блокбастера»? Еле оторвались тогда от кассира, который выбежал за нами на улицу. — Лиз широко улыбнулась.

Мэгги тоже решила поделиться:

— А я часто вспоминаю пьяную вечеринку в шахте, когда домой мы вернулись в сопровождении полицейских. Тоже твоих рук дело, Джони. Но месяц под домашним арестом — ничто по сравнению с тем кайфом, который мы испытали, отплясывая в гулкой шахте, когда все тело резонировало в такт музыке.

У Джони был особый талант. Рядом с ней вкус жизни ощущался особенно остро. Когда Мэгги выходила замуж за Эйдана, Джони, как и положе-

но, преподнесла им свадебный подарок. А потом отвела Мэгги в сторону и тайком сунула ей в руку отдельный сверток, прошептав: «А это лично для тебя». Позже, когда гости разошлись, Мэгги разорвала упаковку и обнаружила внутри шикарный набор кистей и акриловых красок, к которому прилагалась записка: «Оставайся собой. Оставайся творцом». Жаркая волна стыда накрыла Мэгги, когда она подумала о непочатых тюбиках, которые до сих пор ждали своего звездного часа, похороненные под ворохом одежды в шкафу. Мэгги быстро отогнала непрошеную мысль, решив, что сейчас не время для самобичевания.

— Сколько вы всего вместе пережили! — искренне восхитился Лайф.

Взглянув на их дружбу глазами Лайфа, Мэгги вдруг наполнилась светом и легкостью. Вчетвером они прошли через взлеты и падения, неудачные романы, рождение детей, утрату родителей и на всем пути неустанно поддерживали друг друга. Совместный отпуск был не просто возможностью поваляться на солнце или провести время на свежем воздухе. Встречи с подругами стали для Мэгги встречами с собой прежней, которая, несмотря на все тяготы взрослой жизни, еще пряталась где-то внутри и только в присут-

ствии подруг вырывалась на свободу.

— В Норвегии первый раз? — спросил Лайф.

Подруги кивнули.

— Вы влюбитесь в горы, вот увидите. Они меняют людей. В экстремальных условиях проявляется истинная человеческая натура.

— И давно вы здесь живете? — поинтересовалась Хелена.

— Всю жизнь. Приют построил еще мой дед. После его смерти следующие двадцать пять лет приютом управляли мои родители. Отец умер три года назад, и здоровье мамы сильно пошатнулось. Она перестала справляться с делами, и эстафету пришлось принять мне. В прошлом году мы сделали ремонт, впервые за последние полвека.

— Место шикарное. — сказала Хелена. — Вам удалось почти невозможное — сохранить атмосферу традиционного жилища и привнести в нее за счет пристройки из стекла размах и свежую ноту.

— Спасибо. — Комплимент заставил Лайфа покраснеть.

— Интересно, когда тебе достается такое наследство, оно не превращается в тяжелую ношу? — неожиданно поинтересовалась Мэгги. — Будто

тебя против воли привязали?

Лайф помотал головой.

— Для меня это место — все. Горы, озеро, снежные зимы, жаркое лето. Другого мне не надо.

В его словах было столько искренности, что Мэгги оставалось лишь улыбнуться и поднять бокал.

— За вас и ваш приют!

Лайф легонько стукнул своей бутылкой о бокал.

Неожиданно дверь распахнулась, и в столовую ввалился давно не бритый молодой человек лет двадцати пяти. За плечами висел видавший виды рюкзак, из-под оранжевой шапки-бини торчали темные завитки, закрывавшие лоб. На шее красовалась черная татуировка.

Барменша застыла как соляной столп, открыв от удивления рот.

Девушки в дальнем углу бара замерли с бокалами в руках и перешли на шепот.

Лайф, чей взор был прикован к гостю, не шелохнулся.

Развязной походкой, широко размахивая руками, молодой мужчина пересек комнату. Грозно выпятив челюсть, он с вызовом оглядел присутствующих, словно вопрошая: *Чего уставились?*

— Это кто? — прошептала Мэгги, чувствуя, как задрожал от напряжения воздух в комнате.

— Мой брат, — произнес Лайф и резко встал, чуть не опрокинув стол. Напитки расплескались.

Мужчина заметил Лайфа и остановился как вкопанный. Несколько мгновений они не отводили друг от друга взгляд.

Присутствующие затаили дыхание, а певец не осмелился начать новую песню.

Потом брат Лайфа сказал что-то по-норвежски, раскинул руки для объятий и с улыбкой шагнул навстречу.

После секундного замешательства Лайф сделал то же самое и обнял брата, радостно воскликнув:

— Эрик!

Он радушно похлопал брата по спине, но от Мэгги не ускользнул взгляд Лайфа, тайком брошенный на сидящих за угловым столиком Бьорна и Брит.

Бокал в руке Брит задрожал. Бьорн побелевшими пальцами вцепился в подлокотники. Старики смотрели на Эрика так, словно узрели дьявола во плоти.

Глава 13. Хелена

Появление Эрика вызвало замешательство. Гости, обмениваясь выразительными взглядами, перешли на шепот, говорили, наклонившись к уху собеседника. Однако вскоре вновь заиграла музыка, гитарист включил усилитель, и вечеринка забурлила с новой силой.

Мэгги вскочила и начала пробираться к сцене. Хелена и забыла, какой душкой может быть Мэгги после нескольких бокалов. Ее просто распирало от любви к окружающим и всему миру.

— Что она делает? — с тревогой в голосе спросила Лиз.

Мэгги, стоя на цыпочках, что-то прошептала на ухо музыканту, обернулась и с сияющим видом показала рукой на их стол.

Хелена толкнула Джони локтем в бок.

— Кажется, чей-то отпуск закончился.

Мэгги, улыбаясь во весь рот и махая рукой, приглашала Джони на сцену.

— О боги, — простонала Джони, беззвучно умоляя подругу остановиться.

Но певец уже склонился над микрофоном, чтобы торжественно возвестить на английском:

— Дамы и господа, на нашей вечеринке присутствует особенный гость…

Несколько пар глаз в то же мгновение устремились на подруг.

Лиз, с сигаретой за ухом, наклонилась вперед так близко, что их с Джони носы почти соприкоснулись, ударила по столу сначала одной ладонью, потом — второй и с широкой улыбкой на лице начала отстукивать ритм и скандировать:

— Джони Голд! Джони Голд!

Хелена подхватила ритм, стуча кольцами о край стола и заставляя подпрыгивать фужеры. Присоединились и другие голоса.

— Джони Голд! Джони Голд! Джони Голд!

Скоро все взоры были устремлены на их столик. Лиз встала и протянула подруге руку.

Джони опустошила бокал шампанского и под восторженные возгласы гостей позволила отвести себя к импровизированной сцене. Мэгги стояла в первом ряду и радостно аплодировала. Музыкант передал Джони гитару, которую она сразу повесила себе на шею.

Хелена пробралась сквозь толпу и встала рядом с Мэгги и Лиз.

— Неужели она сделает это? — с дикой радостью в глазах произнесла Лиз, пока Джони

настраивала инструмент.

— Даже не сомневаюсь! — ответила Хелена.

Джони жила аплодисментами и сценой, но была не их тех, кто привлекает на себя внимание. Она ждала, когда публика созреет. Начнет скандировать ее имя. Стучать по столу, сгорая от возбуждения и предвкушения. Тогда — и только тогда — она делала шаг вперед.

Хелена окинула Джони оценивающим взглядом. Подруга была одета в старую футболку и шорты с потертостями и рваным краем. Грубые ботинки подчеркивали красоту длинных стройных ног. Из украшений на ней были широкие кожаные браслеты на правой руке и кольцо в носу, из косметики — лишь подводка вокруг глаз. Выраженные скулы и ясные зеленые глаза в большем и не нуждались.

Все взгляды были устремлены на нее. Джони начала всем телом раскачиваться; внутри уже пульсировал нужный ритм. Она наклонилась к микрофону, почти касаясь его губами. Рот полуоткрыт, глаза распахнуты.

— Привет! — Всего лишь одно слово, но сколько в нем глубины, теплоты тембра и выразительности!

Зал притих.

В полной тишине Джони запела.

О боги! Что за голос! Томный и печальный, он эхом разнесся по залу. Хелена почувствовала, как по шее побежали мурашки.

Поэтому Джони рок-звезда.

Она ударила по струнам, и зрители как загипнотизированные со всех сторон обступили импровизированную сцену, покачивая бедрами и пританцовывая. В этом и заключался главный секрет Джони: люди, услышав ее пение, теряли дар речи. Ее талант ошеломлял. Только глухой мог не испытать трепет и не почувствовать его уникальную силу и красоту. Каждый из присутствующих понимал, что ему довелось стать свидетелем чего-то необычайного.

Хелена кожей ощущала летающие по залу искры. Магнетизму Джони невозможно было сопротивляться. Богатый интонациями голос заставал слушателей врасплох, глубокие и резкие ноты уступали место мягким и обволакивающим. Казалось, что звуки льются из самых глубин ее существа. Став с гитарой единым целым, она сжимала гриф длинными тонкими пальцами. Изгиб спины, шеи, томный взгляд полуприкрытых глаз не оставляли сомнений: песню Джони проживала всем телом, которое вдруг будто лишилось

своей физической сущности, перетекая из одного состояния в другое.

Она не исполняла музыку. Она *была* музыкой.

Бьющая через край энергия захлестнула зрителей. Хелена, достав смартфон, нажала кнопку «Видео». Лиз стянула с волос резинку и распустила хвост. Мэгги в экстазе кружилась, не обращая внимания на юбку, которая зонтиком вздымалась вокруг ее ног. Какая-то девица, засунув пальцы в рот, чуть не оглушала соседей свистом. Мужчина в расстегнутой до пояса рубашке размахивал вскинутыми руками.

Мэгги сгребла в объятия Лиз и Хелену. Стоя у микрофона, Джони смотрела прямо на них и сияла от счастья. Неважно, сколько им лет — двенадцать, восемнадцать или двадцать пять. Старая дружба не ржавеет. И бремя прожитых лет не имеет над ними никакой власти. Один за всех, и все за одного. От боли, злости и недовольства не осталось и следа; излучаемый Джони свет рассеял мрак воспоминаний, и Хелена, у которой от изумления шла кругом голова, напрочь забыла о своих обидах.

Песня закончилась, публика восторженно аплодировала. Джони смотрела на зрителей сияющими от радости глазами и улыбалась во весь

рот, демонстрируя два ряда идеально ровных белоснежных зубов; легкая щербинка между двумя передними придавала ее улыбке особый шарм. Когда первый агент попросил Джони от нее избавиться, она ответила: «Без проблем. Сразу после того, как вы перекроите собственную внешность». В этом была вся Джонни — никогда не терпела неуважительного отношения к себе и всю жизнь делала что хотела.

Джони согласилась на одну песню. Так и сказала: «Только одну». Но разгоряченную толпу уже было не остановить. Не успела она снять с шеи гитару, как предыдущий исполнитель вышел вперед и выкрикнул:

— Неужели отпустим?

Публика взорвалась ликующими возгласами.

— Еще! — подпрыгивая на месте, громче всех вопила Лиз. — Давай «В темной скорлупе»!

Лиз всегда гордилась свой лучшей подругой, и ее искренность заслуживала восхищения. Она никогда не завидовала ее красоте, успеху или славе. Никогда не роптала, когда та пропадала надолго из вида. Лиз льстило, что никакие соблазны мира шоу-бизнеса не смогли заставить Джони забыть подругу детства. Джони по-прежнему нет-нет да и прилетала повидаться с Лиз и ее семьей.

— Следующую песню я посвящаю моим друзьям, — с хрипотцой в голосе объявила Джони.

Когда прозвучал первый аккорд хита «В темной скорлупе», толпа взревела от восторга.

Хелена тоже любила эту песню. Мыслями она вернулась в тот далекий день, когда Джони прислала ей запись, над которой только что завершила работу в студии. «Послушай», — сказала тогда Хелена своей маме, включив песню. И мама застыла, прижав руки к груди. Когда песня закончилась, она со слезами на глазах сказала: «Передай Джони, что я ей очень горжусь. Пусть обязательно зайдет, когда приедет».

Подростком Джони часто приходила к ним после школы. Мама Хелены научила ее играть на синтезаторе, читать ноты, пользоваться невероятным диапазоном своего голоса. Когда Джони исполнилось семнадцать, мама подарила ей на день рождения блокнот «Молескин», за который выложила целое состояние, вручив его со словами: «Для твоих хитов».

После смерти мама Хелены оставила Джони старый синтезатор и старинную деревянную шкатулку с нотами, по которым та в детстве училась нотной грамоте. Хелена собиралась отдать их подруге после похорон, но Джони так и не

появилась.

В отличие от бьющихся в экстазе поклонников, Хелена стояла неподвижно. Если бы ее мама была до сих пор жива, она бы тоже скандировала имя Джони. Она бы забыла всю боль, которую причинила ей Джони, ни разу не позвонив и не заехав в гости во время ее болезни. Потому что ее мама всегда видела в ней только талант, красоту, ранимость и отсутствие уверенности в себе, полагая, что Джони нуждается в защите. Мама ее простила бы. Как и остальные.

Но не Хелена.

Она тряхнула головой и огляделась.

У входа, прислонившись к стене, стоял молодой человек. В отличие от остальных гостей, он не танцевал.

Это был Остин, с которым она познакомилась у барной стойки. И сверлил он взглядом своих льдисто-голубых глаз не Джони Голд.

Он смотрел на нее.

Хелена не отвернулась. В глазах парня читалось желание. Когда его взгляд скользнул по ее губам, Хелена почувствовала, как волна предвкушения и возбуждения толкнула ее в грудь.

И тут зал оглушила новая волна возгласов. Лес рук взмыл вверх. Напитки расплескались из взле-

тевших ввысь бокалов. Когда толпа отхлынула от сцены, Остин подошел к двери, открыл ее и приглашающим взглядом впился в Хелену.

Она бросила быстрый взгляд на подруг, плененных чарами Джони, и начала пробираться сквозь толпу. Ряды зрителей за ее спиной быстро сомкнулись.

Глава 14. Джони

Джони наклонилась к микрофону и под одобрительные крики и свист толпы осипшим голосом предупредила:

— Эта — последняя.

Здоровяк с густой волнистой шевелюрой, стоящий у самого края импровизированной сцены, протянул ей рюмку. Джони опрокинула ее, вытерла губы тыльной стороной ладони и вернула парню. Бросила взгляд на гитару и на мгновение замешкалась, словно вдруг забыла, где находится и как сюда попала. Зрители затихли. С отрешенным видом подняла глаза, в море незнакомых лиц выхватила взглядом стоящую в первом ряду Лиз и сделала шаг вперед.

Лиз, надежная как скала, стояла рядом. Она не даст упасть.

Джони не заслужила такую подругу. Когда она исчезала с радаров, Лиз не переставала звонить, писать сообщения и слать на адрес звукозаписывающей студии баночки с витаминами и биодобавками в надежде, что они найдут адресата.

В перерывах между турами Джони периодиче-

ски жила у Лиз и Патрика, появляясь на пороге их дома выжатая как лимон и окончательно павшая духом. Первые сутки она обычно отсыпалась в подготовленной подругой постели, окутанная ароматом свежесрезанных цветов, которые Лиз оставляла в вазе на подоконнике. Когда Джони, отдохнувшая, наконец выходила из комнаты, ее объятий уже ждали дети Лиз. Им не терпелось похвастаться своими достижениями: падкая на похвалу Иви демонстрировала новые танцевальные движения, а Дэниел скромно протягивал очередной пояс по карате, сгорая от желания показать себя в деле. Джони всегда умиляло, как его маленькие кулачки и ножки нещадно колотили по диванным подушкам. По вечерам Патрик готовил сытный ужин из собственноручно выращенных зимой корнеплодов; потом они сидели допоздна, слушая малоизвестные альбомы, а Лиз над ними подтрунивала, прикрывая ладонью рот, чтобы они не заметили, как она зевает.

Лиз давно уговаривала Джони купить дом в деревне, куда бы она могла возвращаться между турами. Дом, в котором выросла Джони, продали лет десять назад, сразу после смерти бабушки…

Лиз с озабоченным видом тоже сделала шаг вперед.

— Джони?

Подруга чуть вздрогнула, затем кивнула, давая понять, что все в порядке. Струны застонали в ее руках. Три ноты. Пауза перед рывком. И Джони запела.

Бешеный поток энергии, порожденный бурлящим коктейлем эндорфинов и алкоголя, захватил певицу и вознес на гребни звуковых волн.

Лиз с облегчением улыбнулась.

Джони не переставала двигаться в такт музыке. На лбу выступили капельки пота. Даже внутренняя поверхность бедер покрылась испариной. Она пела, слегка подавшись вперед. Распущенные волосы подрагивали при каждом движении.

«Я высоко лечу, касаясь облаков», — пела она, выталкивая звуки всей диафрагмой под переборы струн.

Несколько человек с раскрасневшимися лицами, в прилипших к разгоряченным потным телам футболках, двигались в такт словам, высоко подняв руки.

Джони наклонилась к микрофону. «Им не дано понять: полет мой завершился».

Мгновение — и прозвучал финальный аккорд. Сделав глубокий вдох, она подняла голову и, почти касаясь губами микрофона, прошептала:

«Я падаю…»

Угасла последняя нота, еще недавно глубокий звук ушел в пустоту. Душу защемило от тоски. В полной тишине Джони склонила обессиленно голову, и волосы черным занавесом упали на лицо.

Зал взревел.

Публика разразилась оглушительными рукоплесканиями. Джони опустила глаза — на несколько мгновений она позволила себе окунуться в аплодисменты незнакомцев, наслаждаясь триумфом. На короткий миг их связала музыка. Ее переживания, облаченные в слова, вылились наружу и попали этим людям в самое сердце, подобно рассекающему темноту снопу искр. Она уже давно не выступала в камерной обстановке, когда до зрителя было буквально рукой подать. Никаких тебе софитов, сценических костюмов и больших экранов.

Она медленно подняла голову, одарила присутствующих улыбкой и, обводя взглядом зал, почувствовала, как ее укутывает искрящаяся теплая волна. Продолжая скандировать ее имя, Мэгги и Лиз хлопали в ладоши как сумасшедшие.

Джони подошла к микрофону и низким голосом сказала:

— Спасибо за теплый прием. — Затем она сняла гитару и протянула ее улыбающемуся во весь рот музыканту.

— Просто невероятно! — воскликнула Лиз, обняв Джони.

— Равных тебе нет! — восторженно согласилась Мэгги.

На какое-то мгновение, в объятиях подруг, еще ощущая внутри отголоски собственных песен и бурление энергии в зале, Джони показалось, что все в жизни не так уж и плохо. Даже почти идеально. Она подняла взгляд на подруг… и, нахмурив брови, озабоченно спросила:

— А где Хелена?

Глава 15. Хелена

Не сводя с Остина глаз, Хелена медленно, но решительно приблизилась к нему. Теперь развитие событий зависело от нее. Слова были лишними. Вести с ним светские беседы она не собиралась.

Хелена подошла к парню вплотную. Их тела почти соприкасались.

Приятное лицо, ухоженные руки, накачанные мышцы.

Сгодится.

Она сжала губы и легким кивком обозначила свои намерения.

Юноша кивнул в ответ.

Хелена хорошо знала правила игры. И решила, что все случится, еще у стойки бара, когда приняла от него бутылку вина.

Остин пригладил свою белокурую шевелюру, излучая какую-то звенящую, нервную самоуверенность. Потом сжал ее руку в своей теплой, слегка влажной ладони и повел за собой. Спальня, кабинка туалета, кладовка, пустой коридор… Ей было без разницы, где все случится.

Остин плечом открыл дверь в закрытый на ремонт туалет.

Хелена плотно затворила дверь и повернула задвижку. В слишком ярком и резком свете лампы нос парня засиял жирным блеском. Вдоль линии роста волос его лоб покрывала едва заметная россыпь оставленных прыщами шрамов. Поры выглядели большими и растянутыми.

Он жадно, не без самодовольства, словно сам до сих пор не верил в собственную удачу, буравил ее взглядом. Оно и понятно — нашел подружку не в ночном клубе, а в туристическом приюте у подножия горы.

Она притянула его к себе за ремень и поцеловала, вдохнув в себя запахи сидра, мяса и чего-то кислого. Прижавшись к нему всем телом, почувствовала под джинсами отвердевшую плоть. А ведь она его даже не хотела; так относятся к последнему кусочку шоколада, к которому уже не очень-то и тянет, но доесть вроде нужно. Не выкидывать же.

Надо быстрее с этим покончить.

Хелена спустила свои черные брюки и трусики до колен, позволив мужчине посадить ее на край мокрой раковины. И не успела опомниться, как он был уже внутри нее.

Она попыталась задать нужный ей ритм, однако сбилась и утратила всякое настроение, краем

глаза заметив на полу кусок скомканной туалетной бумаги. Хелена отвернулась и неожиданно в висящем на двери зеркале увидела собственное отражение. В этот момент она меньше всего походила на контролирующего ситуацию человека. От помады не осталось и следа; из зеркала на нее смотрела ожесточившаяся одинокая женщина.

Хелена закрыла глаза.

А потом чуть не вскрикнула от боли — Остин сжал ее груди. Почему-то слишком мягкие. Что-то не так. Она еще глубже подалась вперед и начала двигаться в нарастающем темпе.

Остин достиг разрядки, и его тело сотрясла сильная дрожь.

Хелена соскользнула с раковины, быстро натянула трусики и застегнула брюки.

Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Вау! Это было…

Хелена отвела взгляд и направилась к двери.

— Стой! Уже уходишь? — Остин вдруг превратился в мальчишку с уязвленным самолюбием.

— Да.

— Но мы же… увидимся еще?

— Я завтра в поход, — сказала она, не отрывая ладони от ручки двери.

— Значит, когда вернешься?

Хелена вышла в тускло освещенный коридор.

— Обязательно, — бросила она, сгорая от желания побыстрее уйти.

— Увидимся! — прокричал он ей вслед. В его голосе было столько неподдельной радости, что Хелена испытала угрызения совести.

Направляясь в столовую, она неожиданно наткнулась на Вильгельма с собакой, который вернулся на свой пост в вестибюле. И хотя козырек кепки скрывал лицо мужчины, Хелена кожей почувствовала, как тот проводил ее пристальным взглядом, и испытала жгучее чувство стыда.

Глава 16. Лиз

Гости толпой высыпали из бара, натягивая на ходу куртки и направляясь в сторону озера для продолжения вечеринки.

— Ты с нами? — спросила Лиз у Мэгги.

— Не, пора на боковую. — Мэгги стояла, спрятав руки в карманы желтого платья, и слегка пошатывалась.

— Тогда спокойной ночи. Люблю тебя. — Она поцеловала Мэгги в теплую щеку, напрочь позабыв о случившейся ранее размолвке, и проследовала за группой женщин, которые тараторили что-то на немецком. Ночь выдалась прохладной, и от свежего горного воздуха у нее защипало лицо. Лиз остановилась, отделившись от толпы, и вгляделась в темноту.

Над озером золотился серп луны. Вокруг ревущего в бочке огня сгрудились люди. Музыка не умолкала ни на секунду. Под опутанными гирляндами деревьями танцевали гости. Некоторые развалились на скамейках. В воздухе разносились громкие голоса и смех.

Лиз поискала взглядом Джони. Наверняка окружили поклонники. Ее выступление сегодня

потрясло Лиз. В последний раз она видела подругу на сцене четыре месяца назад в Дублине. Джони тогда неожиданно позвонила и сказала: «Сможете приехать? Я включила вас в список гостей». Патрик без долгих колебаний купил билеты, детей они сплавили его брату, взяв с собой минимум вещей, бросили все дела и полетели в Дублин. Ощущения оказались незабываемыми — убежав от всех забот, они вдруг почувствовали себя прогуливающими уроки школьниками.

Джони тогда вышла на сцену в расшитом пайетками плаще, в котором очень напоминала сказочную русалку — ниспадающие волнами темные волосы, мерцающие в уголках глаз стразы. Прекрасное создание, вышедшее на сушу из искрящихся океанских волн. Когда ее лицо показали крупным планом на большом экране, зрители вскочили с мест и разразились оглушительными криками.

— Другой такой красавицы в целом свете не найти! — положив голову на плечо мужа, изумленно произнесла Лиз.

— Только вот красавица какая-то грустная очень, — заметил Патрик.

Лиз внимательно посмотрела на рассыпающееся на пиксели лицо подруги, которое улыбалось

с пятидесятифутового экрана, и подумала: *А ведь он прав. Действительно грустная.*

После концерта Джони планировала посидеть где-нибудь с приехавшими друзьями, но у мигрени были свои виды на Лиз. Когда они с Патриком вернулись из Дублина домой, несколько недель от Джони не было ни слуху ни духу. Такова вся Джонни. Когда дела шли не ахти, она пряталась в скорлупу и пропадала.

Но сейчас они в Норвегии, и у них есть целых четыре дня, чтобы побродить по горам и вдоволь наговориться.

Вопреки предположениям Лиз, Джони она обнаружила сидящей в одиночестве, а не окруженной толпой поклонников. Девушка сидела на спинке скамьи лицом к озеру, взгромоздив ботинки на сиденье и прижав к уху телефон. Подняв воротник кожаной куртки до ушей и подтянув под себя длинные оголенные ноги, Джони внимательно слушала собеседника, время от времени кивая в ответ.

Приближаясь, Лиз уловила обрывки разговора.

— Я не знаю, что сказать… — Джони обхватила шею сзади ладонью, и в лунном свете промелькнул массивный серебряный перстень.

Что-то в позе подруги и ее интонациях насторо-

жило Лиз, и она замедлила шаг.

Джони, не отрывая губ от телефона, продолжала говорить, пока на пределе эмоций не выпалила:

— Конечно, нет!

Лиз, обхватив себя руками, затаилась в темноте.

Вдруг, словно почувствовав постороннее присутствие, Джони обернулась. Ее глаза расширились от удивления, а лицо в лунном свете побледнело как полотно.

— Мне нужно идти, — буркнула она в телефон и убрала его в карман кожаной куртки.

Лиз устроилась рядом.

— С кем болтала?

— С Каем.

— Опять выносил мозг?

Джони скривилась.

Лиз толкнула ее плечом.

— Все хорошо?

Джони ответила не сразу. В прохладном ночном безветрии озеро завораживало своей неподвижностью. За спиной гремели басы.

— Я в Норвегии. С лучшими подругами. Конечно, все прекрасно!

Лиз о многом хотелось спросить Джони — почему не завершила тур, вернется ли к Каю, что

планирует делать дальше… Но вопросы могут подождать. Для этого у них еще будет уйма времени во время похода.

Джони вытащила сигарету из-за уха Лиз, сунула ее подруге в рот и достала из кармана зажигалку. Искорка пламени озарила темные радужки глаз, в которых Лиз увидела свое отражение. Она затянулась, впустив горячий дым в легкие. Желания курить не было, поэтому она вытащила сигарету изо рта и протянула ее Джони.

Та глубоко затянулась и вскочила на ноги.

— Все, к огню! Хочу танцевать! — Схватив Лиз за руку, Джони поволокла ее в направлении толпы. Какой-то мужчина подкинул в огонь полено, и новый сноп искр устремился в ночное небо. Сидящие неподалеку молодые люди что-то бросили вслед Джони, но она лишь улыбнулась в ответ. Девушка в черном худи вытащила из холодильника у костра две банки пива и протянула их Джони и Лиз.

Лиз поблагодарила ее, однако открывать пиво не стала, продолжая сжимать холодную банку в руке. Дым от костра разъедал глаза.

— Может, спать пойдем? Завтра рано вставать.

Джони рассмеялась, дернула за кольцо и с жадностью отпила из банки. Затем, пританцовывая,

направилась к костру. Ее тело, словно подражая мечущимся над огнем клубам дыма, обрело какую-то особую легкость.

По другую сторону костра Лиз заметила стоящего в одиночестве брата Лайфа Эрика. Из-под натянутой на затылок оранжевой шапки-бини выглядывали завитки темных волос. В руках он сжимал бутылку и, рассеянно переступая с ноги на ногу, как завороженный, смотрел на огонь, который отбрасывал на его лицо странные тени.

Лайф, окруженный толпой приятелей, стоял неподалеку. Парни громко разговаривали и смеялись. Внешне расслабленный и спокойный, Лайф украдкой поглядывал на брата.

Лиз поставила нетронутое пиво в холодильник и протерла ладони о брюки. Джони тем временем, слегка покачиваясь, тянула руки к вырывающимся из бочки языкам пламени.

— Осторожно! — Лиз решительно шагнула вперед и схватила Джони за руку. Еще мгновение, и та обожглась бы о раскаленный металл.

Джони, с блуждающей улыбкой на лице, обняла подругу за талию.

Вдруг музыка резко оборвалась, и все огни погасли. Оказавшись в кромешной тьме, оглушенная тишиной толпа разразилась криками

протеста. Какой-то парень в кепке подошел к генератору и, радостно улыбаясь, показал всем вылетевший конец кабеля.

— Ты! — прозвучал резкий голос.

Обернувшись, Лиз увидела идущих мимо Бьорна и Брит — пожилую пару из приюта. Мужчина поднял руку и ткнул пальцем в лицо Эрика.

Эрик посмотрел на него в упор и, не отводя взгляда, хлебнул пива.

Бьорн осторожно высвободил руку из руки жены и, выдвинув подбородок, сделал шаг вперед.

– *Du er modig som viser deg her!*[1] — зло выплюнул он.

Несколько мгновений Эрик смотрел ему прямо в глаза, после чего пожал плечами.

Бьорн изменился в лице. Едва сдерживаясь, он подошел к Эрику почти вплотную. От напряжения уголок его рта скривился, мышцы на руках задергались. Старик гневно сжал кулаки.

– *Jaevel!*

— Что он говорит? — шепотом спросила Лиз у стоящей рядом девушки в худи.

Прежде чем та успела ответить, Бьорн обвел взглядом толпу и проорал:

---

[1] Сноски: 1

Как у тебя совести хватает здесь появляться? (*норв.*) — Здесь и далее примеч. пер.

— *Han drepte Karin!*[2] — Он ударил себя в грудь кулаком. — *Det vet jeg!*[3]

Девушка в худи в нерешительности потерла ключицу.

— Он говорит… говорит, что Эрик убил его дочь.

Лиз и Джони обменялись взглядами. *Куда они попали?*

Выставив вперед челюсть, Эрик смотрел старику прямо в глаза. Казалось, еще секунда — и он взорвется от переполнявшего его напряжения.

В этот момент жена Бьорна торопливо приблизилась к мужу и взяла его за руку, что-то быстро шепча на ухо и пытаясь успокоить.

Бьорн плюнул под ноги Эрику, развернулся и позволил жене себя увести. Сердце Лиз сжалось, когда она увидела, как старик склонился к жене и они, прижавшись друг к другу, совершенно сломленные, побрели к парковке.

Взгляды толпящихся вокруг костра людей были устремлены на Эрика. Тот, белый как полотно, будто прирос к земле, не в силах двинуться с места.

---

[2] Сноски: 2
Он убил Карин! (*норв.*)

[3] Сноски: 3
Я точно это знаю! (*норв.*)

– *Hva?*[4] — зло прорычал он.

Никто не сказал ни слова.

С диким криком Эрик размахнулся ногой и пнул бочку. На землю вывалились горящие дрова и тлеющие угли. Мириады искр устремились в ночное небо.

— Эй! — заорал на него какой-то парень с короткими дредами и уже сделал шаг к Эрику, как вдруг из ниоткуда, когда казалось, что драки уже не миновать, возник Лайф. Он встал между мужчинами, призывая их успокоиться, затем тихо сказал что-то брату и, положив руку ему на плечо, попытался его увести.

Эрик грубо стряхнул руку Лайфа с плеча и ринулся к озеру. Остановившись у кромки лишь на секунду, чтобы сбросить ботинки, он в прямо в одежде зашел в воду и быстро поплыл, рассекая водную гладь.

Лиз и Джони завороженно смотрели на серебрящуюся лунную дорожку, а в ночи эхом разносились громкие крики Лайфа, уговаривающего брата вернуться.

---

[4] Сноски: 4

Чего вылупились? (*норв.*)

Глава 17. Хелена

Когда Хелена вошла в комнату, в ее глазах стояли слезы. От нее пахло алкоголем, между ног саднило. Она бросила рюкзак на узкую кровать и начала рыться в его боковом кармане. Вынула поочередно налобный фонарь, маленькую косметичку, запасные носки.

Из коридора донеслись шаги. Спустя мгновение ручка двери повернулась.

Хелена засунула руку во второй карман, плотно набитый вещами. Пошарив в нем некоторое время, она наконец-то извлекла искомое.

В комнату вошла Мэгги. Волосы распущенные. На лице — довольная улыбка, в глазах — блеск.

— Вот ты где! — Но стоило ей взглянуть на Хелену, как счастливое выражение лица мгновенно сменилось на обеспокоенное. — Что стряслось? — Ее взгляд скользнул на зажатую в руках подруги упаковку. — Тест на беременность?..

— Да.

Мэгги недоуменно заморгала.

— Для тебя?

— Надо покончить с этим здесь и сейчас. Мне нужна твоя помощь. И… обсуждать ситуацию

мы не будем.

— Ну хорошо, — осторожно проговорила Мэгги.

Руки Хелены так сильно тряслись, что, пытаясь открыть упаковку, она ее выронила.

— Черт!

— Дай сюда.

В ярко-желтом платье Мэгги выглядела сногсшибательно. Хелена, с ног до головы пропахшая Остином, почувствовала себя грязной.

Мэгги аккуратно извлекла из упаковки тест-полоску и руками разгладила на кровати листок с инструкцией. Быстро пробежав по нему глазами, она сняла с полоски колпачок и проинструктировала подругу:

— Эту часть надо подставить под струю.

Хелена с подавленным видом зашла в примыкающую к спальне ванную комнату. Оставив дверь полуоткрытой, она четко выполнила указания Мэгги, по неосторожности подставив под теплую струю еще и пальцы. Закончив, положила полоску на бочок унитаза, вымыла руки и протерла их полотенцем.

— Засекаю три минуты, — предупредила Мэгги, включая секундомер на телефоне.

Хелена почувствовала, как гулко бьется пульс

в ушах. Через три минуты решится ее судьба. Нестерпимо захотелось пить. Если она сейчас же не сделает глоток, то умрет.

В чертовой ванной комнате стакана не оказалось. Хелена опрометью бросилась к рюкзаку и, вытащив дрожащими руками бутылку, жадно сделала большой глоток прямо из горла; струйки воды побежали по подбородку.

— У меня есть вопросы, — сказала Мэгги.

— Твои проблемы. — Хелена расхаживала по комнате, в которой из мебели были только две кровати и деревянный стол.

— Нам нужно чем-то занять себя еще две минуты и тридцать четыре секунды. Я спрошу, что успею. Договорились?

Хелена с подозрением посмотрела на нее.

— И больше к этой теме мы никогда не вернемся? Обещаешь?

— Только если ты сама не захочешь.

— Не захочу.

— Что ж. Тогда первый вопрос — сколько задержка?

Хелена возобновила хождение по комнате.

— Восемь дней.

— Восемь?! — громко переспросила Мэгги.

По циклу Хелены можно было сверять часы.

Двадцать девять дней. Овуляция — на пятнадцатый. Повышенная нервная возбудимость — с двадцать седьмого по двадцать девятый. Потом — критические дни. У нее никогда не было задержек.

От окна до двери — шесть шагов. Поворот. Еще шесть — обратно. И все сначала.

— С чего ты вообще взяла, что залетела? Ты же предохранялась? Или…

— Или. Я бросила пить таблетки. — Мэгги показалось, что Хелена посмотрела на нее даже с каким-то вызовом.

— Но ты же всю жизнь предохранялась!

— Ага, я ведь гуру контрацепции. Даже не начинай. — С шестнадцати лет Хелена пила таблетки и пользовалась презервативами. Детей она не хотела, поэтому упрекнуть ее в наплевательском отношении к этой деликатной проблеме никто не мог.

Мэгги смотрела на подругу, вытаращив от изумления огромные карие глаза.

— Что заставило тебя перестать их пить?

Ну вот, дошли до главного вопроса. Вопроса, который Хелена до сих пор боялась задать даже себе.

— Сколько времени? — рявкнула Хелена.

Мэгги бросила взгляд на телефон.

— Еще минута сорок.

Хелена резко остановилась и плюхнулась на край кровати, заставив содержимое рюкзака подпрыгнуть.

— Я… я не знаю. — Нужные слова не находились. По крайней мере, такие, которые могли бы внести хоть какую-то ясность. — Понимаешь, Мэгз, что-то изменилось. Сама не знаю, как объяснить — тебе, себе, остальным.

— Это как-то связано с Робертом?

О Роберт! Ее Роберт. Ее красивый, веселый, добрый бывший жених. Роберт Лаут, до встречи с которым довольная Хелена жила, не зная забот. А потом появился он. И все перевернулось с ног на голову. Она буквально сходила по нему с ума. И он отвечал взаимностью. Дети им были не нужны, и Хелена даже убедила себя, что проживет с Робертом всю оставшуюся жизнь. Сказка закончилась два года назад, когда одним прекрасным воскресным утром они, как обычно, пили в постели кофе, обложенные газетами и усыпанные крошками от круассанов. Роберт, поставив кружку на стол, сказал: «Я хочу с тобой серьезно поговорить». Хелена тоже поставила на стол кружку и подумала: *Вот оно. Сейчас он сделает предложение.*

«Знаешь, я передумал. Я хочу детей», — огорошил он ее.

Если бы он ей тогда сказал, что изменил, удар получился бы не таким сокрушительным. Они бы нашли выход из ситуации. Справились бы. Но когда речь заходит о том, чтобы обзавестись детьми, тут вариантов не так много: либо они тебе нужны, либо нет.

А Хелена для себя все решила давным-давно: детей в ее жизни не будет.

Разрыв был крайне болезненным. Они продолжали любить друг друга. Взаимное притяжение не ослабло. Просто в их картинах будущего не находилось места друг для друга. Хелена полностью отдалась работе, тусовкам и другим мужчинам.

А год назад раздался звонок, которого она так боялась. Роберт сообщил, что встретил другую женщину. Она ждет от него ребенка, и они готовятся к свадьбе.

«Было бы неправильно, если бы кто-нибудь другой рассказал тебе. Поэтому решил позвонить», — сказал он ей тогда.

Мэгги присела на кровать рядом с подругой и взяла ее за руку.

Хелена произнесла:

— Я видела фотографию Роберта с дочкой. Она

ангел. Тот же нос, тот же цвет волос, такой же смешной «вдовий мыс». Господи! Я словно увидела портрет нашего с ним нерожденного ребенка.

Мэгги сжала ее пальцы.

— Я всегда знала, что из Роберта получится замечательный отец. Так оно и вышло. Только вот не я мать его ребенка.

Хелена выдернула ладонь из руки подруги и, подойдя к окну, раздвинула шторы. Она открыла окно и впустила в комнату холодный горный воздух.

— На тебя тогда много всего навалилось. Роберт стал отцом… — начала Мэгги. — Твоя мама доживала последние дни…

Хелена кивнула. Мама умерла десять месяцев назад, и горе девушку почти сломило. Всю силу любви к близким мы осознаем только тогда, когда понимаем, что больше никогда их не увидим. Что придется жить в мире без них. Необратимость случившегося и горькая безысходность поглотили Хелену. Она поняла, что ничего не исправить, не изменить, и торговаться бесполезно. Этот бой она проиграла. Мама умерла, и ничто никогда не вернет ее обратно. Горечь потери оказалась чудовищно сильной и разрушительной. От безысходности Хелена потерянно бродила по улицам

Бристоля и, вглядываясь в лица прохожих, думала: *А вы теряли родных и близких? Научите жить дальше.*

Хелена посмотрела на Мэгги.

— Когда мама умирала, единственное, что я могла сделать, — взять ее за руку и не отпускать. В последние мгновения жизни все остальное становится неважно. Главное — чтобы было кого взять за руку. Я не могла облегчить ее страдания, не могла отсрочить смерть. Но я могла держать ее руку в своей. Понимаешь? Я ее дочь, и, когда она уходила, я была рядом. — Хелена прерывисто вдохнула. — Когда придет мой черед умирать, я хочу, чтобы рядом был человек, который будет держать меня за руку.

Мэгги прикусила губу. Если она расплачется, все, пиши пропало. Хелену тогда прорвет, и одному богу известно, к чему эти откровения приведут.

— Время? — выпалила Хелена, вскочив на ноги.

Мэгги тоже подскочила как ошпаренная и посмотрела на телефон.

— Пятьдесят восемь секунд.

Живот у Хелены скрутился в узел. Она глянула на приоткрытую дверь в ванную, где сейчас

решалась ее судьба. Ее будущее зависело от этой тест-полоски. Под мышками предательски проступили темные пятна.

— А может, мама и Роберт здесь совсем ни при чем. Просто мои биологические часы решили, что пора, и направили химический сигнал в мой мозг, который прочитал его как команду «Плодись и размножайся!».

Хелена запустила руки в волосы.

— Все не так. Со мной не так. С этим… — она махнула рукой в сторону ванной, — тестом все не так.

— Сорок пять секунд.

Живот скрутило. Хелена вытерла ладони о брюки.

— И с кем ты переспала? — спросила Мэгги.

— Да с кем только я не переспала! Уверенно подбираюсь к отметке «половина Бристоля». — Она не отказывалась от встреч на одну ночь с незнакомцами из приложений, спала с парнями, которых только что подцепила в баре. Каждую неделю заводила новую интрижку. У нее и раньше случались неразборчивые связи, и психолог давно объяснила ей, что проблема в уязвленной самооценке и потребности быть любимой. Боже, какая пошлость. — Я только что отымела того

чувака, Остина, прямо в туалете. И все ради возможности хоть на тридцать секунд отключиться от своих мыслей. Отличный способ, правда?

— Моя хор…

— Время?

Мэгги посмотрела на часы.

— Двадцать секунд.

Горячая волна почти животного страха накрыла Хелену.

— Я не могу. Иди лучше ты.

— Хорошо.

На пороге ванной комнаты Мэгги замешкалась и, обернувшись, спросила:

— А какой результат тебе нужен? Одна полоска или две полоски?

— Я… я… — Хелена замолчала. Ноги словно приросли к месту.

Она вспомнила, как сжимала в руке ладонь мамы, холодную и неподвижную, пока из нее уходила жизнь. Вспомнила фотографию Роберта с ребенком в слинге на груди. Сколько радости и гордости видела она в его глазах! Мысленно обвела взглядом стены своей квартиры в Бристоле, которые оставались голыми, если не считать дорогих светильников и нескольких картин, и вспомнила увешанные фотографиями и мятыми

детскими рисунками жилища друзей. Она действительно всего этого хочет?

Да и детей она не любила. Если не считать Фиби. Какая из нее мать! Она слишком эгоистична и уже давно перенаправила все силы на паруса карьеры. Какие дети! Квартира абсолютно не приспособлена для жизни с ребенком. А вино? Она жить не могла без вина. Хорошая мать из нее не получится. И о детях она никогда не мечтала. Говорила о своих планах, вернее отсутствии таковых, открыто. Все в курсе. Такова ее жизненная позиция, так она себя ощущает.

Мэгги опустила глаза на тест-полоску.

Внутри у Хелены все сжалось. Кожа пылала. От этого мгновения зависело ее будущее. Она сглотнула.

— Ну? Не томи.

День 1

Глава 18. Мэгги

Комнату заливало утреннее солнце. Касаясь плечами, Мэгги и Хелена озадаченно смотрели на лежащий на кровати рюкзак Мэгги. Огромный и набитый до отказа, он сулил проблемы со спиной любому, кто отважится взвалить его на плечи.

Упершись руками в бока, Хелена произнесла:

— Его даже от земли оторвать трудно. А тебе с ним ходить по горам. — На Хелене были черные, плотно облегающие ноги походные брюки, красные шерстяные носки в тон губной помаде и влагоотводящий рашгард. Каким-то непостижимым образом даже в туристическом снаряжении она выглядела как с обложки модного журнала.

— Я перечитала кучу литературы о выживании в дикой природе и готова к любым лишениям. Пот и мозоли меня не страшат.

— Ты же не Шерил Стрэйд, которая в одиночку два месяца бродила по палящей пустыне и заснеженным горам! Мы идем всего лишь на четыре дня. Срочно избавься как минимум от пяти килограммов веса.

Хелена, как всегда, была права. То, что она сама никогда в жизни не ходила в горы и не спала

в палатке, ничего не меняло. Умение ставить правильные вопросы, задавать их правильным людям и покупать правильное снаряжение было у нее в крови. Хелена неизменно докапывалась до сути любой проблемы.

Мэгги начала извлекать из недр рюкзака разные предметы.

— Ты сама дала мне половину этих вещей. — Бандероли приходили на адрес Мэгги почти ежедневно. Хелена каждый раз объясняла свою щедрость тем, что заказала две позиции вместо одной по ошибке. *Случайно два пуховых спальника? Серьезно?* Они обе прекрасно знали, что стесненная в средствах Мэгги не могла позволить себе покупку снаряжения.

— Да, половину, без которой не обойтись. Вот скажи на милость, это тебе зачем? — Она взяла в руки розовый бинокль. — За птичками наблюдать?

— Вдруг нужно будет разглядеть что-то вдали, — не сдавалась Мэгги.

— Например?

— Ну, не знаю… Тропу? Обходной путь?

— Мы пойдем по строго определенному маршруту. У меня есть карта. У Лиз — компас. — Хелена поднесла бинокль к глазам и прищурилась. — У

Фиби отобрала?

— А если и так… — призналась Мэгги. Она никогда не умела собирать чемоданы. Вещи дарили чувство безопасности; лучше взять побольше. Мэгги с недоверием относилась к людям, которые расхаживали с маленькими сумочками. Уж слишком они расчетливые и слишком собранные. Ее звездный час наступал, когда в ответ на вопрос: «У тебя случайно крема для рук не найдется?» — она, пошарив в сумке, извлекала из ее глубин тюбик, о существовании которого сама давным-давно благополучно забыла. «Держи!»

Так, соберись!

Хелена произнесла последнюю фразу вслух или Мэгги показалось? Голос подруги часто звучал в ее голове. У Мэгги давно вошло в привычку перед принятием трудного решения спрашивать себя: *А как бы на моем месте поступила Хелена?* Но поскольку в данный момент подруга стояла рядом, определить, какая Хелена — реальная или воображаемая — мгновение назад подала голос, не представлялось возможным.

— Оставляем? — спросила Мэгги, показывая упаковку пластырей с изображением Свинки Пеппы.

— Да. А с этим ты что собираешься делать? —

спросила с недоумением Хелена, взяв в руки набор для ремонта одежды.

Мэгги пожала плечами.

— Вдруг порвется что-нибудь?

Хелена отбросила коробочку в сторону и скомандовала:

— Дальше. Господи! Книга-то тебе зачем?

— Ну, я люблю почитать перед сном.

— Ты, возможно, удивишься — я тоже. Вот только в «Шантараме» девятьсот тридцать страниц, и, судя по загнутому уголку, тебе осталось дочитать пятьдесят. В общем, Лин снова начал употреблять героин и закончил свои дни в опиумном притоне. Конец истории.

Мэгги прижала руки к груди.

— А где предупреждение о спойлерах?

Часть вещей они утрамбовали, часть подвергли конструктивным изменениям: отломили ручку у бамбуковой зубной щетки, освободили от упаковки горелку, вытащили влажные салфетки и запасные футболки. Хелена разрешила оставить две пары запасных носков. Никаких пижам. Запасные трусы. Три штуки. Запасной комплект термобелья. Хелена подошла к задаче со всем рвением. А Мэгги знала, что вовлеченная в бурную деятельность Хелена — счастливая Хелена.

Накануне вечером, когда Мэгги попыталась вернуться к разговору о результатах теста на беременность, Хелена сказала как отрезала:

— Никаких больше вопросов. Никаких многозначительных взглядов. Я не готова к подобным разговорам. У тебя было три минуты.

— Но… — попыталась возразить Мэгги.

— Никаких «но». Разговор закончен. Нам предстоит восхождение на горный хребет, и я пытаюсь сосредоточиться.

Больше они к этой теме не возвращались.

И теперь Мэгги не сводила с подруги глаз. Тысяча вопросов крутилась в ее голове: как Хелена себя чувствует, почему перестала предохраняться, какое решение…

— Держи, — вывела ее из состояния задумчивости Хелена, протянув рюкзак. — Пробуй.

Мэгги взвалила рюкзак на плечи. Он по-прежнему был тяжелым, необъятным и больно давил на спину. И все же она широко улыбнулась.

— Почти не чувствуется.

Девушки, тяжело передвигая ногами, побрели к стойке администратора.

— Наконец-то, — с улыбкой приветствовала их Лиз. На шее у нее висела карта в прозрачном чехле. Волосы были собраны в аккуратный хвост,

а шнурки на трекинговых ботинках завязаны двойным узлом.

— Я распишусь в журнале за нас всех, — сказала она, водя карандашом по разлинованной странице.

Лиз Уоллес
Джони Голд
Хелена Холл
Мэгги Падден

Дойдя до графы «Ожидаемая дата возвращения», Лиз задумалась. Ее рука зависла над страницей. Она посмотрела на часы и отсчитала четыре дня.

— Прогноз погоды кто-нибудь посмотрел? — поинтересовалась Хелена.

— Переменчивая. Всего понемножку. Но вы только взгляните, какое утро! — восторженно ответила Лиз, посмотрев в сторону открытой двери, в проеме которой виднелись очертания скал.

— Надеюсь, обойдется без дождя, — с тревогой в голосе произнесла Мэгги. — Что угодно, только не дождь.

— Как здесь любят говорить? Все времена года за один день, — попыталась взбодрить подругу Лиз.

Девушки вышли на улицу. На ярко-голубом

безоблачном небе светило утреннее солнце, заливающее лучами зубчатые вершины гор. Легкий ветерок разносил над землей едва уловимые ароматы травы и земли.

В шортах и вчерашней футболке-безрукавке Джони сидела на рюкзаке в тени. На лице — солнцезащитные очки, темные волосы собраны в узел на макушке. Медового цвета бандана стягивала непослушные пряди. Глядя на безвольно опущенные плечи и бледное лицо, Мэгги отметила, что подруга вряд ли вообще ложилась спать.

— Как самочувствие? — Мэгги стянула с плеча рюкзак.

— Как у трупа, который только что откопали.

Хелена смерила оценивающим взглядом рюкзак Джони.

— Что-то ты совсем налегке. Ничего не забыла?

— По пути я заехала в магазин походного снаряжения и попросила продавца накидать в рюкзак все необходимое на четыре дня. Скоро узнаем, как он справился с поставленной задачей.

— Попробую набрать Эйдана. — Мэгги достала из кармана телефон и зашагала к озеру, выставив трубку перед собой. Как только появилось первое деление, она набрала номер. Прижав мобильник к уху в ожидании ответа, Мэгги начала беспо-

койно ходить взад-вперед. Отчаянно хотелось услышать голос Фиби, сказать ей, как сильно она ее любит, убедиться, что ночь прошла спокойно и необходимости срочно возвращаться домой нет.

Не отрывая взгляда от своих ботинок, она напряженно вслушивалась в долгие гудки. Прошла минута. Потом вторая.

От разочарования все внутри сжалось. Эйдан так и не ответил. Со слезами на глазах Мэгги набрала сообщение для Фиби, щедро приправив его сердечками: «СКУЧАЮ! СКОРО ВЕРНУСЬ!»

— Не дозвонилась? — спросила Джони вернувшуюся с унылым лицом подругу.

— А вдруг Фиби решит, что я про нее забыла?

— Только представь, как она будет гордиться тобой, когда ты вернешься и расскажешь, что смогла подняться на гору.

Мэгги, поджав губы, кивнула. Джони права. Надо всего лишь взобраться на чертову гору. Делов-то! Как только они окажутся на другой стороне, начнется спуск и путь домой. Путь к Фиби.

— А сейчас групповое фото у знака с названием тропы! — скомандовала появившаяся из дверей приюта Лиз.

Девушки покорно взвалили рюкзаки на плечи и направились в сторону озера к обозначавшему

начало тропы деревянному столбу с табличкой «Свелл».

Подруги встали поближе друг к другу. Мэгги попыталась обнять за талию Хелену, но из-за громоздких рюкзаков сделать это не получилось. Поэтому все четверо просто взялись за руки.

Пока Лиз, вытянув руку с телефоном, выбирала удачный ракурс, Мэгги почувствовала на себе чей-то взгляд. На душе стало тревожно, по коже пробежал холодок.

— Мэгз! Улыбаемся! — прикрикнула Лиз.

Все, что нужно, в кадр попало: красные губы Хелены, широкая улыбка Лиз, скрывающие глаза солнцезащитные очки Джони. И растерянное выражение лица Мэгги.

Высвободившись из объятий подруг, Мэгги обернулась и увидела удаляющегося Эрика. На спине мужчины висел рюкзак. Обут он был в изрядно поношенные ботинки. Девушка с тяжелым сердцем смотрела ему вслед, пока тот не скрылся из вида на тропе, по которой предстояло идти им.

Поиски

Лайф стоит, привалившись к дверному косяку. С вечеринки в честь закрытия сезона прошло

четыре дня, и поток постояльцев превратился в тонкий ручеек. Профессиональные альпинисты на зиму перебазируются в теплые края: в Грецию или Испанию, а лыжники появятся здесь не раньше, чем выпадет первый серьезный снег. Лайфу в межсезонье всегда как-то не по себе: он скучает по суете, когда в приюте тесно от наплыва гостей.

Трудно поверить, что всего несколько дней назад небо было чистым и спокойным. Сейчас клубы темных облаков заволокли небо и скрыли горы. Порывы сильного ветра покрывают рябью поверхность озера. Слабая видимость на Блафьеле сегодня гарантирована.

Осень наступает в горах всегда внезапно. Вот уже и листья начинают падать на землю. Лайф с детства помнит витающий в воздухе сладковатый аромат желтеющей листвы и высокой бурой травы, в которой они с Эриком часто дурачились в последние дни каникул. Мама отправляла их за остатками черники, чтобы потом сварить варенье, которого обычно хватало на всю долгую зиму. Домой они возвращались с фиолетовыми пальцами, в грязных ботинках, зато с полной корзиной ягод и бесконечно счастливые.

Он помнит плывущий по кухне приюта медовый аромат бурлящего на плите варенья. В

мельчайших деталях помнит узор, вышитый на маминой юбке. Помнит, как пахла кожа отца, когда тот с улицы заходил в дом. Но все это было очень давно — задолго до того, как умер отец, маму окончательно скосил рассеянный склероз, а Эрик ушел из дома.

Лайф проводит рукой по дверному косяку, напоминая себе: *У нас все еще есть приют.*

Многие его ровесники срываются с родных мест, переезжают в Осло или Берген — туда, где зимы не такие суровые. Когда он говорит, что любит это место, он нисколько не лукавит. Как же иначе? Это его дом. Однако с некоторых пор и его начали посещать мысли о том, что было бы здорово все бросить и испытать ни с чем не сравнимое чувство свободы, начав жизнь с чистого листа.

Лайф возвращается к стойке администратора и, придвинув журнал, внимательно изучает короткий список туристов, которые до сих пор где-то на тропе. Вот собственноручно вписанное размашистым небрежным почерком имя Эрика. Удивительно, что он вообще сподобился это сделать. Лайф не хотел, чтобы брат уходил. Но что ему оставалось? Побежать за ним? Прокричать вслед: *Прошу, вернись*?

В открытую дверь хорошо просматриваются зеленые склоны гор. Маршрут на Свелл пролегает через долины и леса и ведет к дальнему берегу. Потом туристам предстоит крутой подъем и переход по горному хребту на вершину горы Блафьель, откуда они по короткому пути возвращаются в приют. На все про все обычно уходит четыре дня.

Как правило, в последний день туристы отправляются в обратный путь рано утром, чтобы к обеду уже быть в приюте. Лайф смотрит на часы. Полдень.

Все утро его не покидает странное ощущение в животе — словно внутри все замерло и приготовилось к резкому падению. Такое бывает на американских горках, когда на мгновение зависаешь в самой высокой точке.

Лайф трет подбородок костяшками пальцев. В горах он чувствует себя как рыба в воде. Всегда знает, когда изменится погода. Знает, как быстро может спуститься прожорливый туман и превратить знакомую местность в настоящие дебри. Знает, как могут заблудиться даже самые опытные путешественники, обманутые меняющимся рисунком теней на горах. И знает, какую смертельную опасность таит в себе паника.

Лайф окидывает взглядом предгорье. Все покорившие Блафьель туристы возвращаются этой дорогой. Другого пути в приют нет.

Он с надеждой всматривается в даль, чувствуя, как учащенно бьется сердце.

На тропе — ни души.

Глава 19. Лиз

Лиз шла по долине победной поступью. Солнце светило прямо в лицо. Высокая трава приятно щекотала ноги. В воздухе пахло озоном и соснами.

Свершилось — они вчетвером шагали с палатками на плечах под бескрайним норвежским небом! Уверенно ступая ботинками по ровной, податливой тропе, она еще никогда не чувствовала в себе столько силы и энергии. Патрик часто прохаживался на ее счет, замечая, что Лиз была великаном, заточенным в тело Дюймовочки. Когда они выбирались куда-то всей семьей, близнецы не успевали за ней и постоянно канючили. Но Лиз любила энергичную ходьбу, ей нравилось ощущать биение пульса.

Позади остались озеро и склон холма, где делали привал. Облокотившись спиной на рюкзаки, девушки съели бутерброды, выданные в приюте в качестве сухого пайка. Зеленые волны растительности простирались куда хватало глаз. За лугом начиналась роща, которая раскинулась до самой горы. Нежный ветерок ласкал лица.

Лиз обернулась. Подруги отстали, но до нее доносился звук их голосов вперемежку с долетаю-

щим откуда-то издалека звоном колокольчиков, которые фермеры обычно привязывают к шеям пасущихся овец. Мэгги плелась в хвосте, согнувшись в три погибели под тяжестью рюкзака. Лиз недавно прочитала, что вечно отстающие люди постепенно лишаются мотивации, и мысленно завязала узелок на память — надо будет иногда для поддержания боевого духа ставить Мэгги во главе процессии.

Впереди на обочине она заметила поваленное дерево и остановилась, чтобы дождаться подруг. Скинув с плеч рюкзак, девушка достала бутылку воды и залюбовалась видом вокруг. Часть маршрута пролегала через фермерские угодья. Вдалеке виднелся традиционный, обшитый вагонкой и выкрашенный в красный цвет сарай, рядом стоял трактор, груженный огромными, упакованными в усадочную пленку рулонами прессованного сена. Сарай примыкал к небольшому дому, из трубы которого валил дым. Удивительно, как можно жить в такой глуши? Прекрасным солнечным днем место поражало своей красотой, но что здесь делать зимой, когда все утопает в снегу и единственная дорога не чищена?

Лиз спиной почувствовала чей-то взгляд и обернулась.

На самом краю поля, облокотившись на изгородь, стояла плотного телосложения женщина лет на десять старше Лиз, с загорелым обветренным лицом, одетая в черные брюки.

– *God morgen!* — приветствовала ее Лиз.

— Вы на Свелл идете? — спросила женщина на безупречном английском с теплой, едва заметной улыбкой.

— Верно.

— Прогноз погоды видели?

— Да. — Лиз с утра посмотрела целых три, пока наконец не выбрала тот, что пришелся ей по душе. Два первых обещали гром и молнии к вечеру следующего дня, а в третьем они не фигурировали.

— Давление падает. Значит, завтра будет гроза.

Лиз с недоверием посмотрела на чистое ярко-голубое небо.

— У нас есть водонепроницаемая одежда.

Женщина слегка улыбнулась, но серьезным голосом сказала:

— Непогоду лучше переждать.

Но они не могли ждать. По срокам подруги были в тисках. Не то чтобы Лиз пренебрегла советом женщины, — та знала, о чем говорила, — просто посчитала, что будет верхом легкомыслия

отказаться от своих планов из-за мнения одного-единственного человека. Даже если начнется гроза, они всегда смогут спрятаться в палатках. Ничего, справятся.

Лиз обернулась и, заметив Джони, почувствовала укол совести.

— Посоветуйте друзьям развернуться, — спокойным и серьезным голосом повторила женщина. Затем отошла от изгороди и прямо по полю зашагала прочь.

Вернуться в приют — плохая идея. Где наша не пропадала! Лиз долго мечтала об этом походе. Она вспомнила, какой клубок неразрешенных проблем ждет ее дома. Не хватало только, чтобы список поражений пополнило неудавшееся восхождение на Блафьель. Этого допустить нельзя.

Лиз глянула на подруг. Джони шла, держа ладони над метелками травы и что-то напевая себе под нос. Мэгги разрумянилась под лучами солнца. Хелена бодро вышагивала, уверенно выпрямив спину и совершенно забыв про свой телефон. Девочки нуждались в этой вылазке, так же как она сама. «Страх — не лучший советчик», — подумала Лиз.

Когда девушки догнали ее, Джони спросила:

— Что сказала эта женщина?

Лиз замешкалась лишь на мгновение.
— Что нам повезло с погодой.

Глава 20. Хелена

Ботинки натирали пятки. Сначала Хелена закрывала глаза на неприятное жжение, боясь даже произнести это слово, однако мысль в голове неотступно пульсировала и разрослась до размеров, которые игнорировать дальше было нельзя. *Мозоли.*

О боже, неужели она пополнит ряды тех туристов, которые своими стенаниями изводят товарищей! Не хотелось бы злоупотреблять сочувствием подруг.

Хелена купила трекинговые ботинки месяц назад и честно намеревалась их разносить. Вопрос только — где. Она, конечно, могла, затянув потуже шнурки и надев блейзер, совершить марш-бросок до своего офиса в Бристоле, но почему-то так и не решилась. Оставалось время по вечерам, что означало лишь одно — разнашивать дома по пути к холодильнику, где хранится вино.

Хелене отчаянно хотелось скинуть с себя обувь, сорвать с ног мокрые носки и пошевелить пальцами. Она представляла себе, как откидывается на спинку удобного кресла… Но кресло, само собой, не предвиделось. Они будут останавли-

ваться на ночлег в неприспособленных для этого местах, о чем Лиз не уставала напоминать. Идея казалась вполне себе романтичной, когда они обсуждали ее за столиком в ресторане, вкушая поленту и запеченного с розмарином сибаса. Лиз никогда не разделяла любви к кемпингам. Так себе идея — платить деньги за то, чтобы переночевать в палатке рядом с чужими скулящими детьми, которые просыпаются ни свет ни заря. В словах «в неприспособленных для этого местах» чувствовался хоть какой-то дух приключений и авантюризма: воображение рисовало разбитый в живописной глуши лагерь. Так Хелена думала еще несколько дней назад. Сейчас, находясь у черта на куличках, она поняла, что с такими издержками организованного отдыха в палатках, как стол для пикника, туалет и душ, она бы с радостью смирилась.

Однако приходилось упорно идти вперед, переставлять ноги, ни на секунду не останавливаясь.

Что может быть проще?

Что может быть труднее?

Если сосредоточиться на ритме шагов, тогда, может быть, получится не обращать внимания на натирающие ноги ботинки и тяжелый рюкзак, от которого болели плечи. С мыслями все было

сложнее; они крутились вокруг розового крестика на тест-полоске. Из головы не выходил взгляд Мэгги, когда та медленно моргнула и протянула тест со словами: «Ты беременна».

Просто бред какой-то. Даже смешно подумать.

Хелена Холл беременна.

К ней эта фраза точно не имеет никакого отношения. В ее жизни есть место другим фразам:

Хелена Холл обожает коктейли.

Хелена Холл любит туры выходного дня.

Хелена Холл терпеть не может чужих детей.

И тем не менее это правда. Она беременна. Она в Норвегии. Ее трекинговые ботинки до крови натерли ноги.

Мысли не давали покоя.

У Хелены Холл в животе малыш.

Хелена Холл понятия не имеет, как менять подгузник.

У Хелены Холл нет мамы, которая поможет с ребенком.

Хелена Холл не может идти дальше.

Слезы ручьями бегут из глаз Хелены Холл.

Она почувствовала на плече чью-то теплую руку. Всем своим видом выражая озабоченность, Мэгги спросила:

— Как ты?

— Просто слегка нервы сдали. Иди вперед, не жди меня.

— Ничего подобного. Давай, снимай. — Мэгги помогла подруге расстегнуть нагрудную стяжку и высвободиться из лямок рюкзака.

— Я ведь обратно не надену.

Сбросив собственную ношу, Мэгги подошла к Хелене и крепко ее обняла, прижав подругу к своему уютному телу, от которого пахло ветром и увлажняющим кремом с ароматом персика.

Со смертью мамы Хелене пришлось обзавестись двумя новыми привычками: обниматься с подругами и плакать на их плече. Она даже вошла во вкус. Ей казалось, что каждый раз в такие мгновения открывался некий предохранительный клапан, и накопившиеся слезы вырывались наружу, принося временное облегчение.

— Все будет хорошо. Все будет хорошо, — успокаивала ее Мэгги.

Когда поток слез иссяк, Хелена вытерла лицо и достала из рюкзака золотистый тюбик губной помады. С почти благоговейной осторожностью она сняла колпачок и вдохнула аромат розы с нотками ванили. Они с мамой всегда красили губы. Помада стала их броней. *Встречайте, вот она я! И голыми руками меня не возьмешь!* Даже

на смертном одре, обессиленная и едва дышащая, ее мама продолжала наносить на губы любимую помаду. Когда у нее не осталось сил и на это, на помощь пришла Хелена. Наличие или отсутствие помады на губах ничего не решало, однако когда болезнь уже отобрала все, этот яркий штрих позволял сохранять частичку себя.

Хелена обвела свои полные губы помадой.

— С возвращением, — усмехнулась Мэгги.

— Слушай, у тебя когда-нибудь было такое, что ты смотришь на свою жизнь как бы со стороны и думаешь: *А это точно моя жизнь?*

Мэгги с удивлением подняла глаза.

— Я разведенная мать-одиночка, получающая пособие и проживающая в съемном жилье. А мечтала стать художником, завести кучу детей и жить с любящим мужем в просторном загородном доме.

Хелена рассмеялась.

— Но мне нравится твоя жизнь! Справляешься ты, надо сказать, на отлично.

Мэгги улыбнулась и помотала головой.

— Знаешь, почему я согласилась на эту авантюру? — спросила вдруг Хелена.

— Не можешь отказать Лиз?

— Ради мамы.

Мэгги в замешательстве склонила голову, не совсем понимая, к чему ведет подруга.

— Знаешь, что она мне сказала перед самой смертью? Что больше всего жалеет о том, что не повидала мир. Понимаешь, Мэгз, она горбатилась как проклятая на двух работах. Старалась, чтобы я ни в чем не испытывала нужды. Ты даже не представляешь, как тяжело воспитывать ребенка в одиночку. Но она достойно несла свой крест. — В дневное время ее мама работала помощником учителя, а в выходные по ночам вкалывала в доме престарелых, чтобы получать хоть какие-то дополнительные деньги. — Она ведь уже почти доработала до пенсии, и на тебе — рак. Как гром среди ясного неба. У судьбы странное чувство юмора. А ведь мы собирались съездить в Барселону. Смотрели рекламные брошюры, планировали поездку. Я надеялась разобраться с делами и выкроить несколько дней… — Ее глаза заволокло пеленой слез. — Никогда не откладывай важные дела на потом, Мэгз.

Мэгги не спешила с ответом.

Хелена сжала губы, словно хотела убедиться, что помада на месте. Потом медленно подняла глаза. И было на что: зеленый ковер простирался до самых гор, пугающее величие которых заво-

раживало и напоминало, что жизнь состоит не только из страданий. Вдохнув всей грудью, она повернулась к Мэгги и произнесла:

— Мама попросила меня развеять ее прах над открытым всем ветрам местом.

Лицо Мэгги озарила теплая улыбка.

— Ты привезла ее прах с собой? — Она бросила взгляд на рюкзак Хелены.

— Немного. Четыре килограмма не вместилось бы. Пришлось выбирать между прахом и едой быстрого приготовления. Я сделала выбор в пользу лишней упаковки ризотто с грибами.

Уголки губ Мэгги поползли вверх, и она рассмеялась.

— Хочу развеять прах над побережьем.

— Отлично! — Глаза Мэгги заблестели. Она собиралась что-то добавить, но Хелена уловила ее настроение и поняла, что та попытается воспользоваться моментом внезапной откровенности, чтобы снова завести речь о беременности. В этот момент Лиз помахала им руками и жестом попросила ускориться.

Хелена помахала ей в ответ.

— Нехорошо заставлять ждать тетушку Сову, — сказала Хелена и взвалила рюкзак на плечи.

Бок о бок подруги продолжили свой путь.

Глава 21. Джони

Джони сделала глубокий вдох, позволив свежему, напоенному сосновым ароматом воздуху проникнуть в легкие. От тишины звенело в ушах. Высокие стебли травы дрожали и льнули к земле. Вдали виднелись зеленые склоны гор, залитые золотистым солнечным светом. Джони не замечала веса рюкзака и не чувствовала похмелья, поскольку в голове молоточком стучала единственная мысль: *Просто не верится, что я здесь.*

А должна сейчас заниматься предконцертной настройкой звука на одной из крупнейших площадок Германии. Дышать выхлопными газами от гастрольного фургона, нюхать потные тела гастролирующих с группой рабочих, задыхаться от исходящего от генератора дыма. Не сбеги она вчера, сейчас, как обычно, вокруг нее суетились бы люди, которые проверяют колонки, гитары и ударные установки, крепят на костюм радиомикрофоны, на талию — батарейный блок, а еще накладывают слои грима и клеят ресницы.

За всю жизнь она не отменила ни одного концерта. Ни разу. Даже когда за пять часов до начала представления сломала лодыжку и ее, накачан-

ную обезболивающими и кокаином, вынесли на сцену в кресле, обитом жатым бархатом, в котором она так и пропела весь концерт, поставив сломанную ногу на пуф и поблескивая серебром ногтей в свете прожекторов.

Шоу должно продолжаться.

И так было до вчерашнего дня.

Но она сделала свой выбор и ушла.

Ни разу не обернувшись.

Джони повернулась, жадно впитывая взглядом покрытую буйной растительностью долину, виднеющийся вдалеке густой лес, пронизывающие синее небо вершины гор. Все ее представления о расстоянии мгновенно разбились о головокружительную бесконечность неба, горизонта и просторов.

Она нагнала Лиз, которая терпеливо ее ждала, плотно обхватив руками лямки рюкзака и зачарованно глядя на горы.

— Какой размах, а?

— Такие масштабы просто не укладываются в голове, — согласилась Джони. Этим же пейзажем когда-то любовались далекие предки человека, и Джони почувствовала, как ее тело вдруг оказалось во власти древних инстинктов. Она будто очнулась от долгого безрадостного сна. Воспри-

ятие обострилось до предела, словно рассеялся туман, в котором проходила жизнь.

— Мы вчера не успели толком поговорить. — Подруги шли нога в ногу, солнце ласкало их лица. — Ты вообще как?

Земля под ногами стала уже не такой податливой. Джони с радостью открылась бы Лиз, но с чего начать? Жизнь Лиз наполнена смыслом: муж, двое детей, работа. Все как у людей. А у Джони — лишенное всякого смысла существование, к которому прилагалось вечное смятение и белый шум от наркотиков и алкоголя. А еще — гастрольные фургоны, отели, синдром смены часовых поясов; колонки светской хроники, возносящие до небес по вторникам и проклинающие на чем свет стоит по средам; страх перед незнакомцами, которые норовят подобраться поближе в толпе, выкрикивая ее имя; назойливые папарацци. И главное — отсутствие хоть какого-то шанса выбраться из этого угара.

Когда Джони заметила сидящих в зале на ее концерте в Дублине Лиз и Патрика, иллюзии, которыми она тешила себя всю жизнь, вдруг растаяли в один миг, и пелена слетела с глаз. Джони верила, — или хотела верить, — что живет счастливой и свободной жизнью, не считаясь ни с кем.

И вдруг она увидела сидящих в обнимку с сияющими лицами Лиз и Патрика, которые радостно выкрикивали ее имя, пока их дети, вверенные заботам семьи, ждали родителей дома.

Что, если именно такую жизнь она хотела для себя?

Лиз в ожидании ответа на свой вопрос искоса глянула на подругу. Джони много чем хотелось поделиться, но она не смела.

— Я выгорела, — проронила она наконец.

Лиз едва заметно кивнула.

— Ты, наверное, и в Дублин меня позвала, потому что остро во мне нуждалась. А мы приехали на концерт, воспользовались бесплатными билетами и умотали обратно. Даже неловко. Прости.

— Не оправдывайся. Кто ж знал, что у головной боли на тебя тоже окажутся планы? Не извиняйся за то, в чем не виновата. — Джони посмотрела на подругу: идеально сидящие брюки, собранные в хвост волосы, открытое доброе лицо. — Ты всегда приходишь по первому зову. — Джони вспомнила, как Лиз рванула к ней, оставшейся без пенни в кармане, через всю страну, чтобы забрать домой, когда ее бросил парень, с которым она встречалась в Манчестере. Вспомнила, как, узнав о смерти ее бабушки, Лиз примчалась к

ней посреди ночи и две недели не отходила ни на шаг. — Ты мой добрый ангел-хранитель.

Стоя посреди долины, девушки обнялись. Прижавшись щекой к щеке Лиз, Джони поразилась гладкости ее кожи. Нахлынула волна эмоций, разбираться в которых совсем не хотелось.

Вдруг в кармане завибрировал телефон.

— У тебя ловит? — удивилась Лиз.

Джони достала смартфон и посмотрела на экран.

— Одно деление.

Сообщение от Кая. Джони прочла его и побледнела.

— Что-то случилось? — с тревогой в голосе спросила Лиз.

Джони подняла очки на лоб и уставилась на экран. Потом дала посмотреть Лиз.

Сообщение было коротким: «Ищи адвоката».

К нему прилагалось видео, и Джони нажала кнопку «Воспроизвести».

Касаясь плечами, девушки ждали, когда видео загрузится.

В кадре появилась Джони. Она пела на импровизированной сцене приюта, с чужой гитарой в руках и окруженная толпой зрителей.

— О нет, только не это… — взмолилась Джони,

мотая головой.

Мэгги и Хелена в этот момент нагнали подруг.

— Что показывают? — тяжело дыша, спросила Хелена. Свалив на землю тяжелый рюкзак, она вперила взгляд в экран.

— Как я пою в приюте, — прошипела Джони.

Четыре пары глаз уставились на экран, но видео вдруг подвисло.

— Все пропало! Видео доказывает, что я нарушила контракт. С твоей справкой, Лиз, для всех я на больничном, и тогда все покрывается страховкой. Зрителям вернут деньги за билеты. Музыкантам выплатят зарплату. Но только при одном условии: что я не пою в это время где-нибудь еще.

Видео ожило. Судя по скачущей картинке, автор ролика тоже танцевал, направив камеру на Джони. Вот Джони поет, склонившись к микрофону, пальцами перебирая струны гитары и прикрывая глаза на высоких нотах. Внезапно камера перемещается на толпу, на море вскинутых вверх рук. Задерживается на Мэгги и Лиз, которые, раскачиваясь в обнимку, улыбаются во весь рот в объектив и громко поют. Потом разворот, в кадр на мгновение попадает рука, и в фокусе появляется Хелена — надув губы и подняв два

пальца вверх, показывает рокерскую «козу».

Видео оборвалось.

Воцарилась мертвая тишина.

— Твое видео? — все еще не веря своим глазам, спросила Джони у Хелены.

— Прости! Я не подумала. Загрузила в Инстаграм[5]. У меня подписчиков-то — раз два и обчелся.

Джони от негодования не смогла вдохнуть полной грудью.

— Ты не в курсе, как это работает?! Твои подписчики поделились со своими подписчиками, и теперь оно везде! Уже триста тысяч просмотров! Таблоиды меня растопчут!

— Мне правда жаль. Я не знала, что концерт должен остаться тайной за семью печатями.

— Где ты видела концерт?! — вспылила Джони. — Мэгги силком вытащила меня на сцену.

Мэгги стушевалась.

— О боже. Я не…

— Вот только не надо с больной головы на здоровую, — парировала Хелена, выпрямив спину. Джони уловила в ее тоне новые нотки. — Вообще-то ты, Джони, не из тех, кого вытаскивают на

---

[5] Сноски: 5

Инстаграм — организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

сцену силком.

— Что ты этим хочешь сказать? — потребовала объяснений Джони.

Вены на шее Хелены запульсировали.

— Ты могла отказаться.

— По-твоему, оказавшись на сцене и взяв в руки микрофон, я должна была обратиться к зрителям с речью о юридических ограничениях и условиях моей страховки?

— По-моему, ты вышла на сцену, потому что сама захотела. Люди скандировали твое имя, уговаривали спеть. Ты попала в ловушку собственного эго.

Джони стала задыхаться. Лямки рюкзака впивались в плечи. Она расстегнула защелки на груди, и рюкзак рухнул на землю. Отвернувшись от Хелены, она в отчаянии закрыла лицо руками.

— Я попала. Меня затаскают по судам. Быстро догадаются, что больничный мне выдала подруга. Лиз тоже есть на чертовом видео!

Лиз от неожиданности побелела.

— О господи, мне не поздоровится? А если в больнице узнают? Ты ведь даже на прием не приходила. И у меня нет права выдавать справки, когда я в отпуске! — простонала она, заламывая от отчаяния руки. — Я могу лишиться лицензии!

Хелена помотала головой.

— Этого не случится. Что ты написала в справке? Что у Джони переутомление и стресс, так?

Лиз кивнула.

— Тогда все в порядке, — спокойным тоном заверила ее Хелена. — Ты выдала справку, а уж как ей распорядиться, решать Джони.

Какие-то нотки в тоне Хелены заставили Джони почувствовать себя нашкодившей школьницей. Она словно вернулась во времена далекой юности, когда эти трое объединялись и выгораживали друг друга всякий раз, когда Джони, как им казалось, заходила слишком далеко. Вот и сейчас — карьере Лиз, которую она старательно выстраивала столько лет, ничего не угрожало; Мэгги не виновата, что вытащила Джони на сцену; а Хелена всего лишь сняла видео. Подумаешь, велика беда. Как всегда, во всем виновата только Джони. Так и не научилась себя вести.

Она обвела подруг поочередно взглядом и промолвила:

— Вы меня подставили.

Хелена раскрыла от изумления рот.

— То есть во всем виноваты мы?

— Я приехала сюда, чтобы провести время с вами, отойти душой и отвлечься от неразберихи,

которая творится в моей жизни. А вы меня мало того что вытащили на сцену… еще и выставили напоказ в соцсетях. И все ради лайков каких-то малознакомых людей!

Подруги молчали.

Мэгги неуютно топталась на месте. Лиз пялилась на свои ботинки.

— Значит, так ты видишь нашу дружбу? — мертвенно тихим голосом произнесла Хелена. — Несколько недель от тебя ни слуху ни духу. В группе — тишина. Потом ты снисходишь до нас, появляешься из ниоткуда, радостно улыбаешься и угощаешь шампанским. Устраиваешь представление. Встречайте, единственная и несравненная Джони Голд! Одариваешь нас своим драгоценным вниманием. А дальше что? Погуляешь тут с нами четыре дня, а потом опять пропадешь на два года? — Хелена энергично помотала головой. — Меня такая дружба с неполной занятостью не устраивает. И аплодировать тебе я не собираюсь.

Джони словно получила удар под дых. Она поочередно посмотрела на подруг, но те отвели глаза.

— И кстати, — добавила Хелена, водружая на плечи рюкзак. — Я выложила видео не потому, что хотела собрать лайки малознакомых людей,

а потому, что горжусь тобой. Потому что была счастлива снова увидеть тебя в наших рядах. Вот так.

Глава 22. Лиз

Лиз посмотрела вслед удаляющейся по дну долины Хелене.

Мэгги беспомощно глянула на Лиз и развела руками. Потом кое-как нахлобучила на себя рюкзак, с трудом протиснув руки сквозь лямки и скривив при этом лицо, пошла следом за подругой.

Джони вновь опустила очки на нос и направилась в обратную сторону. Сделав несколько шагов, она легла в высокую траву, широко раскинув руки и ноги, и уставилась в небо.

Подростками Хелена и Джони часто сталкивались лбами. Обладая схожими темпераментами, обе быстро вскипали и медленно остывали, на все имели собственное мнение и не терпели возражений. Мэгги и Лиз часто приходилось их мирить, сглаживая острые углы в непростых дружеских отношениях.

Дружба Джони и Лиз, напротив, складывалась гладко. За всю жизнь они ни разу не поссорились. Возможно, им просто нечего было делить, поскольку сферы их интересов не пересекались: Лиз целиком и полностью сосредоточилась на учебе, а Джони — на музыке, борьбе с авторитетами и

поиске себя. Тот случай, когда противоположности, подобно магнитам, притягиваются.

Продравшись через высокую траву и ощущая горячее прикосновение солнца на плече, Лиз подошла к Джони и протянула подруге руку.

— Не сейчас, — буркнула Джони.

Лиз тяжело вздохнула и присела рядом, примяв длинные стебли. Какое-то время она сидела молча, дав Джони возможность выпустить пар. Проводя много времени с пациентами, Лиз уяснила для себя одну простую вещь — иногда молчание намного действеннее слов.

В траве она поискала глазами клещей, почему-то вдруг озаботившись вопросом, являются ли норвежские клещи переносчиками возбудителя болезни Лайма. Да, надо уточнить этот момент, как только поймает сигнал. Подняв глаза в небо, она заметила над кронами деревьев хищную птицу, расправившую темные крылья и кружащуюся в лучах горящего солнца.

Джони заговорила первой:

— Хелена только и делает, что ищет повод меня задеть. Ей кажется, что я вечно выпендриваюсь. Ты видела вчера ее взгляд, когда я заказала шампанское? Она так и не избавилась от своих детских комплексов и болезненного отношения

к деньгам.

— Все, чего она достигла, далось ей тяжелым трудом.

— А мне нет? — возмутилась Джони. — И что из того, что у бабушки был свой дом? Мы в нем почти не жили.

Лиз знала об этом как никто другой. Они с Джони жили на одной обсаженной деревьями улице, где у каждого дома имелось парковочное место на две машины. Не шиковали, но и не бедствовали.

— Да я бы не раздумывая поменяла дом на то, что было у нее. У всех у вас было.

На семью.

Мама Джони, модель чилийского происхождения, кого, кстати, Джони должна благодарить за свои большие темные глаза и тонкую кость, умерла через неделю после родов от инфекции, вызванной неполным отхождением плаценты. Отец Джони, британский фотограф, когда дочери исполнилось семь лет, бросил ее на попечение бабушки. Сейчас он давал о себе знать, только когда хотел получить от дочери бесплатные ВИП-билеты на концерты, где гвоздем программы была заявлена Джони.

Джони сняла солнцезащитные очки и потерла переносицу. Бледность ее кожи подчеркивали

синяки под глазами.

— Надеюсь, все обойдется, и проблем из-за справки не будет. Я и не думала тебя *использовать*.

— Знаю, — ответила Лиз, и она не лукавила. Джони могла быть заносчивой. Могла быть эгоистичной. Но никогда не была расчетливой стервой. — Не переживай. Коллеги меня прикроют.

— Зря я, конечно, так поступила. Зря так резко сорвалась… кинула ребят из группы, Кая…

— Ты правда думаешь, что они тебя теперь по судам затаскают?

Джони пожала плечами.

— Я грубо нарушила условия контракта.

— И что сказал Кай, когда ты говорила с ним вчера вечером по телефону?

Джони захлопала глазами, словно не понимая, о чем речь.

— Вчера у озера. Это же Кай был?

— А, да. — Джони отвела взгляд. — Он уговаривал меня вернуться.

Лиз понимающе кивнула.

— Может быть, все еще наладится. Дай ему время остыть. Ты говорила, вы расстались?

— Мы с Каем плохо друг на друга влияем. В

нашей жизни слишком много кокаина и прочей ерунды. И шансов, что что-то изменится с его стороны, практически нет. Он порочен до мозга костей.

Личная жизнь Джони всегда била ключом. В ее послужном списке значились танцор из Испании, с которым она даже недолго была помолвлена; владелец клуба на Ибице, с которым она прожила два года; австралийский серфингист, который мечтал увезти ее на Бонди. А потом появился Кай.

— Не каждый решился бы вот так взять и все бросить. Для этого нужен характер, — произнесла Лиз.

— Просто надо было как-то по-другому, что ли… Я все испортила, явившись сюда. Тебя подвела. Ты даже не догадываешься, Лиз, сколько ошибок я совершила, скольким людям сделала больно… — Она умолкла и сокрушенно помотала головой. — Не стоило мне сюда приезжать.

— Не говори так! Ты здесь ради меня! Между прочим, Хелена и Мэгги вчера уже дали задний ход и думали отказаться от наших планов по восхождению на вершину. Если бы не ты, мне пришлось бы сидеть четыре дня в приюте, изредка выбираясь на прогулку вокруг озера. Ты

нужна мне!

— Нужна? — Джони рассмеялась. — Лиз, ты самый сильный и самодостаточный человек из всех, кого мне доводилось встречать. Тебе вообще никто не нужен. — Тень пробежала по лицу Джони. — И особенно я. Поверь на слово.

Глава 23. Хелена

Сжатые челюсти сводило от напряжения. Каждый шаг отзывался жгучей болью в покрывшихся мозолями пятках. Рюкзак подпрыгивал на плечах.

Лиз и Мэгги всегда боялись дать отпор Джони. «Тоже мне, нашлась принцесса, — злилась Хелена. — Правда ей не повредит».

Хелена вспомнила, как помрачнело лицо Джони при ее словах о дружбе с неполной занятостью, и, несмотря на разгоравшийся внутри гнев, испытала легкий укол чувства вины.

Долина постепенно переходила в лес. Легкий ветерок путался в ветвях берез, которые своими тонкими серебристыми стволами льнули друг к другу. Под ногами шуршали первые опавшие листья.

— Стой!

Хелена обернулась. Мэгги, пыхтя, пыталась догнать ее, но с тяжелым рюкзаком на спине задача была не из легких.

— За тобой не угнаться!

— Выпускаю пар.

— И как? Получается?

— Спроси меня на вершине Блафьеля. Надеюсь, к тому моменту стану спокойной как удав. — Обернувшись, Хелена заметила, что Джони и Лиз наконец тоже вернулись на тропу и продолжили путь. — Спорим, Лиз, как всегда, кинется защищать Джони.

Мэгги промолчала.

— Мне просто обидно, что Джони так с нами поступает. Полтора года ни слуху ни духу. Не звонит. Не приезжает в гости. Мы все это время, как заведенные, готовимся, покупаем снаряжение, входим в форму…

Мэгги бросила на подругу виноватый взгляд.

— Ну ладно, в тонус. В любом случае, ты прикладывала усилия, старалась, так? Для Джони все игра. Стрельнуло в голову — и сорвалась сюда. Заставила какого-то пацана, который наверняка при виде нее потерял дар речи, собрать рюкзак на собственное усмотрение, что очень в ее духе, и вот она уже здесь — дает концерт на сцене приюта и тусит до утра. Потом проходит пару километров по тропе, гладит метелки луговой травы — и на нее сразу снисходит благодать. Если бы я выпила столько бухла и легла спать под утро, не смыв косметику, на следующий день мною можно было бы пугать детей. А ей все как с гуся

вода. Просыпается с размазанной под глазами подводкой, собирает волосы в небрежный пучок, повязывает бандану — и выглядит как рок-звезда, будь она неладна.

— Она вообще-то и есть рок-звезда, — робко возразила Мэгги.

— Ладно, ты права! Речь о другом… — сказала Хелена тоном, который наводил на мысль, что она и сама пока не решила, о чем речь. — Джони только вчера купила без примерки трекинговые ботинки и даже не пыталась их разносить. И кто в итоге натер ноги? Кто угодно, только не она!

Шагая рядом, Мэгги с трудом сдерживала невольную улыбку.

— И как понимать выражение твоего лица?

Лицо подруги окончательно расплылось в улыбке.

— Все, что тебя в ней так раздражает — ее импульсивность, спонтанность, готовность кинуться в омут с головой, — и есть те причины, почему ты ее любишь.

Хелена задумалась над словами Мэгги. От необходимости признать ее правоту спас тот факт, что они только что миновали узкую полосу деревьев и вышли на берег реки.

— О боже! — не смогла сдержать возглас удив-

ления Мэгги, когда деревья расступились и взору открылась вьющаяся голубой лентой река, пробивающая себе путь среди высоких, поросших зеленью берегов. Ее течение преграждали большие гладкие валуны, обточенные водой.

— Кажется, нам сюда, — сказала Хелена, заметив два указателя в виде красной буквы «Т» на противоположных берегах.

Взгляд девушек упал на три плоских валуна. Тем не менее чтобы перейти на тот берег, не замочив ног, им понадобится еще как минимум дюжина таких же.

— Похоже, здесь глубоко, — заметила Мэгги.

Но Хелена уже представила, какое блаженство испытают ее ноги, когда она снимет наконец мокрые носки и погрузит ступни в прохладную воду.

Скоро подошли Лиз и Джони. Лиз уперла руки в бока и авторитетным тоном, не терпящим возражений, заявила:

— Здесь переходить реку нельзя. — Она еще раз глянула на висящую на шее карту. — Надо подняться выше. Возможно, найдем место поуже.

Пульсирующий жар в пятках ни на секунду не давал Хелене забыть о мозолях. А Лиз, в отличие от нее, даже не вспотела. Никаких признаков обезвоженности или усталости. И наверняка ни

одной мозоли.

— Вы как хотите, а я перехожу здесь, — заявила Хелена и принялась расшнуровывать ботинки.

Джони стояла в паре метров от нее, в очках, со скрещенными на груди руками.

— Здесь опасно, — все еще надеялась вразумить подругу Лиз. — И реку переходить следует в обуви.

Хелена с вызовом вскинула голову.

— И что, следующие четыре дня потом расхаживать в мокрых башмаках? Я уже сбила пятки в кровь. Для полного счастья мне только мокрых ботинок не хватает. — Хелена и сама была не рада, что вспылила. Скорчив от боли лицо, она стянула покрывшиеся кровавыми пятнами и прилипшие к поврежденной коже ног носки.

— Боже! Что с твоими ногами? — воскликнула Мэгги, поморщившись.

— Все в порядке. — Хелена даже не посмотрела на свои раны. Она сняла брюки, запихала их в рюкзак. Затем привязала ботинки за шнурки к рюкзаку, взвалила его на плечи и пошла к реке.

— Хелена, прошу, не надо! — попыталась остановить ее Лиз.

Хелена с осторожностью обошла три валуна, а затем погрузила ноги в ледяную воду. Девушка

чуть не задохнулась от удовольствия и боли одновременно.

Дно под ногами было усыпано большими поросшими водорослями камнями. Цепляясь пальцами ног за неровности булыжников, Хелена с трудом поймала равновесие. Из-за веса рюкзака ей пришлось наклонить корпус слегка вперед. Один осторожный шаг. Второй.

Оказавшись довольно быстро по колено в воде, Хелена удивилась силе потока. Подруги на берегу застыли в немом ожидании. Ни разу не остановившись, девушка благополучно добралась до середины реки. Однако Лиз была права. Хелена очень погорячилась, оценивая глубину и силу течения.

— Говорила же, глубоко! — прокричала Лиз.

Властный тон подруги застал Хелену врасплох. Она уже собиралась сделать следующий шаг, когда левая нога скользнула по покрытому слизкими водорослями камню. Хелена попыталась зацепиться за камень пальцами ног, но потеряла равновесие. Тело наклонилось вперед, остальное сделал вес рюкзака. Она вскинула руки… увы, кроме воздуха, схватиться было не за что.

Ледяной холод ударил по лицу. В одно мгновение Хелена оказалась под водой. Колючий поток

накрыл ее с головой, с шипением заполнил нос и уши. Хлынувшая в рот вода имела землистый, минеральный вкус. Сверху навалился намертво пристегнутый рюкзак. Колени коснулись дна и тут же съехали со скользких булыжников. Хелена попыталась оттолкнуться ногами, но наполнившийся водой рюкзак крепко припечатал ее ко дну. Она слышала искаженные толщей воды вопли подруг, которые что-то кричали, стоя на берегу.

Уже теряя над собой контроль, дрожащими пальцами она нащупала нагрудный ремень и сумела расстегнуть защелку, но высвободиться из лямок не смогла, поскольку оставался застегнутым ремень на талии.

Легкие горели, мутная вода обжигала глаза. Непослушными пальцами Хелена лихорадочно искала вторую защелку. Ее волосы развевались, как у русалки.

Она уже нащупала защелку, когда внезапно почувствовала жгучую боль в груди и поняла, что задыхается.

Я сейчас умру.

Неожиданно кто-то потянул вверх рюкзак — и Хелену вместе с ним.

Жадно хватая ртом воздух, рядом она увидела

Джони. Девушка расстегнула защелку на рюкзаке подруги и помогла скинуть ношу.

— Все хорошо. — Солнцезащитные очки блестели каплями воды. — Все позади… Готова? Давай вместе.

Хелена кивнула. Она вцепилась в руку Джони, и, осторожно ступая по дну реки, подруги направились к противоположному берегу. Джони держала рюкзак высоко над головой, и Хелена заметила, как напряглись мышцы ее рук.

Добравшись до берега, Хелена, задыхаясь, на четвереньках выбралась из воды и рухнула на траву. Она все еще не оправилась от шока.

Джони в мокрой насквозь одежде и ботинках присела рядом. Вода с нее стекала ручьем.

— Руки-ноги целы?

— Я чуть не утонула, — еле слышно прохрипела Хелена. — Воды по пояс, а я не смогла встать. Зря вас не послушала. Прости… — Она чувствовала себя раздавленной. От холода и пережитого шока тело забилось в неконтролируемом приступе дрожи.

— Так, снимай мокрую одежду!

Послушно кивнув, Хелена стянула мокрый топ.

Джони порылась в рюкзаке подруги и нашла сменку — упакованная в гермомешок, она оказа-

лась сухой. Затем протянула флисовую куртку.

Хелена испытала глубокое чувство благодарности — и чувство стыда. Именно Джони кинулась ей на помощь. Без колебаний. Не думая о последствиях.

По-другому она и не могла поступить. Импульсивная, отчаянная, безрассудная. В этом ее дар — и ее проклятье. Мэгги была права. Людям часто хочется переделать близких, но потом приходит понимание, что недостатки — тоже часть личности, которую мы любим.

Хелена убрала мокрые волосы с лица.

— Прости меня. Я много лишнего наговорила. Прости за видео.

Джони пожала плечами.

— А ты прости, что набросилась на тебя. Сама наделала дел, мне и разгребать.

— Эй? Как вы там? — крикнули с противоположного берега Мэгги и Лиз.

Джони и Хелена обменялись долгим взглядом, словно заключив в это мгновение негласное перемирие.

— Все хорошо! — ответила Хелена.

Поиски

Зажав губами шуруп, Лайф приподнимает дверь и фиксирует ее в нужном положении, чтобы отрегулировать петли. Напрягая все силы, он удерживает дверь одной рукой, берет шуруп и вставляет его в петлю. При помощи отвертки надежно затягивает его, затем переходит ко второй петле.

Проверяет плавность хода двери и, услышав нужный щелчок, удовлетворенно кивает. Готово.

Отнеся инструменты в чулан рядом с домом, он замечает припаркованный на усыпанной гравием площадке старый грузовик Вильгельма. Не то чтобы Лайф удивился — он уже видел машину, — но ее присутствие на стоянке почему-то действует ему на нервы.

На прошлой неделе Вильгельм привез его матери свежую речную рыбу, и она пригласила его остаться на обед. Когда Лайф зашел на кухню, Вильгельм сидел на месте отца, вытянув перед собой под столом ноги. Увидев Лайфа, он приветливо улыбнулся.

Лайф застывает в нерешительности перед машиной. Оглядевшись по сторонам, открывает

дверцу со стороны водителя — никто не запирает автомобили в горах. Он не пытается найти там что-то конкретное. Ему просто хочется понять, что представляет собой Вильгельм; можно прожить с человеком в одной деревне всю жизнь и ничего о нем не знать. На пассажирском сиденье — аккуратно сложенная подстилка для собаки. В бардачке — катушка с леской и бинокль. Под сиденьем — пожелтевшее от времени руководство по эксплуатации, на которое, судя по всему, не раз что-то проливали.

Взяв бинокль, Лайф подносит его к глазам.

И вдруг замечает какое-то движение.

Лайф испуганно моргает и настраивает фокус, чтобы получше разглядеть, кто бы это мог быть.

Из-за деревьев, которые растут в сотне метров от приюта, выходит женщина. Ее темные волосы развеваются на ветру, частично пряча лицо. Лайф сразу чувствует: что-то не так. Дело в ее походке — женщина торопится, почти бежит, слегка пошатываясь.

Она дергает головой, оглядываясь через плечо.

За ней следом плетется вторая женщина. С тяжелым рюкзаком на спине, она едва передвигает ноги. Открытым ртом ловит воздух.

Лайф бросает бинокль и бежит им навстречу.

Глава 24. Мэгги

Решили встать на ночлег у реки — все выдохлись, и идти дальше не осталось сил. Купаясь в золотистых лучах заходящего солнца, Лиз расхаживала по поляне, ощупывая ногой землю в поисках ровного сухого участка под палатку.

Мэгги, чтобы снять напряжение в мышцах, покрутила туда-сюда плечами, и тут же резкая боль пронзила левую половину спины. Девушка потянулась в одну сторону, потом в другую, обвела взглядом лес, через который им предстояло пройти завтра, и ей стало плохо от одного его вида. Деревья росли настолько плотно, что он казался непроходимой зеленой стеной.

Мэгги потянулась за телефоном в надежде увидеть заветное деление.

Ни одной гребаной полоски!.. Накатила горячая волна паники — она так далеко от Фиби! От всего далеко.

За ее спиной Хелена, которая выглядела совершенно сломленной, разворачивала на траве палатку. Пятки — в мозолях, волосы мокрые.

Из желаний у Мэгги остались только два — сидеть и не двигаться, но она понимала, что в

одиночку с палаткой Хелена не справится. Поэтому порылась в рюкзаке и, вытащив пакет с колышками и дугами, свалила их рядом с тентом. Еще дома девушки договорились разделить вес палатки на двоих.

— Все хорошо? — спросила Мэгги.

— Прекрасно. — Хелена даже не посмотрела в ее сторону.

— Где-то была инструкция по установке, не видела?.. Все колышки окрашены в разные цвета. Мило, да? — попыталась подбодрить ее Мэгги. Продуманность деталей всегда приводила Хелену в неописуемый восторг. Похоже, не в этот раз.

— Очень.

Мэгги начала собирать каркас, соединяя дуги и накидывая на них крючки палатки. Несколько недель назад девушки устроили тест-драйв в ее саду. Дело было в субботу или воскресенье. Хелена прихватила с собой оливки и вино. Они сняли весь процесс на видео, а потом долго смеялись, до колик в животе, глядя, как, почесывая затылки, собирали, разбирали и снова собирали конструкцию, пока Фиби ползала под тентом.

Сейчас не было ни вина, чтобы взбодриться, ни Фиби, чтобы поднять настроение. Наконец им удалось соединить дуги и закрепить колышками

тент. Здесь они проведут ночь.

Хелена занялась обустройством своего спального места внутри: расстелила коврик, спальный мешок, разложила по карманам палатки свои принадлежности. А Мэгги, ступая босыми ногами по мягкой упругой траве, пошла к реке. Солнечные лучи струились по ее поверхности и играли золотистыми бликами, то показывая, то пряча под толщей прозрачной воды разноцветные камни.

Мэгги сняла брюки, стараясь не смотреть на свои розовые, испещренные ямочками бедра, стянула через голову мокрый от пота топ. Осторожно сделала один шаг и испытала блаженство от прикосновения ледяной воды. Однако, памятуя о передряге, в которую попала Хелена, решила глубоко не заходить. Сполоснула подмышки и заднюю часть шеи, чтобы смыть накопившуюся за день усталость.

От холода по коже побежали мурашки. Поднявшись на берег, Мэгги села на траву и подставила лицо солнцу. Закрыв глаза, она с наслаждением прислушивалась к каждому звуку: успокаивающему журчанию реки; доносящимся голосам Лиз и Джони, которые возились с палаткой; пронзительным крикам птиц, нашедших пристанище в

кронах деревьев.

И вдруг раздался легкий всплеск, словно что-то со свистом разрезало воздух и плюхнулось в воду. Мэгги открыла глаза. Она рассчитывала увидеть птицу или застать за пусканием «блинчиков» подруг. Однако Хелена по-прежнему сидела в своей палатке, а Лиз и Джони мучились со своей.

Звук доносился с дальнего берега. Мэгги озадаченно огляделась по сторонам и обратила внимание на рассекающий поверхность воды ручеек. Сбитая с толку, она присмотрелась получше — ручеек двигался против течения. Длинная тонкая нить, дрожа на солнце, то появлялась, то терялась в золотистых бликах, ее присутствие выдавали стекающие с нее капли воды. Мэгги осенило: это же леска!

Проследив глазами вдоль лески, она заметила на противоположном берегу в кустах фигуру мужчины.

На мужчине были темно-зеленые брюки, рубашка в клетку и прикрывающая половину лица кепка. Мэгги сразу узнала его, потому что видела в приюте. Вильгельм!

Он смотрел на воду, однако наверняка заметил и ее. Заметил их всех. Трудно было не услышать нарушающие тишину крики и не увидеть цвет-

ные вкрапления в зелени пейзажа. Получается, он уже сидел здесь, когда они появились, и все это время молча наблюдал за ними?

Мэгги стало не по себе. Крючок упал в воду всего в паре метров от нее. А если бы он ее зацепил? Она представила, как острый металл вонзается в шею, цепляет и рвет кожу…

— Эй! — громко крикнула Мэгги, предупреждая Вильгельма о своем присутствии. *Я здесь! Я тебя вижу!*

Вильгельм медленно поднял на нее глаза. У его ног лежала собака, уткнувшись мордой в лапы.

— Это же Вильгельм! — прошептала Лиз, которая вместе с Джони в этот момент подошла к Мэгги.

— Он меня только что чуть крючком не зацепил, пока я тут мылась. Как-то жутковато его здесь видеть.

— Вообще-то он говорил, что пойдет по этому маршруту на рыбалку. — вспомнила Лиз.

Мэгги обхватила себя руками и поежилась. Их уединение было нарушено.

— Он собирается уходить. — прошептала Джони.

Мужчина с невозмутимым видом скрутил леску и положил удочку в свой полупустой мешок.

Даже не посмотрев в их сторону, он взвалил рюкзак на плечи и зашагал на восток, в сторону леса. Пес не отставал ни на шаг.

Растворяющаяся в лучах заходящего солнца одинокая фигура выглядела зловеще.

— Куда он пошел? — прошептала Джони.

— Там тропы нет, — тихо произнесла Лиз.

Девушки молча смотрели вслед Вильгельму, пока его не поглотила лесная чаща.

Глава 25. Лиз

Почти стемнело. Природа вокруг притихла. И только лишь река, гремя в темноте камнями, нарушала тишину. Ветер тоже угомонился, как часто бывает в горах ближе к ночи.

Подруги сидели вокруг небольшого костра, который не столько горел, сколько тлел. Дрова, которые они набрали в лесу днем, оказались недостаточно сухими.

Лиз соскребла со стенок кастрюльки остатки лапши.

— Я бы даже повторила.

Она встала, борясь с онемением в области ягодиц от долго сидения на бревне, включила налобный фонарь, взяла кастрюльку и пошла к реке. Пронзив темноту, луч осветил противоположный берег и заставил вспомнить о странном появлении Вильгельма. В свете фонаря танцевали крошечные насекомые, но на берегу никого не было. Стоя на коленях на мокрой траве, Лиз опустила кастрюльку в ледяную воду, чтобы руками отскоблить остатки пригоревшей еды.

Здесь, в стороне от костра и подруг, у нее вдруг появилось щекочущее нервы ощущение, которое

быстро переросло в чувство тревоги. Она словно ждала удара в спину, каждой клеткой улавливая нависшую угрозу. Из головы не выходило предупреждение Вильгельма.

Лиз помотала головой. Нельзя давать волю воображению! Ополоснув кастрюльку, девушка поспешила обратно к костру.

Мэгги разломала плитку шоколада и поделилась с подругами.

— Уверена? — уточнила Лиз. Когда носишь на себе съестные запасы на четыре дня, еда становится сверхценностью.

— Конечно.

Лиз отломила маленький кусочек, с благоговением поднесла его к носу и насладилась сладким молочным ароматом. Закинув шоколад в рот, почувствовала, как лакомство растекается по языку.

— Мои поздравления. Один день позади, — объявила Хелена, протянув ноги ближе к костру, который так и не набрал силу. Их с Джони мокрые ботинки стояли рядом. — Мы преодолели пешком несколько километров, перешли вброд реку, установили палатки и даже приготовили на горелке ужин. Еще и костер развели. Ну ладно, дым.

— Жаль, что нас сейчас не видит Эйдан, — пробормотала Мэгги.

— И как поживает наш бывший муженек? — спросила Джони.

— До сих пор бесится, что ты отказалась петь на нашей свадьбе.

Первый раз за день Джони рассмеялась.

— И что я только в нем нашла?

— Да, попробуй сама и ответить, — пожала плечами Хелена.

— Он показался мне безнадежным романтиком. Выходные в Амстердаме, в Париже, бесконечный поток букетов. Мне настолько льстило его отношение, что я не заметила…

— Какой он позер, эгоист и самовлюбленный кретин, — услужливо подсказала Хелена.

— Правильно, не стесняйся, — усмехнулась Мэгги. — Я чувствовала: что-то не так. Но когда ты беременна и дата свадьбы уже назначена, идти на попятную довольно глупо, да? Я вышла за него замуж, потому что так и не осмелилась сказать «нет». Просто я слабачка. — В свете костра ее лицо выглядело каким-то особенно жалким.

— Дело не в слабости. — Джони сидела, опершись локтями на колени. — Думаю, ты надеялась, что все наладится. Ты носила под сердцем ребен-

ка и хотела, чтобы все было как у людей. Чтобы у ребенка был отец, а у тебя — полноценная семья. Твои мечты сыграли с тобой злую шутку. Поэтому случилось то, что случилось.

Вдруг за спинами подруг, среди темных силуэтов деревьев, Лиз заметила какое-то движение. Она застыла, вглядываясь в темноту, но тень уже растворилась в лесу.

— Лиз, поделись секретом счастливой семейной жизни.

— Я? — растерянно отозвалась Лиз, которая не сразу поняла, что Мэгги обратилась к ней.

— Вы с Патриком вместе много лет. У вас крепкий брак. Вы любите друг друга. Помнишь, как он тебе записывал на кассеты музыкальные сборники? А потом от руки составлял список треков?

Лиз улыбнулась. У нее до сих пор хранились кассеты с песнями группы «Ред Хот Чили Пеппперс», Ленни Кравица и «Бисти Бойз». В свое время она заслушала их до дыр, пока примеряла наряды и готовилась к свиданиям с Патриком, который часто приглашал ее в кино или кафе. От магнитофона она избавилась уже лет двадцать назад, а кассеты берегла как зеницу ока.

— Ваши отношения пережили учебу в разных городах, твою ординатуру и только укрепились с

рождением детей. В чем секрет? — не унималась Мэгги.

Не отрывая взгляда от костра, Лиз попыталась улыбнуться, но губы задрожали.

— Ты чего? — спросила Мэгги, участливо наклонив голову.

Лиз чувствовала, что взгляды сидящих вокруг костра подруг прикованы к ней. Как бы ей хотелось заверить их, что у них с Патриком все прекрасно, что они по-прежнему безумно любят друг друга! Но язык словно пересох, отказываясь шевелиться. На глазах предательски проступили слезы, щеки пылали.

— О, Лиз, — попыталась успокоить ее Мэгги, пододвинувшись к ней поближе и положив на спину руку.

Тяжело дыша, Лиз призналась:

— Патрик и я… мы… решили пожить отдельно. — Ей очень хотелось добавить: *Ничего плохого в этом нет. Это же не развод. Это временно*. Особо ей хотелось подчеркнуть слово «временно», потому что они разъехались лишь для того, чтобы отдохнуть друг от друга и в разлуке еще раз осознать, что жить один без другого не могут. Однако слов этих она так и не сказала, потому что расплакалась. — Простите, — пробормотала

она, вытирая ладонью лицо.

— Не извиняйся. Ты ведь живой человек. — Мэгги достала из кармана упаковку с бумажными носовыми платками.

— Я не хотела, чтобы вы узнали. Боялась испортить отдых.

— Мы твои лучшие друзья. Те, которые и в горе, и в радости. Несмотря ни на что. Забыла?

Джони кивнула, выражая согласие со словами Мэгги.

— Знаю, — пробормотала Лиз. Она тешила себя мыслью, что если никто ни о чем не догадывается, то и проблемы нет. Ей по-прежнему хотелось выглядеть в глазах других людей сильной и самодостаточной, оставаться человеком, к которому люди приходят за советом. Это непоколебимые столпы ее личности. Лишись она их, что останется от Лиз Уоллес?

— И какой петух вас клюнул? — спросила Хелена.

Клубы дыма от костра доплыли до Лиз, и в горле запершило.

— В последнее время… что-то между нами изменилось. Трудно понять… — Она покачала головой, чувствуя, что подруги ждут объяснений. — Мы словно… потеряли что-то важное. Не помню, ко-

гда мы в последний раз вместе смеялись. Раньше мы обсуждали книги, песни. Делились мечтами. Жаждали приключений. Сейчас все наши разговоры вертятся вокруг двух вопросов: кто заплатит за питание в школе и кто заберет детей в случае отмены кружка. Наша жизнь стала воплощением заезженного штампа о том, что с появлением детей отношения между супругами меняются не в лучшую сторону. Знаете, как в тех картинках — «до» и «после». — Известно, куда приводит эта дорожка. У Лиз перед глазами был пример собственных родителей. Сначала поцелуи в губы, двуспальная кровать, приступы смеха. Потом — поцелуи в щеку, сон в разных комнатах, приступы раздражения. А она-то искренне верила, что они с Патриком застрахованы от подобных метаморфоз.

Оказалось, что нет. Не отводя взгляда от огня, Лиз призналась:

— Мы перестали заниматься любовью. — Не то чтобы кто-то из них охладел. Просто им обоим стало все равно. Они даже не заметили, как из их жизни ушел секс. Территория желаний — это территория тайны и радостного предвкушения. Поначалу поведение Патрика в постели будоражило ее своей непредсказуемостью. Прогулки по

этой территории пьянили и распаляли аппетит. Они сближались все больше и больше, и скоро тайн совсем не осталось. Как-то само собой так получилось, что эта сторона их жизни стала для Лиз прочитанной книгой.

— Ты же его все еще любишь? — с надеждой в голосе спросила Мэгги.

— И кто из вас предложил расстаться? — поинтересовалась Джони.

— Я.

— Но почему? — недоумевала Хелена.

— Когда я предложила разъехаться, я надеялась, что Патрик бросится меня отговаривать, — сокрушенно промолвила Лиз. — А он сказал, что это замечательная идея.

— О, Лиз! — не удержалась от возгласа Мэгги.

— Мы решили вопрос мирно, как и подобает цивилизованным людям. Составили график. Одну неделю я дома. Следующую — Патрик. Дети ни о чем не догадываются. На этой неделе его черед сидеть с Иви и Дэниэлом.

— Надеюсь, разлука пойдет вам только на пользу, — с чувством произнесла Мэгги. — Позволит перезагрузить отношения.

Лиз кивнула. Как же ей хотелось, чтобы слова подруги оказались правдой!

Она вытерла ладонью лицо и посмотрела на свои ботинки. Поэтому вылазка в горы и была нужна ей как воздух. Она почти потеряла себя и свой брак; сейчас надо не забегать вперед и сосредоточиться на прохождении маршрута, шаг за шагом продвигаясь к намеченной цели.

Глава 26. Хелена

Хелена лежала в узком спальном мешке, вытянув руки по швам, — просто не нашла другого способа их пристроить. Неужели есть люди, которым нравится спать в палатках? Любое движение отзывалось похрустыванием коврика, а спальный мешок комковался. Казалось, она спит в шуршащем полиэтиленовом мешке.

Она нажала на живот, пытаясь определить, насколько полон мочевой пузырь. От мысли, что придется вылезти из теплого спальника, расстегнуть палатку, сунуть покрытые мозолями ноги в ботинки и присесть в кромешной тьме, Хелена чуть не заплакала. Сейчас бы в свою ванную комнату!

Не находившие себе места руки наконец успокоились и теперь лежали на животе. Ладонями она ощущала исходившее от ее тела тепло. Где-то там внутри… плод. Да. Плод. Точнее не скажешь. Когда произносишь слово *«ребенок»,* сразу включаешься эмоционально. Дети — они настоящие. У них есть чувства, потребности. А абстрактный «плод»… больше фигурирует в медицинских документах.

Ее ладони двигались по кругу. Ощущение оказалось довольно приятным. Для себя Хелена решила, что пока выкинет беременность из головы и не будет о ней ни с кем говорить. К сожалению, ее получившее новый статус тело уже включилось в работу и выбрасывало в кровь гормоны, из-за которых она чувствовала постоянную усталость и зверский аппетит. По их же вине очертания тела стали более округлыми. А может, просто разыгралось воображение, и чувствовать себя так вполне нормально, когда ты провела целый день на ногах с тяжелой ношей на плечах?

Все, спать. Хелена высвободила из спальника руку и выключила оставленный Мэгги фонарик. Несколько секунд она лежала неподвижно, затем, когда глаза немного привыкли к темноте, поднесла к лицу ладонь. Ничего не видно. Подождала еще.

— Я просто задыхаюсь от этой темноты и тесноты, — неожиданно прошептала Мэгги.

— Думала, ты спишь.

— Меня трясет от страха. — Мэгги повернулась к ней лицом. — А ты как? Отошла после ссоры с Джони?

— Не ожидала, что она бросится в реку меня спасать.

— Как раз ничего удивительного. Сама прекрасно знаешь, как она к тебе относится. И ее отсутствие месяцами ни о чем не говорит. Она по-прежнему дорожит нашей дружбой.

— Понимаю, — тихо отозвалась Хелена и, понизив голос, добавила: — Новость про Лиз и Патрика прозвучала как гром среди ясного неба.

Когда Мэгги задала следующий вопрос, Хелена почувствовала ее дыхание на своем лице.

— Ты же видела его недавно. Как он выглядел?

— Довольный как слон, что вырвался на свободу.

— Хелена!

— Что я такого сказала? Все знают, что он не прочь пропустить стаканчик-другой, когда Лиз нет рядом. — Она умолкла. — Слушай, у тебя нет ощущения, что нас развели? Они сейчас в состоянии, так сказать, «гостевого» развода. И Лиз заранее выбрала для поездки дни, когда с детьми сидит Патрик.

Мэгги промолчала. Хелена могла на нее рассчитывать почти во всем, но сплетничать за спиной подруг — это не к ней.

Хелена истолковала молчание превратно, поэтому продолжила:

— И все-то у нее в жизни правильно. Тоже мне

мисс Совершенство.

— Тсс! — одернула ее Мэгги.

— А что я такого сказала? Сама подумай. Обложилась картами, списками, графиками. Всегда улыбочка наготове. Почему нельзя было просто взять телефон и сказать: *Девочки! Мы с Патриком переживаем непростые времена. Мне нужно уехать подальше от дома. Кто со мной?* Мы бы все ее поддержали.

— Я сказала «тсс», потому что мне что-то послышалось.

— Ой. — Хелена замолкла и прислушалась. Легкий ветер колыхал ветви деревьев. Сосновые иглы перешептывались друг с другом.

Мэгги спросила неуверенно:

— Как думаешь, Вильгельм… куда он направился?

— Домой, если с головой дружит.

— У него на спине висел походный рюкзак.

Да, глядя на мужчину, не оставалось сомнений, что в глуши он без проблем может жить неделями. Ставить ловушки на кроликов, ловить рыбу.

Мэгги перешла на шепот:

— Он знает, что мы здесь совершенно одни. Когда он рассказывал про «тонкие» места… душа у меня от страха в пятки ушла.

Мэгги в темноте нашла руку Хелены.

— Отпусти мою грудь.

— Ой, прости.

За стеной палатки Хелена уловила движение.

Мэгги замерла.

Шорох повторился. Шаги? Раздался хруст ветки под ногой.

— Там кто-то ходит! — прошептала еле слышно Мэгги.

Хелена перестала дышать, прислушиваясь к отчетливому звуку приближающихся шагов. Мышцы непроизвольно напряглись.

Произошло какое-то движение, и Хелена получила удар в плечо.

Крик Мэгги пронзил ночную тишину.

Ошарашенная Хелена нанесла ответный удар кулаком и почувствовала, как костяшки впились в мягкую плоть, с которой ее разделяла стенка палатки.

Раздался истошный вопль.

Хелена нанесла еще один удар в темноте.

— Ай!

Мэгги схватила подругу за руки и прокричала:

— Прекрати!

За стенкой раздался голос Лиз:

— Это я! Убить меня решили?

Выкарабкавшись из спальника, Хелена расстегнула палатку и высунула голову. В лунном свете виднелась фигура пытающейся встать на ноги Лиз.

— Какого черта? — закричала Джони, выныривая из палатки с фонарем в руке.

Лиз прикрыла ладонью лицо.

— Я сходила в кусты и на обратном пути зацепилась ногой за оттяжку!

— Ты упала прямо на меня! — прерывисто дыша, возмутилась Хелена. Сердце бешено колотилось. — Мы думали, нас убивают!

Джони расхохоталась, и луч света задрожал в темноте. Поняв, что им ничего не угрожает, подруги с облегчением выдохнули.

— Я не хотела, — оправдывалась Лиз.

Джони тряслась от смеха. Мэгги от нее не отставала.

«Очень смешно», — подумала Хелена и, вспомнив поговорку о том, что нет худа без добра, решила все же сходить в туалет. О том, чтобы надеть на истерзанные ноги ботинки, не могло быть и речи, поэтому она пошла по мокрой траве босиком. Неподалеку от палаток присела на корточки, и горячая струя с шумом обрушилась на землю.

Почему Лиз вообще оказалась так близко? Неужели подслушивала?

В любом случае Хелена была готова повторить каждое сказанное ею слово. Ей стыдиться нечего.

Она встала и вдруг за тлеющими в темноте углями костра уловила какое-то движение. Тогда, выставив фонарик вперед, она несколько раз повела лучом вокруг, но не увидела ничего, кроме возвышающихся в темноте деревьев, между которыми прятались черные тени. Хелена понимала, что на десятки километров вокруг ни души, и все же не могла отделаться от ощущения, что кто-то не сводит с нее глаз.

Ни с того ни с сего в мыслях всплыл образ мужчины, с которым она переспала в приюте, — Остин. Она не забыла, как от него пахло сидром и мясом. Не забыла взгляда холодных глаз. В память врезались слова, которые он бросил ей вслед: *Еще увидимся!*

Хелена нырнула в палатку и закрыла за собой молнию.

Поиски

Взгляд Лайфа прикован к двум бегущим в сторону приюта женщинам. Сжимая в кулаке бинокль,

он сломя голову устремляется им навстречу. При каждом шаге земля под ногами пружинит и вздрагивает.

Впереди бежит женщина помоложе. Куртка завязана узлом на талии, темные волосы развеваются на ветру. На топе темнеют пятна пота. Завидев Лайфа, она переходит на шаг, и ее тело облегченно обмякает.

Молодая немка лет восемнадцати; следом бредет ее мать. Они выдвинулись в поход с ночевкой вчера. Точно. Лайф их вспомнил. Они еще очень долго изучали за ужином карту.

— Что случилось? — кричит Лайф, подбегая.

Девушка останавливается и пытается отдышаться. Она наклоняется вперед, опершись ладонями о колени. Грудь часто вздымается. На лбу — капельки пота.

Пошатываясь и едва волоча ноги, подходит мать. Ее щеки пылают.

Обе как по команде показывают руками на Блафьель.

Щурясь в туманном свете, Лайф поднимает глаза на вершину горы, не до конца понимая, что надеется там увидеть. Людей? Устремляющиеся в небо клубы тумана? Отсюда гора кажется высокой, неприступной и одинокой.

Способность говорить возвращается сначала к дочери:

— Женщина…

— Упала, — выдыхает мать.

У Лайфа мгновенно пересыхает во рту.

— Мы звали ее! Но слишком далеко! — добавляет мать. — Мы шли по нижней тропе.

— К ней не подобраться… Звонили спасателям… Связи не было…

— Поэтому побежали за помощью сюда.

У Лайфа перехватило дыхание.

— Она жива?

Женщины переглянулись. Похоже, мать представила собственную дочь на вершине той горы, и ее глаза наполнились слезами. Она повернулась к Лайфу и голосом, в котором паника уступила место чему-то более мрачному, сказала:

— Не знаем. Движения не заметили.

День 2

Глава 27. Лиз

Не успела Лиз выбраться из спальника, как холодный воздух окутал ее со всех сторон и заставил поежиться.

Джони спала рядом, закинув за голову руку, на которой вереница вытатуированных скворцов вытянулась в ниточку от локтя до запястья. Дыхание легкое, губы полуоткрыты, веки слегка подрагивают.

Лиз выбралась из палатки, на стенках которой затанцевали капельки росы. Утро выдалось безоблачным и светлым, но лагерь оставался в тени — солнце еще не добралось до самых высоких вершин.

Надо срочно выпить кофе! Лиз поставила горелку на усыпанную капельками росы траву, взяла кастрюльку и направилась к речке. Встав на колени, зачерпнула воды, отмахиваясь от напоминающей пылинки мошки. Над поросшей травой гладью подпрыгнула рыбешка и так же быстро нырнула обратно. Лиз едва сдержалась, чтоб не выкрикнуть: *Рыбка!* Близнецы подросли, а привычка осталась.

Как она скучала по тем временам, когда простое

выкрикивание названий объектов, появляющихся в поле зрения, приводило их в неописуемый восторг! *Смотри! Экскаватор! Пожарная машина! Птичка!* Сейчас малыши переходили к следующему этапу взросления.

Лиз поддалась унынию. Сколько она всего упустила! Носилась со своими пациентами в ущерб собственной семье. Вспомнился вечер, когда, задержавшись на работе, она вернулась домой позднее обычного. Патрик расхаживал по лужайке с висящими на руках детьми. Малыши уже переоделись в пижамы.

«Представляешь, нашел тут пару хорьков, — подмигнул он ей. — Что прикажешь с ними делать?»

Стоя на пороге в туфлях на высоких каблуках, Лиз спросила: «Мясистые?»

«Сейчас проверим», — ответил Патрик и, скинув малышей в траву, принялся их щекотать. Дети визжали от восторга.

Почему она не присоединилась к ним, бросив все дела? Почему проигнорировала собственное желание подурачиться на лужайке, понарошку закусать маленькие пяточки и вдохнуть ни с чем не сравнимый аромат мыла на детской коже? Лиз знала ответ. Ее голова была слишком занята

мыслями о трудном пациенте. Поэтому она быстро зашла в дом и принялась строчить сообщение. Когда она разобралась с делами, дети уже давно спали, и с поцелуями перед сном она опоздала.

Каждое такое воспоминание приносило боль. Однако халтурить на работе было не в ее правилах. На кону стояло здоровье пациентов, поэтому Лиз не могла позволить себе дополнительный выходной или день за свой счет.

Она потрясла головой. Сейчас не время для самокопания. С полной кастрюлькой она вернулась в лагерь, зажгла горелку. Голубые огоньки поприветствовали ее радостным шипением.

Из палаток послышались сонные голоса.

— Кому кофе? — прокричала Лиз.

Под одобрительное мычание подруг она составила в ряд походные кружки. И вдруг заметила что-то боковым зрением.

Лиз испуганно отпряла.

На камне рядом с потухшими углями костра лежала огромная рыбина. Ее слизкая тушка поблескивала зеленоватой чешуей. Судя по незатуманенному взору глаз-бусинок, выловили ее совсем недавно. Заметив на брюхе красную полоску, Лиз наклонилась ближе и поняла, что рыбу уже выпотрошили.

Волосы на голове встали дыбом. На поляне только палатки. Среди стоявших в полумраке деревьев невозможно было что-то разглядеть.

Резкий звук заставил Лиз подпрыгнуть. Это Джони, открыв молнию, с сонным видом вынырнула из недр палатки, натягивая на ходу свитер и попутно демонстрируя тренированный пресс. Из соседней палатки показалась голова зевающей Мэгги в обрамлении распущенных до плеч каштановых локонов.

— Я будто в склепе спала, — раздался недовольный голос Хелены. Ее прямая челка сбилась на одну сторону.

Заметив выражение лица Лиз, Мэгги резко насторожилась.

— В чем дело?

Лиз показала на рыбу.

Джони, протирая глаза, подошла поближе и уставилась на тушку.

— Вильгельм оставил, — уверенно заявила Хелена.

— Прошу, не так громко, — прошептала Лиз.

Мэгги испуганно обхватила себя руками и огляделась по сторонам.

— Думаешь, он нас… слышит?

Взгляд Лиз скользнул в сторону деревьев.

Хелена прошептала:

— С чего бы ему оставлять нам рыбу?

— Может, поймал больше, чем может съесть? — выдвинула предположение Лиз.

Но Хелену она не убедила.

— Мог бы тогда просто подойти и отдать ее нам, правильно? Зачем подкрадываться под покровом ночи? Значит, я таки видела кого-то вчера в темноте.

— Что?! — изумленно переспросила Мэгги.

— Мне нужно было в туалет. Я услышала шорох. Это точно был Вильгельм. — Она театрально передернула плечами.

— И что нам теперь с ней делать? — Мэгги озадаченно подняла голову на подруг.

Четыре пары глаз уставились на рыбу.

— Не знаю, как вы, но я ее есть не буду, — отрезала Хелена.

— Возможно, через четыре дня на одной лапше ты запоешь по-другому. — Лиз пожала плечами.

— Ты ее собираешься запихать себе в рюкзак? — съязвила Хелена.

— Выброси ее в реку, — предложила Джони.

Хелена убрала руки за спину.

— Я к ней даже не притронусь.

Тяжело вздохнув, Лиз взяла рыбину за хвост и,

вытянув перед собой руку, понесла к реке. Раздался короткий всплеск. Рыба перевернулась на бок, распоротым животом кверху, и поплыла по реке, оставляя в воде красные разводы.

Глава 28. Мэгги

Мэгги опять плелась в хвосте, тяжело и прерывисто дыша. Тело покрылось потом. Она продела большие пальцы под лямки рюкзака, но мышечный спазм, сковавший область между лопаток, не отпускал.

С каждым шагом подруги уходили все глубже в лес, и вскоре зеленый полог из крон деревьев окончательно спрятал голубой небосвод. В воздухе висели ароматы сырости и земли, исходившие от мха и спор папоротника, а также сладковатый запах начинающей подгнивать листвы.

Шли, не останавливаясь, уже несколько часов, сделав короткий привал, чтобы съесть горсть орехов, несколько хлебцев и пару кусочков сыра. Мэгги понятия не имела, сколько еще идти до побережья.

Тропа постепенно поднималась вверх, и, хотя уклон был едва заметен, вскоре заболели икры и другие мышцы, о существовании которых Мэгги даже не подозревала. С обреченным видом она ковыляла вперед. Смотрела, как тяжело двигаются ее обтянутые розовыми лосинами полные бедра, и жалела, что игнорировала занятия спортом.

Она так и не избавилась до конца от накопленного за беременность лишнего веса. Вот как Лиз умудрилась быстро вернуться в форму, совмещая материнство и работу? Впрочем, таких, как Лиз, с их высочайшим уровнем самодисциплины, трудно представить ворующими тайком печеньки из шкафа.

Из темной земли торчали корни. Ее поверхность была усеяна булыжниками, покрытыми ярко-желтым лишайником. Картину дополняли крупные зеленые вкрапления мха, окутавшего стволы молодой поросли. Убежавшие далеко вперед подруги скинули рюкзаки и достали бутылки с водой, которую принялись жадно пить, запрокинув головы. Особо настырный луч солнца пробился сквозь толщу крон и красиво подсветил эту сцену, придав выразительности лицу Хелены. *Вот дает!* — подумала Мэгги. *Беременная, все ноги в мозолях, но отважно продолжает идти вперед!*

Когда она наконец нагнала подруг, они уже закрутили колпачки на бутылках и натягивали лямки рюкзаков на плечи.

Лиз внимательно изучила висящую на шее карту и объявила:

— До склона осталась пара километров. Оттуда

будет видно побережье.

Не так далеко, с облегчением подумала Мэгги. *Я справлюсь. Должна.*

Подруги вернулись на тропу, увидев впереди следующий красный указатель.

— Я только в туалет. Я быстро, — бросила она им вслед, расстроившись, что не успела передохнуть. Потом сошла с тропы и, ступая ботинками по мягкому мху, на котором плясали солнечные зайчики, углубилась в чащу. Провозившись безрезультатно с замком на брюках, решила скинуть рюкзак. Присев на корточках около дерева, Мэгги прислушалась к звукам леса. Полную тишину нарушало жужжание насекомых и шелест потревоженных легким ветерком листьев. Закончив свои дела, она выкопала носком ботинка небольшую ямку и закопала салфетку. Мэгги понимала, что нарушает правила, которые предписывали убирать за собой мусор. Но тогда ей пришлось бы найти в рюкзаке пакет, на что у нее не осталось абсолютно никаких сил.

Когда она снова взвалила рюкзак на плечи, ее лицо исказилось от боли.

Мэгги сделала шаг вперед и остановилась в замешательстве. А где тропа? Покрытая мхом и прошитая корнями земля везде выглядела оди-

наково.

Она покрутилась на месте, напряженно всматриваясь между толстыми стволами деревьев, надеясь увидеть подруг. Увы, густой лес успел поглотить их фигуры.

Резкий укол паники пронзил все ее тело.

— Хелена!

Тишина.

— Джони! Лиз!

Прислушалась. Откуда-то издалека доносилось журчание воды.

— Вы где? — крикнула Мэгги полным тревоги голосом.

Нет ответа.

Ушли.

А что, если подруги не услышали, что ей надо было в туалет? Но в любом случае они уже должны были хватиться ее.

Мышцы окаменели, дыхания не хватало. Лес выглядел зловеще и наступал со всех сторон.

Резкое движение над головой заставило Мэгги отшатнуться. Она инстинктивно закрыла руками лицо. Нет, всего лишь взмывшая ввысь птица.

Сердце грозило выпрыгнуть из груди, поджилки тряслись от страха. Мысли с бешеной скоростью сменяли одна другую. А если она не

найдет подруг? Мэгги вспомнила карту — вокруг сплошная непролазная глушь. Ей хватило пяти минут, чтобы потеряться в лесу. Кто ее теперь здесь найдет?

Из бокового кармана рюкзака девушка вытащила телефон и посмотрела на экран в надежде увидеть хоть одно заветное деление. Связи не было.

Тыльной стороной ладони она вытерла рот.

Мэгги вспомнила, что перед тем, как отправиться в путь, сфотографировала висящую в приюте карту. Лихорадочно водя пальцами по экрану, она открыла фото. Изображение оказалось размытым — в момент съемки не хватило света.

Черт!

Охваченная паникой, она кидалась в разные стороны. Лес неприступной стеной стоял перед ней, полностью скрывая солнце.

Мэгги заблудилась.

Поиски

Не мешкая ни секунды, Лайф звонит в службу спасения. Прижав телефон к уху, он делится подробностями с Кнутом, дежурным по базе.

Лайф уже давно знаком почти со всеми спасателями; его отец тоже был из них. Опытные,

физически крепкие скалолазы, альпинисты и медики готовы прийти на помощь в любой момент. И в деле спасения людей равных им нет.

— У восточного гребня Блафьеля замечена женщина. GPS-данных нет. Туристки утверждают, что видели тело на глубине двадцати метров.

Кнут никак не комментирует информацию, но Лайф знает, о чем он сейчас думает — шансы выжить при падении на камни с такой высоты крайне невелики.

— Признаки жизни? — спрашивает Кнут.

— Туристки окликнули ее, но ответа не получили.

— Что там сейчас с погодой на Блафьеле?

Лайф бросает взгляд в дверной проем. Горные вершины по-прежнему укутаны в облака.

— Видимость низкая. Поднимается ветер. Вероятно, будет дождь.

Когда Кнут сообщает плохую новость, его голос остается спокойным и ровным:

— Вертолета на базе нет — улетел к Хивику. Там тоже несчастный случай.

— В горах?

— Да.

Гора Хивик очень популярна среди туристов. Их не пугает даже череда несчастных случа-

ев, произошедших этим летом из-за того, что любители селфи со своими палками подходят слишком близко к краю. Ответственные службы уже поговаривают о том, чтобы установить там ограждение.

— Вертолет только что улетел, потом пойдет на дозаправку. В твоем распоряжении второй грузовик и ребята. Первый тоже уже на пути к Хивику.

Лайф кивает.

— Я пока выдвинусь пешком. Разведаю обстановку. Оценю ситуацию.

— Удачи! На связи.

Лайф прошел курс по спасению пострадавших в горах и оказанию первой медицинской помощи. Когда проводишь в горах большую часть жизни, нужно быть готовым ко всему.

И прежде, чем повесить трубку, Кнут задает последний вопрос:

— Ты знаешь, кто она?

Лайф открывает журнал и с тяжелым сердцем просматривает список туристов.

— Нет. Пока нет.

Глава 29. Хелена

Тропа пролегала через густой влажный лес. Хелена уже скучала по просторам оставшейся за спиной широкой долины и необузданной энергии горной реки. Еще немного, и она испытает приступ клаустрофобии — деревья закрывали обзор, и их пышные кроны совсем не пропускали свет.

Она, как могла, пыталась не обращать внимания на боль в пятках, что давалось нелегко — заполненные прозрачной жидкостью пузыри лопались, и носки прилипали к ранам. Даже подруги начали ее раздражать. Хвост Лиз задорно подпрыгивал при каждом шаге хозяйки. Пребывающая в лирическом расположении духа Джони как ни в чем не бывало что-то напевала себе под нос.

Все мысли Хелены вертелись вокруг беременности. А что, если она сглупила, отправившись в горы? Признаки физического истощения уже налицо. А ведь самая сложная часть пути еще впереди.

Чтобы взбодриться, она решила бросить взгляд на Мэгги, которая плелась в хвосте со скоростью

улитки. Что тут скажешь, подруга из нее паршивая — жалкое состояние Мэгги стало для нее отдушиной.

Она обернулась и посмотрела на тропу.

За спиной никого не было.

Несколько секунд Хелена напряженно вглядывалась между деревьями.

Где Мэгги?!

Поставив руки на бедра, она громко позвала:

— Мэгз?

Не дождавшись ответа, Хелена окликнула подруг:

— Стойте! Мэгги пропала.

Джони умолкла и обернулась, Лиз остановилась. Обе уставились на пустую тропинку. Глядя на их озадаченные лица, Хелена все еще не теряла надежды, что они скажут: *Так она обогнала нас. Убежала вперед.*

— Такими темпами мы до ночи из леса не выберемся, — сказала Лиз, убив комара.

Прошла минута. Потом вторая.

Джони свалила рюкзак на землю. Лиз посмотрела на часы.

На тропе так никто и не появился, и Хелену охватило растущее чувство беспокойства.

Три минуты. Четыре.

— Мэгги! — громко позвала Хелена.

Нет ответа.

Лиз нахмурилась.

— Кто ее видел последним?

— Мы все, когда остановились попить воды.

— Ну да, — согласилась Хелена. Она была настолько сильно поглощена собственными проблемами, что даже ни разу не обернулась проверить, как там Мэгги.

Брови Лиз поползли наверх.

— Но это было минут сорок назад. Может, даже больше. Ты почему не следила за ней?

Не ожидавшая получить выговор Хелена огрызнулась в ответ:

— Если бы ты не топала семимильными шагами, она, может, и нагнала бы нас!

— Получается, я виновата?

— Никто ни в чем не виноват, — вмешалась Джони. — Наверное, она где-то рядом.

— Пойду проверю, — решила Хелена и зашагала назад.

— Мы не должны разделяться, — бросила ей вслед Лиз.

— Тогда догоняйте!

Сравнявшись с Хеленой, Лиз сказала:

— Давайте на секундочку представим, каковы

были бы ваши действия, заблудись вы в лесу.

— Я не сдвинулась бы с места. Сидела бы и ждала, когда меня найдут, — ответила Хелена.

— А я, наоборот, сделала бы все возможное, чтобы выбраться из жутких джунглей.

— А теперь давайте вместе подумаем, что бы сделала Мэгги?

— Стала бы нас звать, — ответила без колебаний Хелена.

Глава 30. Мэгги

— Хелена! Лиз! Джони! — кричала она.

Тяжело дыша, Мэгги шла, не имея ни малейшего представления куда; хотелось верить, что туда, где остались подруги. Она отгоняла мысль, что, возможно, углубляется дальше в чащу. Куда ни повернись, лес выглядел одинаково. Со всех сторон ее окружали растущие стеной деревья, через которые не мог пробиться солнечный свет.

— Хелена!

В ответ лишь шепот листвы и скрип стволов.

Горячая волна страха прокатилась по всему телу. Превозмогая себя, Мэгги продолжала идти вперед. Пот градом катился по лицу, дыхание сбилось окончательно.

Торчащие из темной земли корни так и норовили схватить ее за ноги своими скрюченными пальцами. Пронзительные крики птиц заставляли вздрагивать. Мэгги зацепилась ногой за корень и начала падать. Тело под весом рюкзака неестественно согнулось, и, почувствовав резкую боль в спине, она упала лицом в грязь, вкус которой сразу ощутила во рту.

Прикованная к земле тяжестью рюкзака и ли-

шенная возможности пошевелиться, Мэгги от бессилия заплакала.

Рядом ни души. Никого, кто протянул бы руку помощи.

Она лежала в грязи, всеми покинутая, испуганная.

Вспомнилась Фиби. Всякий раз, когда та падала на землю, Мэгги устремлялась к ней со словами: «Встаем на ножки! Умничка! Давай отряхнемся. Все хорошо!» Мысли о дочери придали сил. Корчась от боли в спине, она медленно встала сначала на четвереньки, потом на ноги. Перед глазами все плыло.

Мэгги сделала долгий вдох, затем медленный выдох.

Еще один.

Так, спокойно.

Думай, думай!

Она застыла, прислушиваясь. Шум листвы. Лес. Природа. Где-то вдалеке журчание реки.

И вдруг ее осенило: реки всегда текут вниз по склону. Тропа вела в горы. Если пойти вдоль реки против течения, то удастся выбраться из леса.

Мэгги вытерла слезы и продолжила путь. Ее не остановил даже новый приступ боли в спине, сковавший поясницу жгучим поясом. Никакая боль

не могла сравниться с подгонявшим ее страхом.

Она старалась держаться реки и время от времени звала подруг. В какой-то момент причудливые изгибы русла заставили ее усомниться, что реки *всегда* текут вниз по склону. Вдруг бывают исключения?

Каждый шаг Мэгги делала осторожно, не спеша. Шанс заработать вывих лодыжки в этих высоких, жестких ботинках был высок. Каждое движение отзывалось жгучей болью в мышцах. И все же продолжала идти с широко открытыми глазами, надеясь заметить пирамиду из камней или указатель с красной стрелкой.

Спустя какое-то время почва под ногами стала пружинить. В тени Мэгги заметила семейки грибов оранжевого и серого цвета. Кажется, она здесь уже была.

Валясь с ног от усталости, Мэгги остановилась и допила остатки воды. Это место она определенно видела, но с другого ракурса. А сколько прошло времени? Неужели сумерки? От мысли, что скоро стемнеет, по спине прошел холодок.

Провести ночь в лесу в полном одиночестве?

Мэгги огляделась по сторонам, отчаянно надеясь обнаружить тропу. И в это мгновение затылком ощутила, что она не одна. Лес при-

стально смотрел на нее.

По коже побежали мурашки.

В воздухе возникло какое-то движение.

Слова Вильгельма коварной змеей вползли в сердце.

Что-то мелькнуло между деревьями.

Мэгги застыла от ужаса. Во рту пересохло. Каждая клеточка ее тела напряглась. Она тревожно вгляделась в полумрак.

В тени скрюченного дерева неподвижно стоял мужчина и внимательно наблюдал за ней.

Глава 31. Лиз

Напряженно всматриваясь между деревьями, Лиз не переставала звать подругу:

— Мэгги! Мэгги!

Когда девушки хватились Мэгги, они двинулись по тропе в обратном направлении. Потом развернулись и срезали путь через лес в надежде, что если Мэгги и свернула не туда, то уже вышла на тропу где-то дальше. Однако солнце клонилось к закату, а следов потерявшейся так и не обнаружили.

Лиз, нахмурив лоб, еще раз внимательно посмотрела на карту. Лес простирался на десятки километров по обе стороны тропы. Мэгги могла забрести куда угодно.

— Проверьте телефоны, — скомандовала она подругам, вытаскивая из кармана свой. Уголок экрана ничем не порадовал.

— Ничегошеньки, — констатировала очевидный для всех факт Хелена.

— У меня тоже ноль. — Джони озадаченно потерла щеку. — И что дальше?

— Возвращаемся в приют и заявляем о пропаже человека? — предложила Лиз.

— Да тут полтора дня пути. Бросить ее здесь на ночь одну? У Мэгги даже палатки нет, — сказала Хелена.

— Как так? — вытаращила глаза Лиз.

— Мы разделили ее вес на двоих. У Мэгги дуги и колышки, у меня — тент.

Лиз знала, что в большинстве случаев заблудившиеся туристы гибнут именно из-за отсутствия укрытия. Ночами здесь холодно. А накануне ночью температура упала градусов до пяти.

— Мы найдем ее, — сказала Лиз, но уверенности в голосе никто не услышал.

Как по команде девушки ускорили шаг, продолжая напряженно вглядываться между деревьями. Неожиданно Лиз застыла на месте, подняв руку.

Слышались только шелест листвы и жужжание насекомых.

Опять возникло движение воздуха, и донесся глухой звук топота.

Внезапно кусты раздвинулись, и им навстречу пулей вылетел темный силуэт. От ужаса Лиз словно приросла к месту.

Джони за ее спиной вскрикнула.

На них несся здоровый черный пес. Уши прижаты к голове, из открытой пасти вывалился язык, длинная шерсть у морды измазана свежей

кровью.

Собака промчалась мимо, слегка коснувшись шерстью ног Лиз.

— Это же собака Ви… — не успела договорить Хелена.

Из глубины леса раздался душераздирающий крик.

Глава 32. Мэгги

Дерево наполовину скрывало фигуру мужчины, который не сводил глаз с Мэгги. Он стоял, вцепившись в лямки полупустого рюкзака. Ни улыбки. Ни приветствия. Мэгги постепенно разглядела щетину на лице, узкую челюсть и оранжевую шапку-бини, натянутую на затылок.

Эрик.

Она вспомнила, как притихли в зале голоса, когда он вошел в приют. Вспомнила, как изменились в лице Бьорн и Брит — словно узрели дьявола во плоти. Вспомнила, какой взгляд вчера утром он бросил через плечо в ее сторону, когда подруги фотографировались возле указателя.

И вот он здесь.

Казалось, лес поделился своей тьмой с его глазами.

— Карин… — произнес мужчина едва слышно.

Мэгги нашла в себе силы помотать головой.

— Меня зовут Мэгги.

Эрик медленно заморгал и провел рукой по лицу.

Деревья вокруг сомкнулись еще плотнее. Повисла звенящая тишина.

Эрик глянул налево, потом направо.

— Ты заблудилась? — спросил он по-английски хрипло, как будто давно не говорил.

Мэгги всю жизнь учили ходить с высоко поднятой головой, демонстрируя уверенность и независимость. Учили прятать слабость, потому что хищник чувствует ее на расстоянии. Но как применить эти знания в дикой глуши, вдали от дома, не имея ни малейшего понятия, где находишься?

Телефон не ловит.

Помощи ждать неоткуда.

Крик никто не услышит.

Она собралась и, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности, ответила:

— Я здесь с друзьями.

Эрик посмотрел по сторонам.

— Мы разошлись в лесу. — Дыхание девушки участилось. — Меня уже ищут.

— И куда ты направляешься?

— К побережью.

— Куда идти, знаешь? — спросил он с выраженным норвежским акцентом.

Мэгги заколебалась.

Эрик смотрел ей прямо в глаза.

Даже если она ответит утвердительно, он сразу

поймет, что она солгала.

— Я заблудилась, — промолвила Мэгги.

Выражение его лица никак не изменилось.

— Я тебя провожу.

Он мог завести ее куда угодно. Она даже не поймет, что попала в ловушку. А если он шел за ними по пятам весь день и ждал момента, когда одна из них отстанет? С другой стороны, если она ответит «нет», то что дальше? Ночь она встретит в полном одиночестве, в лесу и без палатки. Сколько она продержится на холоде?

Эрик начал продираться между деревьями через кусты и папоротники, периодически наклоняясь, чтобы не задеть головой за ветви.

Мэгги не сомневалась, что он повел ее не в ту сторону. Хочет завести поглубже в лес?

— По-моему… тропа там, — сказала она, махнув рукой на восток.

Он молча помотал головой и продолжил путь.

Мэгги трясло от страха, и все же она пошла следом.

Отстав на несколько шагов, она смерила своего проводника оценивающим взглядом. На плече полупустой, выгоревший на солнце рюкзак. Из заношенных до дыр шортов выглядывали мускулистые загорелые ноги с выраженными

икроножными мышцами.

Мэгги где-то читала, что при угрозе нападения необходимо разговорить противника, пробудить в нем человеческое. Наладить с ним контакт.

— Ты ведь брат Лайфа?

— Да.

— Он говорил, что приют принадлежит вашей семье. Тебе повезло вырасти в таком живописном месте. А я родом с юга Англии. Всегда считала, что живу в глуши, пока не приехала сюда.

Молчание.

— У меня есть дочка, Фиби. Ей всего три. Я очень по ней скучаю. Оставила ее на неделю с бывшим мужем. Прежде он никогда не забирал… — Голос подвел, и она умолкла. Глаза заволокло пеленой слез. *Не вздумай плакать!*

Ее одежда пропиталась потом, дыхание перехватывало. Лес стал почти непроходимым. Складывалось впечатление, что они идут по склону вниз, тогда как, по идее, должны идти вверх. Он уводил ее от тропы все дальше и дальше.

Мэгги незаметно расстегнула нагрудные стяжки, чтобы в случае чего быстро сбросить рюкзак и побежать. Лямки еще сильнее врезались в плечи.

В сгущающемся сумраке леса было трудно что-

либо разглядеть, но неожиданно она заметила в мягкой траве камень размером с кулак, наклонилась и схватила булыжник. Твердый и холодный, он придал ей уверенности.

Мэгги подняла глаза. Эрик стоял, держа руки свободно по бокам, и смотрел на нее. Их взгляды встретились.

— Ты зачем его взяла?

Лицо Мэгги залилось краской.

— Я… мне он понравился. Красивый.

Они оба бросили взгляд на камень в ее руке. Обыкновенный серый булыжник с зазубринами.

Эрик посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Лгунья.

Поиски

Лайф скидывает в рюкзак все необходимое — снаряжение, рацию, аптечку, две бутылки воды и пару энергетических батончиков, — поднимает его как пушинку и вешает на плечи. Резкий прилив адреналина вполне объясним — спасатели появятся в горах только через несколько часов, и теперь все зависит исключительно от него.

Немки, обнаружившие женщину, стоят у карты. Та, что постарше, тычет в нее пальцем со словами:

— Кажется, здесь.

Лайф смотрит на указанную точку. Путь от этого места до приюта занял у женщин пять часов. Но он в отличной физической форме, хорошо отдохнул. Если погодные условия не подведут, будет на месте через два с половиной часа.

Поблагодарив туристок за информацию, Лайф отправляется в путь.

Уже на пороге он резко останавливается, что-то вспомнив. Все это время ему не давала покоя мысль… Немки упомянули одну женщину. Но никто из туристов не заявлял о пропаже людей. Он несколько раз проверил журнал. Одиноких туристов на тропе нет. По крайней мере из тех, кто внес свое имя в список.

— Вы уверены, что она там была одна?

— Да, — отвечает женщина постарше.

— Погодите, — спохватывается дочь. — Мы заметили кое-что еще, до того как обнаружили тело на выступе.

— Точно, — подтверждает мать. — Мы даже удивились.

— Там… был молодой человек. Совсем один. Обхватил голову руками.

Лайф чувствует, как кровь пульсирует в висках.

— Как он выглядел?

Дочь напрягает память.

— Лет под тридцать. Худой. Стрижка почти наголо. Я еще заметила татуировку на шее.

— Что изображено? — сглатывает Лайф.

Девушка молчит. Ее взгляд падает на окно, и вдруг, словно вспомнив что-то, она восклицает:

— Гора.

Лайф помнит, как Эрик набил ее через два года после гибели отца в горах. Спасательная операция тогда не заладилась с самого начала. Отца с Кнутом отправили на поиски двух неопытных туристов, которые должны были вернуться в приют еще два дня назад. Как потом выяснилось, эти нерадивые скалолазы, не поставив в известность Лайфа или Кнута, сошли с тропы раньше времени и благополучно уехали домой, забыв отметиться в журнале. В горах разбушевалась непогода. Отец поскользнулся на осыпи и, не в силах остановиться, по крутому склону слетел вниз. На теле потом насчитали тридцать шесть переломов.

Эрик тяжело переживал потерю отца, не в состоянии справиться с горем и злостью, надолго пропадал из дома. Он проникся ненавистью к горам, туристам, ко всему миру, даже уехал в Бер-

ген, но через несколько месяцев вернулся домой, похудевший, со впавшими глазами и татуировкой на шее в виде горы.

Лайф, как старший брат, считал своим долгом приглядывать за Эриком, помогать ему. Только не знал, как. Поэтому бросил все свои силы на реконструкцию приюта, видя в нем тот спасательный плот, который позволит семье удержаться на плаву.

Теперь он знает, что Эрик где-то там, в горах. И ничего не может поделать с плохим предчувствием.

Лайф прокручивает в голове слова девушки. *Совсем один. Обхватил голову руками.*

Окинув взглядом горы, он задает в пустоту немой вопрос: *Эрик, что ты наделал?*

Глава 33. Джони

От душераздирающего крика, пронзившего тишину леса, волосы на руках у Джони встали дыбом.

Хелена первой кинулась на звук.

— Мэгги!

Джони побежала следом. Ветви деревьев хлестали по лицу. Молодая поросль хватала за голые ноги. Рюкзак подпрыгивал на плечах. Лиз бежала рядом, помогая себе руками.

Нечеловеческий вопль, наполненный ужасом и отчаянием, повторился.

Подруги резко остановились, тяжело дыша. Они увидели перед собой мужскую фигуру, склонившуюся над распростертым телом.

Лес вздрогнул от нового крика.

Джони узнала в нагнувшемся над телом мужчине Вильгельма. Опершись одним коленом о землю, он замахнулся правой рукой, в которой сжимал камень, а потом нанес резкий удар, не обращая внимания на кинувшуюся к нему с криком «нет!» Джони.

Раздался тупой звук удара камнем о плоть.

Воцарилась тишина. Вильгельм отбросил

камень подальше и поднялся на ноги. Джони отшатнулась, почувствовав запах крови.

Теперь, когда Вильгельм отошел в сторону, подруги увидели у его ног крупную тушку зайца с размозженным черепом.

Вильгельм вытер руки о штаны и грустно покачал головой.

— Руна поймала его, но не добила. Насладится запахом крови и бежит за следующей жертвой, чертовка.

Джони уставилась на убитого зайца, чья шубка слиплась от собачьей слюны. На животе зияли раны от зубов.

— Надеюсь, желающие полакомиться им в лесу найдутся.

Вильгельм с легкостью натянул рюкзак, что при его крепком телосложении выглядело вполне естественно.

— Крик… — промолвила Джони.

— Согласен, ужасный. Но уж лучше покончить с его страданиями одним ударом.

Вильгельм свистом подозвал Руну. Через несколько секунд собака подскочила к хозяину, радостно высунув язык.

— Эх ты, глупышка моя, — потрепал он собаку по голове.

Джони постепенно пришла в себя.

— Как вам рыбка? Угодил? Хорошая попалась. Один бы я ее точно не осилил.

Подруги переглянулись.

— Спасибо! Было очень вкусно, — осторожно ответила Лиз. Вильгельм все еще не внушал доверия.

Несколько мгновений он смотрел на девушек.

— Вас же четверо было.

— Да. Мэгги пропала, — сообщила Джони. — Мы шли по лесу. Она была замыкающей.

На лице Вильгельма проступила озабоченность.

— И давно пропала?

Пропала. Слово резало слух. Игры закончились. *Лицо, пропавшее без вести.* Значит, будет привлечена полиция. Начнутся поиски…

— Два часа назад, — ответила Лиз, посмотрев на часы. — У вас есть рация? Наши телефоны не ловят. Нужно вызвать спасателей…

— Рации нет, но подругу найти помогу.

Глава 34. Мэгги

Сжимая булыжник в руке, Мэгги уставилась на Эрика. В любую секунду она могла скинуть рюкзак и рвануть прочь. Но Эрик быстрее и сильнее, догонит в два счета. Да и бежать особо некуда.

— Ты не доверяешь мне, — процедил он, сжав челюсть и наморщив лоб.

Мэгги ощутила, как кровь прихлынула к коже и забурлила в венах.

— Что они тебе про меня наговорили?

Мэгги молчала.

От возбуждения Эрик принялся нервно царапать подбородок. Неожиданно он оглянулся через плечо.

Мэгги застыла и прислушалась.

За его спиной она уловила какое-то движение и затаила дыхание.

Звук шагов стал более отчетливым. Вдалеке раздался женский голос.

— Хелена! Лиз! Джони! — воодушевилась Мэгги.

Глаза Эрика округлились.

Мэгги застыла в ожидании, кровь громко стучала в ушах. Затем в полной тишине ее собственное

имя эхом донеслось до нее.

— Мэгги? Мэгги?

— Я здесь! Я здесь! — закричала она и, спотыкаясь, побежала на звук родных голосов.

Невероятное чувство облегчения захлестнуло ее, когда она увидела бегущую к ней навстречу Хелену. Джони и Лиз с раскрасневшимися лицами не отставали ни на шаг. Рюкзаки подпрыгивали на плечах. Но с ними был еще и четвертый человек. «Вильгельм?» — удивилась Мэгги, однако рассмотреть его не успела, потому что оказалась в теплых объятиях подруг. Рюкзаки, локти, руки соединились в одно целое. Чувство облегчения наполнило ее таким теплым светом, что у Мэгги подкосились ноги.

— Мы уже думали, что не найдем тебя! О боже, ты цела? — спросила Хелена, не выпуская подругу из объятий.

— Мэгги, прости меня! — как заведенная повторяла Лиз. Никто не спешил высвободиться из объятий. — Мы думали, ты идешь сзади. Ничего не подозревали. Прости!

Когда они наконец отпустили друг друга, Мэгги вытерла слезы и посмотрела на Вильгельма. Пес сидел у его ног.

— Это Вильгельм помог нам тебя найти, — со-

общила Джони.

Мэгги сглотнула.

— Благодарю вас. — Потом она повернулась и обвела взглядом серебристые стволы берез и заросли кустарника. Эрика и след простыл, словно его здесь никогда и не было.

— В чем дело? — Хелена заметила ее озадаченный взгляд.

— Эрик… Вы его видели?

Подруги недоуменно переглянулись.

— Он только что был здесь.

Все, включая Вильгельма, повернули головы и начали выглядывать среди деревьев Эрика.

— Когда я заблудилась… бродила… Он вырос как из-под земли, — сказала Мэгги, а потом тихим голосом добавила: — Стоял и смотрел на меня.

— Какого черта? — прошипела Хелена. — Он тебя обидел? Мэгги? Ты в порядке?

Взгляд Мэгги упал на камень, который она по-прежнему сжимала в руке. Разжав пальцы, она швырнула его на землю.

— Все хорошо… Просто странно… Его взгляд… Он назвал меня Карин.

Вильгельм удивленно посмотрел на нее.

— Эрик сказал, что отведет меня к побережью, но, по-моему, повел в противоположном

направлении. Это так? — обратилась она за подтверждением своей догадки к Вильгельму.

Вильгельм медленно повернулся и показал рукой в другую сторону.

— Побережье там.

— Куда же он меня повел? — В животе у Мэгги похолодело.

— Возможно, решил срезать путь, — не без сомнения в голосе предположил Вильгельм.

Озираясь по сторонам, словно все еще опасаясь, что Эрик прячется среди деревьев, Мэгги шепотом обратилась к Вильгельму:

— В приюте мне показалось, что местные относятся к Эрику… настороженно, пожалуй. Может, вы нам расскажете, что с ним не так?

Вильгельм ухватился за козырек кепки, поправил ее и тихо произнес:

— Когда с Карин в горах случилась беда, она была с Эриком. Парень — последний, кто видел ее в живых.

Переваривая информацию, Мэгги часто заморгала.

— А что там произошло?

Вильгельм слегка покачал головой, словно затрудняясь ответить.

— Я так понял, они поссорились. Эрик говорит,

что ушел и оставил Карин одну.

— Вы думаете, это он ее?..

— Наверняка не знает никто. Горы — ненадежные свидетели.

— Давайте-ка выбираться из этих чертовых джунглей, — скомандовала Джони.

Мэгги кивнула. Она истосковалась по небу и свежему воздуху.

— Сколько еще до моря? — спросила Лиз у Вильгельма.

— Лес через километр сойдет на нет, и уже за следующим хребтом увидите море. Только учтите, погода скоро испортится, и у воды будет небезопасно.

Море… От одной мысли о нем на душе Мэгги стало радостнее. Ей не терпелось окунуться в холодную синеву, смыть с себя накопившуюся за два дня грязь. День клонился к закату, и она не испытывала ни малейшего желания останавливаться на ночь в лесу.

— В путь! — решительно сказала она. — Хочу побыстрее выбраться из этих джунглей.

Подруги дружно кивнули.

— Может, утром пересмотрим наши планы? Как насчет того, чтобы завтра отправиться в обратный путь? — осторожно предложила Мэгги.

— Лично меня вполне устроит вариант дойти до пляжа и вернуться. Я сыта по горло этой прогулкой. Мозоли меня просто добьют, — поддержала ее Хелена.

— Мне тоже Блафьель не по плечу, — вставила Джони.

Вопреки ожиданиям, Лиз упираться не стала.

— Похоже, я слишком увлеклась детской мечтой. Зря я вас во все это втянула. А восхождение на Блафьель мы можем пропустить. Простите меня за упрямство. Зато мы проводим время вместе, и это самое главное. Так что устроим привал на пляже, а с утра выдвинемся в обратный путь.

Плечи Мэгги опустились от облегчения.

— Уверены? — переспросил Вильгельм. — Просто я сейчас возвращаюсь к реке и мог бы вас проводить.

— Спасибо вам за все. Надеюсь, дальше справимся самостоятельно, — заверила Лиз.

По его виду было понятно, что их решение он не одобряет, но девушки уже все для себя решили, и уговаривать их не имело смысла. Вильгельм порылся в рюкзаке и, вытащив из него шоколадку, протянул ее Мэгги.

— Вам надо подкрепиться.

— Спасибо!

Вильгельм подозвал собаку, и они быстро исчезли во мраке леса.

Мэгги разломила плитку и поделилась с подругами.

— Божественно! — восхитилась она, чувствуя, как шоколад плавится и растекается во рту.

— Заметный прогресс — после рыбы-то с распоротым брюхом, — съязвила Хелена.

Заметив, что лес поредел, Мэгги успокоилась окончательно. Лучи заходящего солнца проникали через многочисленные просветы между ветвями. Девушка валилась с ног от усталости, но, несмотря ни на что, была безумно счастлива вновь оказаться среди подруг, рядом с которыми чувствовала себя в полной безопасности.

Постепенно земля под ногами стала суше, корни уступили место камням.

Чья-то рука проскользнула под локоть Мэгги. Это была Лиз.

— Прости, что мы тебя так подвели. *Я* подвела.

— Не говори глупости. Ты же мне не нянька. — Мэгги пальцем о палец не ударила, готовясь к поездке. Все хлопоты взяли на себя подруги. Хелена оплатила билеты, купила снаряжение, помогла собрать рюкзак. Лиз спланировала маршрут, составила список необходимых для

похода вещей, мониторила прогноз погоды. Но теперь Мэгги должна полагаться только на себя. Никто не преодолеет за нее километры в этой богом забытой глуши.

Вдалеке в лучах вечернего солнца сияли снежные шапки гор. Она больше не позволит этой красоте усыпить ее бдительность. Мэгги только что убедилась, сколько опасностей может таить в себе завораживающая картинка.

Убедились и остальные.

— С этой минуты глаз друг с друга не спускать! — воскликнула Мэгги.

Лиз послушно кивнула в ответ.

Джони, которая убежала вперед, вдруг замерла, как громом пораженная, и прокричала:

— Девочки! Сюда! Быстрее!

Глава 35. Джони

Четыре подруги стояли, соприкасаясь плечами, на гребне хребта и завороженно смотрели вдаль.

Океан. Мерцающая голубая пустыня до горизонта.

Крутые склоны утеса нависали над раскинувшимся внизу белым пляжем, омываемым водами невероятной чистоты и прозрачности. Разлитая вокруг арктическая голубизна выходила за рамки человеческого восприятия. Ничего подобного Джони в жизни не видела. И застыла на месте в немом изумлении.

— О боже! — Легкий соленый ветерок, как нежный любовник, слегка коснулся ее шеи.

Рядом стоявшая Лиз приставила ладонь козырьком к лицу, прикрывая глаза от солнца, и медленно покачала головой. По другую руку стояла Хелена; запрокинув голову, она засмеялась от нахлынувших чувств.

Пляж простирался до самого Блафьеля, хранителя этого голубого сокровища, облаченного в аскетичное серое одеяние. Красная рыбацкая лодка покинула бухту и растаяла в тени гор, оставив после себя белый шлейф пены.

Ведущая к пляжу тропа причудливо петляла между валунов. Забыв о боли в ногах и тяжелой ноше, Джони поддалась инстинктивному порыву и помчалась вниз по склону. Сзади долетали визги и улюлюканье подруг, устремившихся за ней следом.

Запекшаяся земля уступила место песку, на котором ветер оставил причудливые узоры.

— Надо же, ни одного человеческого следа! — изумился кто-то из подруг.

Девушки как по команде свалили на песок рюкзаки, скинули ботинки и стянули с ног мокрые носки.

Джони быстро сняла шорты, топ и нижнее белье. Разгоряченная кожа глянцево блестела от пота. Сбросив на ходу бандану, не в силах больше сопротивляться зову ветра, соли и воды, она бросилась в голубую прохладу.

Сначала холодом обожгло ноги. Через секунды Джони ушла в ледяную пучину с головой — и тут же, визжа от восторга, вынырнула на поверхность. Она чувствовала себя умирающим от жажды путником в пустыне, которому вдруг протянули стакан ледяной воды.

Девушка стряхнула с себя воду и посмотрела на Хелену — та голышом носилась туда-сюда по

мелководью; на ее плечах краснели отметины от лямок рюкзака. Мэгги, сняв только ботинки и носки, застыла в нерешительности у кромки воды.

— Ну же! Смелей! — подбодрила ее Джони.

— Иди к нам, Мэгз! — позвала подругу Хелена.

После короткого колебания Мэгги махнула рукой, скинула с себя одежду и на цыпочках, повизгивая, зашла в ледяную воду. Ее дородное тело колыхалось, роскошные золотисто-каштановые волосы развевались, как у русалки.

В этом богом забытом месте, раздевшись догола, девушки вдруг встретились с собою настоящими. Слившись воедино с окружавшей их первозданной красотой, они забыли о мозолях на пятках, разодранных в кровь коленях и грязных ногтях.

Джони нырнула еще раз, позволив воде смыть остатки пота и грязи, затем легла на спину, подставив грудь солнцу, и мечтательно уставилась в безоблачное небо. Прикрыв глаза, она смаковала солоноватую свежесть океана, сдобренную ароматами леса и тонкими нотками запаха гор. Каждый вдох дарил обновление телу и душе.

Подплыла Лиз; на ее чистом лице играла озорная улыбка, глаза горели. Все сошлось в этот миг абсолютного счастья: радость невесомости, пьянящая свобода и невероятное чувство единения

друг с другом. Они плескались в воде как дети, вглядываясь в пустой горизонт. Где-то там скрывалась Гренландия.

Джони вдруг поняла, почему Лиз заставила их идти сюда пешком. Если бы сюда вела какая-нибудь дорога и они приехали на машине, удовольствие потеряло бы свою остроту. А сейчас двухдневные страдания были вознаграждены — их души наполнились светом и безудержной радостью.

На Джони снизошло озарение. Она вдруг ясно осознала, что радость и боль идут рука об руку. Не познав одно, нельзя прочувствовать другое. Она же всегда срезала путь, заглушая боль наркотиками, алкоголем и шумным весельем.

Джони взяла подругу за руку; черный лак на ее ногтях потрескался.

— Спасибо, — прошептала она.

Лиз склонила голову, мокрые волосы прилипли к лицу.

Ближе Лиз у Джони никого и не было. Во время всех ее стремительных взлетов и сокрушительных падений подруга всегда находилась рядом. Она не корила Джони за то, что та могла надолго пропасть, уйти в себя и потом появиться через несколько месяцев как ни в чем не бывало. По-

друга детства помогла ей пережить страшные месяцы после смерти бабушки. И, наконец, она сподвигла их всех на это приключение, всю жизнь помня о данном в детстве обещании покорить гору в Норвегии.

— Спасибо, что вытащила нас сюда. И неважно, поднимемся мы на Блафьель или нет. Оно того стоило уже только ради этой красоты.

Лиз кивнула. Ее глаза лучились, на ресницах дрожали радужные капельки воды.

Джони была в эйфории. Прерванный концертный тур, угроза судебного разбирательства, глупые ошибки… Пустая суета. Наверное, стоит попробовать все это отпустить. На какой-то миг в сердце мелькнула надежда, с плеч будто упал тяжкий груз. Потянуло взять в руки гитару и писать стихи к новым песням. Потянуло к другой жизни.

Джони решила нырнуть напоследок и в этот раз коснулась животом дна, почувствовав, как песчинки царапнули кожу. Вдоволь насладившись чувством невесомости и свободы, она выплыла на поверхность.

На небе появилось первое облако, и на пляж легла тень.

Глава 36. Хелена

Хелена перевернулась на спину и, блаженно раскинув руки, отдалась на волю ледяной воды, которая сразу успокоила боль.

Вода заполнила уши и, издавая странные звуки, делилась с ней своими секретами. Грудь обмякла и набухла, и, покачиваясь на волнах без одежды, Хелена чувствовала себя на седьмом небе. Она пыталась представить себя беременной. Беременной по-настоящему. С большим животом и огромной грудью, которая уже не помещается в нижнее белье. И поняла, что не чувствует ничего, кроме смятения.

Она вновь окунулась в пучину болезненных воспоминаний о маме. Горе, оно такое — незваным гостем застает тебя врасплох. Мама всегда любила плавать. Каждое лето они отправлялись на север Девоншира и снимали на неделю квартирку на побережье, где по утрам мама плавала в любую погоду. Она переворачивалась на спину, подставив лицо с накрашенными губами солнцу, и подолгу, умиротворенная и расслабленная, качалась на волнах.

Здесь я и развею твой прах. На рассвете, в твое

любимое время суток, неожиданно для себя решила Хелена. Похвалив себя за гениальное решение, она перевернулась на живот и поплыла к берегу.

Тело покрылось гусиной кожей, а соски затвердели. Солнце пропало за облаком, и Хелена задрожала. За неимением полотенца она вытерлась флисовой курткой и натянула единственный свежий топ.

Лиз и Мэгги уже оделись и, обхватив себя руками, переминались с ноги на ногу, чтобы согреться.

Джони последней вышла из воды. Хелену поразило просветленное выражение ее лица. Наклонив голову, подруга скрутила волосы жгутом и быстро отжала их. Вытатуированных птах на ее запястье Хелена уже видела, а вот татуировка на бедре была новой. Когда-то Хелена знала все о ее татуировках и их значении, но те времена остались в далеком прошлом. Их дружба претерпела изменения не в лучшую сторону. Джони всегда отличалась талантом стремительно возносить людей на пьедестал, а потом так же быстро свергать их оттуда.

— Смотрите! — с беспокойством в голосе произнесла Мэгги и показала в сторону горизонта,

откуда надвигалась грозная вереница туч.

— Надо разбить лагерь, — сказала Лиз.

Солнце неуклонно уходило за горизонт. День угасал, вокруг скопились тени. Поднимался ветер. Гребни волн заострились и побелели. Воздух наполнился влагой и ароматами земли.

Забив каблуком ботинка последний колышек, Хелена отошла в сторону и оценила конструкцию. Необъяснимая тревога уже пустила корни в груди.

— Вы уверены, что место для палаток подходящее? Уж как-то очень близко к горе.

Они разбили лагерь у самого конца тропы, в том месте, где склон переходил в пляж. Мэгги боялась сделать лишний шаг и поэтому уговорила всех поставить палатки ровно в том месте, откуда они наутро двинутся в обратный путь.

Хелена подняла глаза на крутой склон.

— Над головами ничего не нависает, — пожала плечами Джони.

— Не в песок же вбивать колышки, — заметила Лиз.

Первые крупные капли дождя упали на ладонь и щеку Хелены.

— Лучше спрятаться. — Лиз и Джони нырнули в палатку.

Мэгги стряхнула песок с рюкзака и с усилием затолкала его в палатку. Гримаса боли исказила ее лицо, когда она вползла следом внутрь.

— Все хорошо? — спросила Хелена, застегивая молнию на входе.

— Да спина опять!..

От порыва ветра тент вогнулся внутрь.

Чтобы создать хоть какой-то уют, девушки надули матрасы, развернули спальные мешки и подложили под головы в качестве подушек свернутую одежду. Они решили, что обойдутся без приготовленной на горелке еды, поэтому вытащили из рюкзаков питательные батончики, которыми и утолили голод. Лежа в спальнике и наслаждаясь злаковым вкусом лакомства, Хелена прислушивалась к звукам разбушевавшегося дождя.

Снаружи просачивался свет. Холодок беспокойства, которое она всегда испытывала с приходом ночи, заставил Хелену достать телефон и проверить сообщения. Сигнал не появился.

— Есть что-нибудь? — с надеждой в голосе спросила Мэгги.

Хелена помотала головой и закинула телефон обратно в рюкзак.

Девушки прислушались к усиливающемуся

шуму ветра.

— Как ты думаешь, что Эрик делал в лесу? — спросила Хелена.

— Трудно сказать. Похоже, он не удивился, увидев меня.

— Получается, следил?

— Кто его знает? Вполне возможно. Он как из-под земли вырос. Стоит, вытаращив на меня глаза. Назвал меня Карин. А потом… когда появились вы, словно в воздухе растворился.

Мэгги бросила взгляд на вход палатки.

— А вдруг он все еще там?

Хелена сжала руку подруги в своей и в тот момент, когда в ткань ударил очередной порыв ветра, сказала:

— Успокойся. Нам ничего не угрожает.

Поиски

Лайф бежит по тропе навстречу ледяному ветру. Его движения стремительны и выверенны. Он тщательно выбирает опору для ног. Пружинистый травяной ковер остался позади, и сейчас под ногами только камни, разлетающиеся при каждом шаге в разные стороны.

По мере накопления в мышцах молочной кислоты боль в икрах усиливается. Лайф дышит

ровно, вдыхая и выдыхая через нос.

Жажда уже дает о себе знать, однако раньше следующей вершины остановок не будет.

Он понимает, что бежит, скорее всего, к трупу, но если есть хоть малейший шанс, что женщина выжила, нельзя терять ни секунды. Лайф знает альпиниста, который упал с пятидесятиметровой высоты и благодаря ковру из хвои отделался переломом лодыжки. А еще знает человека, который упал с низкой стремянки и сломал позвоночник.

Впереди высится Блафьель. Лайф думает об отце. Сколько раз эти горы проверяли его на прочность и бесстрашие! На счету отца была куча спасенных жизней. Но помочь удавалось не всем. В какую сторону изменится его собственный послужной список к концу дня?

Дыхание учащается. Лайф бросает взгляд на часы. Главное, не допускать, чтобы пульс поднимался выше 150. Тогда бежать можно бесконечно долго.

Он всегда находился в прекрасной физической форме. По-другому и быть не может, когда за порогом твоего дома сплошные горы и лес. Детьми они все свободное время проводили на природе. В компанию входили Эрик, Остин, Карин и еще пара соседских ребятишек. Они даже

придумали собственную игру и назвали ее «Кто первый?». Правила незамысловатые. Один закрывает глаза и наугад тычет пальцем в карту с туристическими тропами. Надо первым добраться до выбранной точки.

Решающее значение имела отнюдь не скорость, а умение чувствовать горы, предугадывать погоду, ориентироваться на местности и правильно рассчитывать собственные силы. Лайф, может, и был самым сильным в физическом плане, но он явно проигрывал Эрику в способности рисковать. Не боясь сорваться, брат ловко перепрыгивал с выступа на выступ.

Остин редко добирался до точки первым — не хватало выносливости. Радость ему доставляла уже одна возможность на время убежать из дома. Он часто появлялся с синяком под глазом или разбитой губой, и никто из друзей лишних вопросов не задавал. Они и так все знали. А Лайфу нравилось соперничать с быстрой, ловкой и стойкой Карин. Горы покоряются упорным. Именно это качество имеет решающее значение.

Лайф бежит и мысленно представляет, что снова участвует в игре «Кто первый?». Ему просто нужно добежать до заветной точки на карте. Он старательно отгоняет мысли об обнаруженном в

горах теле. Пытается выкинуть из головы описание человека, в котором он узнал брата, и слова немки: *Обхватил голову руками*.

Но страх все равно не отпускает.

Лайф перепрыгивает валун, почти не ощущая веса рюкзака на плечах. Слава небесам — наградили его послушным сильным телом. Кому-то повезло меньше.

Где-то далеко в горах в глубокой расщелине лежит тело женщины, которая еще несколько часов назад была жива.

Горы славятся своей жестокостью. Они глухи к мольбам. Им все равно, что кто-то покалечился или истекает кровью. Их не трогают ни слезы, ни смех.

Поэтому людей так тянет в горы. Каменные исполины никогда не осудят, и в их компании ты волен быть кем угодно.

Глава 37. Лиз

Ее разбудил вой ветра. Что-то влажное и холодное прильнуло к щеке. Не до конца проснувшись, Лиз вытянула руку и ладонью уперлась в нависший низко над головой мокрый тент. Палатка накренилась к земле.

Лихорадочно пытаясь отыскать в темноте фонарик, Лиз слышала, как снаружи ревел ветер и бесновались в океане волны, разбиваясь о берег.

Наконец, включив фонарик, она увидела Джони, которая сидела с крепко зажмуренными глазами, прижав к подбородку колени, и всем телом раскачиваясь.

— Джони, ты в порядке? Непогода скоро за…

Новый яростный порыв ветра хлестнул по палатке, плотно прижав ткань тента к их лицам. Лиз подняла руки над головой, чтобы не задохнуться. Вспышка молнии пронзила небо, осветив все внутри.

Джони зажала голову между коленями.

Лиз начала отсчитывать про себя секунды до удара.

Горы задрожали от раскатов грома. Судя по всему, гроза была совсем рядом.

Внезапно полог распахнулся и со страшной силой захлопал по палатке. Направленный в лицо луч света ослепил, и Лиз прикрыла глаза ладонью. Вода ручьями стекала с лиц Мэгги и Хелены, просунувших головы внутрь.

— Нашу палатку сносит ветер! — попыталась перекричать шум стихии Мэгги.

— Все промокло, внутри вода, — добавила Хелена.

— Залезайте быстрее внутрь! — скомандовала Лиз и подвинулась, чтобы дать подругам место.

Они вползли внутрь и застегнули молнию. В палатке было не пошевелиться. Низкий свод давил на макушки. В воздухе разнесся запах мокрых шерстяных носков и немытых тел. Все было в песке.

Новая вспышка молнии.

Лиз начала считать. Ровно через восемь секунд небеса разверзлись, и сокрушительный удар грома заставил содрогнуться горы.

Джони вскрикнула.

— Откуда вообще взялась эта чертова гроза? — проорала Хелена. — В прогнозе ведь не было!

Лиз ощутила покалывание на коже, когда вспомнила, как не придала особого значения символу молнии, который на экране смартфона

выглядел вполне безобидно. Подумаешь, маленькая ломаная линия! А еще в памяти всплыли слова фермерши. *Давление падает. Значит, завтра будет гроза. Непогоду лучше переждать.*

Но Лиз проигнорировала совет и друзьям ничего не сказала.

Ее щеки залились краской.

— Вильгельм предупреждал, что погода поменяется. Все слышали его слова. Прогноз погоды тоже был не ахти. Я говорила. Но я понятия не имела, что все будет настолько плохо. Надеялась, что гроза обойдет нас стороной…

— Гроза?! — переспросила Хелена. — То есть ты о ней знала?!

— Мы уже выдвинулись в путь, когда…

— Стоп! Что ты имеешь в виду, говоря «выдвинулись в путь»?

Лиз судорожно сглотнула и призналась во всем:

— Помните, мы утром встретили фермершу? Так вот, она предупредила, что погода может резко поменяться.

В свете фонарика Лиз увидела, как вытянулось от удивления лицо Мэгги.

— И ты нам ничего не сказала?

— Я просто не хотела вас пугать. Все уже были

настроены на…

— Что конкретно сказала та женщина? — перебила Хелена.

Лиз отвела глаза.

– *Непогоду лучше переждать.* Но погода была прекрасная — ни ветерка, ни облачка. Лучше для похода не придумать. Я…

— Боже, Лиз! — оборвала ее на полуслове Хелена. — Ты все решила за нас! Даже не посоветовавшись с нами!

— Что же вы сами не проверили прогноз погоды? Нашли крайнюю!

Девушки заморгали. Такого выпада от Лиз никто не ожидал.

Как и сама Лиз от себя. Ее бесконечному терпению тоже пришел конец. Ей надоело вечно опекать всех и быть за все в ответе.

— Слушайте, я понимаю, что дала маху. И мне искренне жаль. Знай я, что стихия так разгуляется, я бы настояла на…

Обрушившийся с горы порыв ветра не дал закончить фразу.

Нужно было действовать.

— В палатке оставаться нельзя! — прокричала она.

— Ты предлагаешь выйти наружу? — Мэгги

вытаращила на нее глаза.

— Дуги у палатки сделаны из металла. А металл — проводник электричества. — Лиз до сих пор с содроганием вспоминала пострадавшего от удара молнии пациента, с которым ей пришлось иметь дело в первый год работы в больнице. Удар молнии был настолько сильным, что подошвы обуви оторвало напрочь, а пятки прожгло до костей. Все тело несчастного было покрыто ожогами и рваными ранами. — Надо надеть водонепроницаемую одежду и ботинки. У них резиновая подошва.

Молния озарила палатку, и девушки испуганно вскинули глаза. Оглушительный гром последовал почти сразу. Гроза была совсем рядом.

— Бегом! — крикнула Лиз.

Мэгги и Хелена быстро выползли из палатки, а дрожащая всем телом Джони еще сильнее вжалась в ее угол. Лиз положила руку на ее плечо.

— Нужно идти.

Джони не шелохнулась.

— Все будет хорошо, обещаю. — Лиз помогла подруге подняться.

Они выбрались наружу и в слабом свете фонариков, от которых под хлесткими струями дождя толку было мало, быстро надели непромокайки,

затянули потуже капюшоны и сунули ноги в ботинки.

Лиз помогала Джони одеться, когда Хелена заорала:

— Оттяжки не держат!

Лиз направила фонарик на вторую палатку, которую уже перекосило от ветра. Колышки были вбиты слишком близко, и натяжение веревок ослабло. Лиз упала коленями на превратившуюся в месиво землю и, ухватившись обеими руками за ближайший колышек и щурясь от проливного дождя, попыталась вытащить его из земли. Внезапно полог надуло парусом, и веревка выскользнула из рук. Ветер подхватил ее и начал хлестать ею во все стороны.

— Лови! — крикнула Лиз, когда веревка ударила по земле рядом с Хеленой.

Хелена схватила конец веревки, и Лиз, удерживая край палатки, зафиксировала колышек. Земля размокла настолько, что у колышков не было ни малейшего шанса долго удержаться на месте.

Лиз огляделась по сторонам. Думай! Она знала, что в грозу следует держаться подальше от гор, поскольку молния всегда бьет в самую высокую точку. Но и открытые пространства небезопасны.

Многих людей убила не сама молния, а разряд от земли к небу. Он-то и поражает находящихся рядом с местом удара людей.

— Мне кажется, в дальнем конце залива, рядом с Блафьелем, должна быть пещера. — Купаясь в море днем, Лиз заприметила какое-то углубление в скале. — Попробуем укрыться там.

Она повела подруг через дюны. Дождь — в свете фонариков сплошная белая стена — хлестал со всех сторон. Тонкие ручейки объединялись и потоками скатывались с гор. Ботинки вязли в мокром песке, прижатая ветром к телу одежда сковывала движения.

Молния разорвала небо в клочья, и сразу раздался гром. На какой-то миг стало светло как днем. Мэгги испуганно подняла глаза. Хелена, часто моргая, приросла к земле. Джони, будто сраженная выстрелом, с воплем упала на колени, обхватив руками голову.

— Все хорошо! — прокричала Лиз и схватила Джони за плечи. Чувство вины съедало ее изнутри. — Нам туда! — Она помогла Джони встать и махнула рукой в сторону дальнего конца пляжа, выглядывая в слабом свете фонаря вход в пещеру.

Свирепый ветер бушевал над океаном, срезая

с черных волн гребни, которые белой пеной устремлялись ввысь.

— Вижу пещеру! — закричала Лиз, заметив отверстие в скале. — Мы спасены!

Глава 38. Мэгги

Ветер сорвал с Мэгги капюшон. Щурясь от ливня, она смотрела на черный арочный вход в пещеру, который, поблескивая в темноте, напоминал портал какого-то собора.

— Сюда! Быстрее! — скомандовала Лиз.

Мэгги уже пожалела, что оставила свой фонарик в палатке. Сейчас этот яркий лучик в руках мог бы стать для нее лучиком надежды, помог бы унять бешеное сердцебиение.

Лиз шла впереди, держа за руку Джони. Мэгги ни на шаг не отставала от Хелены. Мокрый песок серебром растекался под ногами.

Темнота внутри оказалась настолько густой, что Мэгги боялась задохнуться. В застоявшемся сыром воздухе улавливался легкий запах аммиака. Сквозь трещины в камнях сочилась вода. Луч налобного фонарика Лиз выхватывал из темноты голые мокрые стены пещеры.

Мэгги в нерешительности повернулась и застыла, глядя на стену дождя.

— Мэгги! — окликнула Хелена, направив свой луч на подругу. — Пошевеливайся!

Мэгги не шелохнулась.

Тогда Хелена подошла к ней.

— Отойди от входа! Там небезопасно!

Внезапно снаружи раздался оглушительный грохот. Земля под ногами содрогнулась. Как ни странно, вспышки молнии не последовало.

— Ты слышала? — спросила Мэгги, часто дыша.

Хелена удивленно посмотрела в сторону пляжа.

— Да.

— Что это было?

Хелена покачала головой.

— Может, удар молнии?

— Вспышки не было.

Помолчав несколько мгновений, Хелена сказала:

— Пошли!

Не отставая от Лиз и Джони, подруги углубились в пещеру. Боясь наткнуться на что-нибудь в темноте, Мэгги вытянула перед собой руки. На ощупь камни напоминали пемзу. Узкая пещера вела в другую, размером с небольшую комнату.

— Смотрите! Ловушки для омаров! — воскликнула Лиз. Ее фонарик осветил дюжину ловушек, составленных рядами в углу пещеры.

Наткнувшись на этот привет от цивилизации,

Мэгги испытала легкое чувство облегчения. От ловушек исходил густой запах моря и соли.

— Здесь и переждем грозу, — решила Лиз.

Джони присела на одну из ловушек и подтянула колени к груди.

Мэгги от беспокойства не находила себе места и расхаживала взад-вперед по пещере, освещая фонариком испещренные трещинами стены. Особенно внимательно она изучила своды пещеры, чтобы убедиться в отсутствии летучих мышей. Одна мысль о том, что они могут запутаться своими липкими крыльями в ее волосах, заставила ее поглубже надвинуть капюшон.

Прошло несколько минут. Бушевавшая снаружи стихия гулким эхом проникала в недра убежища. Водя пальцами по камням, Мэгги заметила какой-то серебристый блеск и склонила голову над необычной находкой.

— В чем дело? — спросила Хелена.

— Тут что-то есть… — Мэгги просунула пальцы в щель и вытянула тонкую серебряную цепочку. Частично опутанная паутиной, она деликатно поблескивала в свете фонарика. — Смотрите, браслет.

Его звенья перемежались бусинами в виде букв.

— И на нем есть имя… — Сощурив глаза, Мэгги начала поочередно вращать бусины. Прочитав их все, она почувствовала, как покрывается ледяным потом. — К-А-Р-И-Н, — произнесла она и шепотом добавила: — Это… пропавшая девушка…

— Девушек с таким именем на свете много, — заметила Хелена.

— Вильгельм говорил, что в последний раз ее видели именно на этой тропе. — Мэгги покачала головой. — Взгляните на браслет. Он весь в паутине, значит, лежит здесь не первый день.

Она протянула браслет Лиз, которая направила на него фонарик и стала внимательно изучать находку.

— Что думаешь? — спросила Мэгги.

— Твоя теория имеет право на существование. Браслет на взрослую руку. Имя соответствует.

— Но что он делает в пещере?

— Возможно, девушка, как и мы, пряталась здесь от непогоды, — высказала предположение Хелена.

Мэгги подняла голову, и луч фонарика прочертил дугу. Вглядываясь в пустоту пещеры, Мэгги представила, что, возможно, на этом же месте когда-то сидела Карин и точно так же ждала,

когда закончится гроза.

Глава 39. Джони

Вонзив ногти в икры ног, Джони в ужасе приготовилась к следующей вспышке.

Подруги по очереди с любопытством разглядывали браслет, а Джони сидела в стороне. Ее мозг от страха онемел, лишив возможности соображать. Она бросила через плечо взгляд на узкий вход в пещеру. Новая вспышка молнии пронзила небо, затем последовала целая череда вспышек. Сердце бешено колотилось, кровь громко стучала в ушах.

— Ты как? — спросила Лиз.

Ей очень хотелось ответить подруге, что все в порядке, однако слова застревали в горле.

После очередной молнии раскаты грома сотрясли землю.

Джони начала задыхаться.

Лиз успокаивала, обещала, что гроза скоро закончится, но ее голос доносился откуда-то издалека, словно с другого конца тоннеля. Паника захлестнула Джони удушающей волной, лица растворились, и поток воспоминаний вернул ее в тот день, когда она испытала ужас во время грозы впервые в жизни.

Ей было шесть. Отец взял ее тогда с собой на съемки. Арендованный дом наводнили модели, стилисты, визажисты, которыми отец бесцеремонно помыкал. Девочке велели не путаться под ногами и сидеть тихо. Один из помощников принес ей в комнату пиццу, и, несмотря на громкую музыку и разговоры, она быстро уснула. А проснулась через несколько часов от доносившегося снаружи грохота. В кромешной тьме. Джони застыла в ужасе. Нащупав в темноте выключатель лампы, щелкнула по нему. Света не было. Пугающая вспышка молнии выхватила из мрака лес за окном. Она с криком выбежала на лестничную площадку и позвала отца.

Но он не пришел.

Никто не пришел.

Джони была тогда маленьким ребенком и не знала ничего об отключениях электричества. Не знала, что отец сидит в баре по соседству, где быстро подключили генератор.

Когда отец с друзьями через несколько часов вернулся в дом, он обнаружил ее спящей в мокрой пижаме на коврике перед дверью.

С утра страдающий от жуткого похмелья отец был настолько поглощен съемками, что даже не поинтересовался, как она себя чувствует. Не

извинился, что оставил ее одну. Джони особо и не обольщалась. Она понимала: ее страхи, чувства и само ее существование всегда были для него помехой. Она замкнулась в себе, стала невидимкой.

А еще через несколько недель отец уехал на съемки во Францию и по обыкновению бросил ее на бабушку. Вот только в этот раз за дочерью он не вернулся.

Джони быстро поднаторела в искусстве оставаться невидимкой.

Следующая вспышка… Ужас ледяной рукой вцепился ей в горло. Она зажмурила глаза, вонзила пальцы в кожу, стиснула зубы. Не в состоянии набрать воздух, дышала прерывисто и часто.

Вдруг среди воя ветра и звуков дождя возник голос.

Присевшая рядом Мэгги запела.

Не открывая глаз, Джони прислушалась. Хит группы «Ред Хот Чили Пепперс» под названием «Под мостом». В детстве, взявшись за руки, они часто горланили эту песню по пути в школу. Девушка сосредоточилась на мелодии, надеясь, что страх ослабит свою цепкую хватку.

К первому голосу присоединился второй — громкий, бодрый, не попадающий в ноты, зато

сильный. Ну конечно, Хелена.

Новый раскат грома…

Снаружи свирепствовали молнии, вонзая свои копья в землю, как в шоу фейерверков, а Мэгги и Хелена, примостившись на ловушках для омаров, продолжали петь как ни в чем не бывало. Вот уже и Лиз присоединилась к ним. И никакая стихия — ни дождь, ни ветер, ни волны — не могла заглушить разносящиеся голоса.

Джони вскинула голову, открыла рот и тоже запела. Сначала неуверенно и тихо, потом все громче и громче.

Сидя на ловушках в сырой, затерявшейся среди холодных неприступных скал пещере, со свода которой капала вода, подруги во весь голос пели свою любимую песню.

Глава 40. Мэгги

В одной руке Мэгги сжимала маленькую, холодную руку Джони, во второй сжимала пальцы Хелены. Они были вместе. Значит, им ничего не угрожало.

Допев песню, Мэгги незаметно глянула вбок. Напряженное лицо Джони расслабилось, брови вернулись на обычное место, губы слегка приоткрылись. Она по очереди посмотрела на подруг — и не сказала ничего. Ее взор затуманили слезы.

Лиз поднялась.

— Пойду проверю, как там погодка.

В пещере они провели уже довольно много времени, и Мэгги не терпелось побыстрее вернуться в палатку и лечь спать.

Несколько мгновений спустя раздался голос стоящей у входа в пещеру Лиз:

— Гроза уходит!

— Слава богу! — выдохнула Мэгги. — Можем возвращаться.

— Даже не знаю, что хуже — сырая пещера или сырая палатка, — заметила Хелена.

Мэгги встала и почувствовала, как сильно за-

текли от долгого сидения ноги.

Каблук ботинка зацепился за край ловушки, и Мэгги, потянув за собой сеть, чуть не опрокинула все корзины. На пол с грохотом упала якорная бочка.

— Не поранилась? — спросила Хелена, которая помогла ей устоять на ногах.

— Жива. — Мэгги отряхнула колени.

Она все еще сжимала в руке браслет Карин. Потом, недолго думая, сунула его в карман.

Хелена помогала ставить ловушки на место — и резко застыла.

— Странно…

— В чем дело? — насторожилась Лиз.

— Что-то выпало из ловушки.

— Это обычная якорная…

— Нет, там что-то внутри. — Хелена посветила фонариком на оранжевую якорную бочку. При ее падении в корпусе образовалась щель, из которой выпал коричневый сверток. Девушка нагнулась, чтобы поднять его, и увидела высыпавшийся из прорези белый порошок.

— Твою мать! — воскликнула Джони.

Едва дыша, Мэгги спросила:

— Это?..

Подруги молчали, глядя на мерцающие в свете

фонарика белые кристаллы.

Мэгги слышала, как в ушах стучит кровь.

Джони наклонилась, макнула палец в порошок, поднесла его к свету и попробовала вещество на язык.

— Не смей! — прокричала Мэгги как раз в тот момент, когда Джони втирала порошок в десну.

— Ты же не знаешь, что это за дрянь, — попыталась образумить ее Лиз.

Джони помолчала и, многозначительно посмотрев на подруг, ответила:

— Знаю.

— Кокаин? — прошептала Мэгги.

Джони кивнула.

— Что в этой пещере делает пакет кокаина? — с тревогой в голосе спросила Хелена.

Джони оглядела со всех сторон сверток и заглянула внутрь якорной бочки.

— Его специально туда спрятали.

— Мы на краю света! С какой стати кому-то оставлять здесь кокаин?

— Обычный тайник, — ответила Джони и принялась осматривать остальные ловушки, к каждой из которых была прикреплена оранжевая якорная бочка.

— Что ты делаешь? — поморщилась Мэгги.

— Должны быть еще свертки.

Джони ощупала руками ближайшую к ней бочку и, обнаружив место стыка, повернула ее половинки относительно друг друга. Внутри лежал такой же пакет.

Джони присвистнула. Одним килограммом тут дело, похоже, не ограничилось.

Мэгги понятия не имела, сколько стоит килограмм кокаина, зато прекрасно понимала, что с такими объемами не шутят.

Хелена выпрямилась как струна.

— Кто бы ни оставил здесь эту дрянь, он наверняка не обрадуется непрошеным гостям, которые разворошили его тайник.

Джони тем временем уже трясла у уха следующую бочку.

— Здесь тоже есть.

— Прекрати! Пожалуйста! — потребовала Мэгги.

Джони развернулась и, уперев руки в бока, окинула взглядом пещеру.

— Здесь полтора десятка ловушек с бочками. Если в каждой лежит пакет, получается около двенадцати килограммов кокаина.

— И сколько это в деньгах? — спросила Хелена.

— С ценами в Норвегии я, конечно, не знакома,

но дома… думаю, что-то около… — Джони сделала паузу, подсчитывая в уме, — одного миллиона. Даже больше.

Хелена присвистнула.

— Побольше, чем прибыль от добычи омаров!

— Помните, мы вчера видели уплывающую из бухты красную лодку? Наверное, это они оставили кокаин.

Еще вчера образ покидающей залив лодки показался Мэгги упоительно романтичным. Сегодня, источая флер опасности, он заиграл новыми красками.

— Думаешь, нас заметили?

Лиз помотала головой.

— Вряд ли. Мы были далеко. На склоне трудно что-то разглядеть.

Джони авторитетно заметила:

— Если лодка привезла кокаин, значит, это тайник. И кто-то за товаром обязательно придет.

— Другая лодка? — спросила Хелена.

— Возможно. Или кто-то на своих двоих. Двенадцать килограммов унести не проблема.

Холодок прошел по коже Мэгги. Они вполне могли столкнуться с человеком, который отправился за товаром. Вспомнилась странная встреча с Эриком…

Она сжимала пальцами браслет, который по-прежнему лежал в ее кармане.

— Интересно, браслет имеет ко всему этому какое-то отношение?

Лиз пожала плечами.

— Кто знает? В любом случае, надо сматывать удочки. Складывать палатки и уходить.

— Согласна, — кивнула Хелена, ставя на место ловушки.

— А что делать с прохудившимся свертком? — спросила Мэгги.

Девушки дружно посмотрели на рассыпанный по мокрому полу порошок.

— Давайте оставим ловушку лежать на боку, как есть. Глядишь, подумают, что какое-то дикое животное случайно забрело.

— Ты здесь видела каких-то животных? — усмехнулась Хелена.

— А какие еще есть варианты? Мешок порван, поэтому трогать нельзя. Иначе станет понятно, что кто-то пытался замести следы.

— Наши следы и так уже по всему пляжу. По ним поймут, в какую сторону мы ушли, — проронила Лиз. — Нужно уходить. И быстро.

Мэгги напоследок бросила взгляд на ловушки. Затем направилась вслед за осветившим туннель

лучом к выходу, в кармане перебирая пальцами бусины в форме букв. К-А-Р-И-Н.

Глава 41. Хелена

Мокрый песок налипал на подошвы ботинок. Прильнувшая к земле трава острыми верхушками цеплялась за штаны-непромокайки. Потоки воды заливали пляж, растекаясь серебром в свете фонариков. Сквозь шум дождя Хелена слышала, как с гор обрушивались новорожденные водопады.

Подруг нагнала запыхавшаяся Мэгги. С ее мокрых волос капала вода.

— Угораздило же нас найти этот кокаин! У меня плохое предчувствие.

— Мне тоже это все не нравится, — согласилась Хелена. — Мечтали спрятаться от цивилизации, а тут такое. Развею прах мамы в другом месте.

— Жаль. Казалось, места для этого лучше не найти.

Идущая впереди Лиз вдруг встала как вкопанная, лихорадочно водя фонариком вокруг себя.

— Где палатки?!

Хелена уставилась на нижний склон горы. Палаток нигде не было. Она обвела фонариком гору, пляж, кромку воды…

Палатки как сквозь землю провалились.

Девушка прищурилась, недоуменно вглядываясь в рассекаемую лучом темноту. Неужели они сбились с пути и пришли в другое место?

— Они же здесь стояли… — В голосе Мэгги появились нотки паники.

— О боже! Смотрите! — крикнула замыкающая шеренгу Джони.

Подруги застыли в немом изумлении. Фонарик Джони выхватил тропу, по которой они пришли сюда несколько часов назад. На нижнем склоне горы образовалось скопление грязи, земли и валунов.

— Оползень, — прошептал кто-то из подруг.

Направив на склон луч, Хелена не поверила своим глазам. На месте палаток выросла гора из камней и грязи. Часть горного склона просто сползла вниз.

— Нет…

— Наши палатки…

Глубоко потрясенные увиденным, девушки кричали наперебой и лихорадочно размахивали фонариками, надеясь, что ошиблись. Однако каждое новое движение луча лишь еще больше обнажало истинные масштабы катастрофы.

Огромный участок горного склона просто съехал, увлекая за собой валуны, деревья и кусты. И

вся эта лавина заблокировала выход на пляж.

— Помните, как затряслась земля, пока мы были в пещере… Вот и причина. Оползень, — почти беззвучно произнесла Мэгги.

— В голове не укладывается… — пробормотала Лиз. — Ливень привел в движение камни и землю.

Подруги вперили взгляды в груду камней и земли, и Хелена почувствовала, как по коже пробежал холодок.

— Если бы мы не укрылись в пещере, нас просто бы…

— Убило, — закончила фразу Мэгги.

Девушки застыли в немом ужасе.

Хелена представила, как смертоносный поток с грохотом приходит в движение и обрушивается вниз. Они кидаются к выходу из палатки, но тонны породы стремительно их накрывают…

Чувство облегчения от того, что они были на волоске от смерти и чудом спаслись, продлилось недолго.

— Наши вещи… все осталось внутри, — прошептала Лиз.

Ситуация была хуже некуда. Остаться без палаток, без спальников, без горелок, без еды и воды… Волна паники накрыла не оправившихся

от первого шока подруг.

Вспомнив про прах мамы, Хелена, как ужаленная, кинулась к куче грязи.

— Стой! — крикнула ей вслед Мэгги.

Но Хелена, спотыкаясь и увязая в грязи, как одержимая начала карабкаться вверх. Она должна отыскать палатку и забрать урну с прахом. Она не может оставить ее здесь, под толщей грязи и камней.

— Хелена, нет! Это опасно! — попыталась образумить подругу Лиз.

Хелена, хватаясь за валун, упорно лезла вверх. Ее ноги увязли уже по колено. Она пыталась оттолкнуться, но липкая грязь засосала ботинки и не отпускала. Ценой неимоверных усилий ей удалось вытащить левую ногу. Она сделала еще один шаг и тут же увязла уже по бедра.

— Хелена! — хором кричали подруги.

Она начала яростно рыть землю, натыкаясь пальцами на твердые обломки камней, размазывая по лицу слезы и грязь.

Несколько пар рук схватили ее за плечи и потянули обратно. Вырваться не удалось.

— Все будет хорошо, — повторяла Мэгги.

Но Хелена знала, что это неправда.

Хорошему не бывать.

Она потеряла прах мамы.

Глава 42. Лиз

Отойдя подальше от кучи земли и камней, Хелена рухнула на песок. Повесила голову, сгорбилась, и ее рыдания не мог заглушить даже дождь.

Мэгги присела рядом и, гладя ее по спине, тихим голосом сказала:

— Мне очень жаль.

Лиз опустилась на песок с другой стороны.

— Мы выберемся отсюда, чего бы это ни стоило.

Сраженная горем Хелена молчала.

Лиз еще никогда не ощущала себя настолько беспомощной. Они ничем не могли помочь Хелене. Прах был утерян безвозвратно. Однако Лиз также понимала, что сейчас это не самая большая их проблема. Выпрямившись, она медленно обвела фонариком каждый уголок пляжа.

— В чем дело? — с тревогой спросила Джони.

— Там была тропа. А сейчас ее нет.

Глаза Джони округлились.

— Путь обратно отрезан?

Лиз уставилась на съехавшую на берег гигантскую массу горной породы. Взбираться по ней смерти подобно.

— Какой-то выход отсюда ведь должен быть? — подала голос Мэгги.

— Он есть, — ответила Лиз и посмотрела в сторону противоположного конца пляжа, откуда на них высокомерно взирал каменный исполин.

— Блафьель, — прошептала Джони. — Но… гора нам не по зубам. Ты же сама говорила.

— У нас нет выбора. Другой тропы просто нет.

— Гора огромная, а мы лишились запасов воды, еды, всего, — произнесла Джони.

— Там полно ручьев и водопадов. С водой как раз все решаемо.

— А где мы возьмем еду?

— Поголодаем немного. Ничего страшного. — Лиз слышала биение собственного сердца, но ничем свое волнение не выдала. На нее смотрели подруги. — На нас непромокаемая одежда, туристические ботинки. Если соблюдать осторожность, все получится. — И тут она вспомнила. — Карта! Я оставила ее в палатке.

— У меня с собой телефон, — успокоила ее Джони. — Я сфотографировала карту.

— Открывай, — скомандовала Лиз, прислонившись плечом к подруге.

Дождь почти закончился, и морось окропила экран, по которому Джони двигала пальцем в

поисках нужной фотографии.

Внезапно всплыла надпись «Заряд батареи 20 %».

Лиз почувствовала, как все внутри сжалось.

Джони смахнула уведомление и двумя пальцами раздвинула фото.

— Сейчас мы находимся здесь, — Лиз указала на пляж. — Скоро рассвет. Наверняка вдоль тропы полно указателей. — Лиз читала отзывы других туристов и знала, что условия восхождения требовали физической выносливости. Им предстояло карабкаться вверх по крутому склону. — Думаю, до первой вершины доберемся без проблем. Далее самый сложный участок — предстоит пройти пятьсот метров по гребню хребта. Он очень узкий, а значит, при плохой видимости, а также в мокрую и ветреную погоду становится смертельно опасным.

Джони напряженно насупила брови.

— Даже если мы преодолеем этот гребень, что дальше? Где мы будем спать? У нас нет палатки, нет спальников…

— Вот! — Лиз ткнула пальцем в карту. — Здесь должна быть хижина для туристов.

— И что она из себя представляет?

— Как правило, небольшой сруб. Они разбро-

саны по всей Норвегии. Их держат незапертыми, чтобы путники могли остановиться на ночлег. Чем-то напоминают горные хижины Шотландии. Есть печка, дрова. Так что будет тепло и сухо. Если повезет, найдем там еду.

— Судя по всему, путь неблизкий. Какой высоты гора?

— Более тысячи метров, — ответила Лиз.

— Думаешь, Хелена справится? — усомнилась Джони, нервно пощипывая себя за губу.

Хелена с прилипшими к лицу волосами с жалким видом все еще сидела на земле в объятиях Мэгги. Она обхватила себя руками, чтобы унять сотрясающую тело дрожь.

— Придется.

— Какие еще есть варианты? — не теряя надежды, спросила Джони.

Лиз еще раз внимательно посмотрела на карту, словно надеясь среди нанесенных на нее линий найти спасение. И покачала головой.

— Никаких.

День 3

Поиски

Лайф не останавливается, даже когда на поясе начинает вибрировать рация. И отвечает на вызов, не замедляя шага.

Это Кнут. Он сразу переходит к делу:

— На Хивике черт-те что творится! Вертолет до сих пор не вернулся. Я отправил к тебе на выручку вторую группу спасателей, но туннель перекрыт. Ремонтные работы, будь они неладны. Так что в приюте раньше чем через час ребята не появятся.

Лайф почувствовал резкий прилив адреналина. Помощи ждать неоткуда.

— Сообщи, когда доберешься до пострадавшей.

— Хорошо.

Будучи членом добровольческого спасательного отряда, отец Лайфа много времени проводил в компании Кнута. И всегда говорил, что Кнут не из тех, с кем делятся проблемами за кружкой пива. С такими, как Кнут, хорошо оказаться в одной связке во время спасательной операции. О его решительности, хладнокровии и молниеносной

реакции ходят легенды.

— Как погодные условия? — спрашивает Кнут.

— Низкая облачность. — Лайф по-прежнему бежит, не сбавляя шаг. — Видимость средняя. Если стихнет ветер, может опуститься туман. — А вот это уже будет большая проблема. Без GPS-данных он вряд ли найдет туристку. Туман заставал его в горах не раз. Еще повезет, если будет видно собственную вытянутую руку. Страшно до жути. Один неверный шаг — и беды не миновать.

Хотя с утра было ясно и погода не предвещала никаких сюрпризов, по крайней мере когда он смотрел на горы из приюта. Никакого намека на туман.

Лайф по-прежнему старается дышать ровно, но дыхание начинает сбиваться.

— Сообщи координаты ее местонахождения. Если к телу не подобраться, давай там без геройства! Жди подкрепления. Договорились?

— Заметано.

Впрочем, Лайф понимает, что сейчас на счету каждая секунда и что спасатели прибудут на место через несколько часов. Поэтому, если удастся спуститься к пострадавшей самостоятельно, его ничего не остановит.

Глава 43. Мэгги

Подруги молча двинулись в путь вдоль берега. Из-за горизонта пробивался серый рассвет. Волны в исступлении бились о берег.

Отсутствие ноши на плечах лишь усиливало беспокойство. Мэгги уже скучала по своему рюкзаку, который еще вчера вмещал в себя все необходимое: еду, воду и крышу над головой. Сейчас из вещей осталась только одежда.

Ей было странно видеть шагающих налегке подруг. Без карты на шее и без рюкзака с наворотами Лиз выглядела неожиданно уязвимой. Джони шла рядом, понуро повесив голову; ее голые ноги покрылись мурашками, бандана вместе с мокрой копной волос съехала набок. События последних часов окончательно выбили Джони из колеи. А на Хелену, изможденную и бледную, было просто больно смотреть. Лицо и брюки в спекшейся грязи. Ни грамма косметики. Волосы сбились в колтуны.

Мэгги задела ногой выброшенный штормом на берег ворох морских водорослей, побеспокоив рой мух, которые тут же облепили ее розовые легинсы и спустя пару мгновений улетели во-

свояси.

Начинало тоскливо ныть под ложечкой, и Мэгги мысленного отругала себя, что не приготовила вчера вечером на горелке полноценный ужин. И зря так беспечно отказались от подарка Вильгельма!

Добравшись до северного конца бухты, подруги вышли к подножию Блафьеля. Мэгги задрала вверх голову, чтобы рассмотреть вершину, и почувствовала резкую боль в шее.

Перед ней неприступной стеной стояла черная ребристая скала, двумя вершинами, соединенными узким гребнем, похожая на двуглавое чудовище. Прерывистая линия тропы, отчетливо различимая внизу, быстро терялась среди крутых уступов.

Мэгги обернулась и посмотрела на обрушившийся склон. Сотни тонн породы накрыли палатки по ее вине. Это она уговорила подруг разбить там лагерь, потому что не могла идти дальше. И вот результат: они остались без снаряжения и еды, Хелена потеряла прах мамы, и единственный выход — лезть на проклятую гору.

Мрачная махина Блафьеля наводила такой ужас, что в жилах стыла кровь. Хотелось одного — бежать без оглядки, исчезнуть. Но для этого

нужны силы и отвага, которых ей всегда недоставало. Ничего не поделать. Придется карабкаться вверх.

На огромном валуне был указатель в виде красной буквы «Т». Мэгги положила ладонь с грязными ногтями и кровоточащей царапиной на холодный камень, словно прося у него благословения. Джони молча сделала то же самое. Лиз и Хелена быстро к ним присоединились.

Прижимая к камню ладони, подруги смотрели друг другу в глаза.

Именно в этот миг, ощущая леденящее прикосновение, Мэгги вдруг почувствовала, как в сердце вспыхнула искра надежды и быстро превратилась в пламя. Она сможет! Она вскарабкается на вершину, чего бы ей это ни стоило. Она справится — ради друзей и Фиби, которая ждет возвращения мамы домой.

Девушки с трудом лезли на крутую скалу. Ноги не слушались. Прошел час, потом второй, третий. Мэгги хотелось передохнуть, но она понимала, что надо идти, потому что гора никуда не денется.

Похолодало. Усилившийся ветерок скользил по склону и остужал влажную футболку.

— Холодно, — поежилась Мэгги.

— С каждой сотней футов температура падает на один градус, — объяснила Лиз.

Джони выглядела встревоженной — из четверых подруг она одна была в шортах.

— Получается, на вершине температура будет на десять градусов ниже, чем на берегу?

В подтверждение ее слов Лиз кивнула.

Карабкающаяся впереди Хелена споткнулась и упала на четвереньки. Мэгги устремилась к ней и помогла подняться.

— Цела?

— Просто голова немного закружилась. Все хорошо.

— А вот и водопад, — сказала Лиз. — Предлагаю сделать привал.

Вода низвергалась пенистым потоком и стекала по склону, питая растущие на ее пути в трещинах скалы папоротники.

Подруги свернули с тропы и по осыпи пошли к водопаду, чувствуя, как лезет в ботинки и хрустит в носках песок.

Шум водопада постепенно заглушил остальные звуки. Мэгги сложила ладони ковшиком, чтобы набрать воды, но ледяная струя ударила по ним с такой силой, что обрызгала все лицо. Тогда Мэгги выбрала более дружелюбный ручеек сбоку и,

набрав в ладони воды, принялась ее жадно пить, чувствуя, как заполняется желудок. Каждый глоток, несмотря на землистый, солоноватый вкус, возвращал к жизни.

— Пей! — приказала она Хелене, подтолкнув ее поближе к ручью.

Подруга послушно сложила ладони и сделала несколько небольших глотков. Затем она ополоснула лицо, смыв с висков и щек остатки грязи.

Лиз присела в сторонке. Ее вид внушал Мэгги беспокойство. В бледной женщине с потухшим взором трудно было узнать обычно фонтанирующую жизненной энергией и задором Лиз.

— Проверьте карманы. Надо понимать, чем мы располагаем. — Лиз вывернула собственные карманы и выложила на плоский камень упаковку бумажных носовых платков и налобный фонарик.

Джони положила рядом телефон и полпачки жевательной резинки.

Хелена достала фонарик и, порывшись в кармане, вытащила тюбик губной помады, которую ловким движением нанесла на губы. Прикрыв глаза, она втянула ноздрями ее аромат и мысленно перенеслась подальше от этих каменистых склонов. Как по мановению волшебной палочки,

ее спина выпрямилась, а подбородок взлетел, словно невидимый груз спал с плеч.

— С возвращением! — подмигнула подруге Мэгги.

Хелена нарисовала на лице улыбку.

— Мэгги, у тебя есть что-нибудь в карманах? — спросила Лиз.

Мэгги ощупала на себе одежду в надежде обнаружить завалявшийся батончик, но похвалиться было особо нечем — список ее находок ограничился ракушкой в виде сердечка, резинкой для волос и браслетом Карин.

Она провела подушечками пальцев по серебряным буквам и решилась наконец озвучить беспокоившую ее мысль:

— А что, если Карин тоже обнаружила в пещере наркотики? Вдруг она была как-то замешана в этой истории?

Никто не ответил.

— Может быть, это и есть причина ее исчезновения?

Тишину нарушал лишь шум водопада.

Мэгги ждала, что подруги кинутся разубеждать ее, скажут: *Ты ошибаешься! Не смеши людей!* — но они молчали.

Возникший где-то наверху рокот заставил

всех задрать головы. Недалеко от места привала мелкие булыжники обрушились со склона вниз, подскакивая и увлекая за собой другие камни.

Мэгги застыла как вкопанная. Она была почти уверена, что сейчас грохот усилится, земля под ногами задрожит, и горная порода придет в движение.

Ничего не произошло. Камнепад быстро прекратился.

Подруги не проронили ни слова. Они уже уяснили, что опасности в горах подстерегают на каждом шагу, поэтому расслабляться нельзя ни на секунду.

Мэгги встала и продолжила восхождение.

Глава 44. Хелена

Крутизна склона резко возросла, теперь приходилось постоянно карабкаться вверх среди камней и валунов. Весьма кстати оказались цепи, подвешенные вдоль самых крутых участков. Лезть вверх, держась за них, было значительно легче.

Хелена ощущала поистине зверский голод. Хотелось чего-то соленого и непременно бежевого цвета: жареного арахиса, чипсов со вкусом соли и уксуса или зрелого чеддера — любые деньги бы отдала!

Идущая вперед Джони ухватилась за серый валун и со стоном сделала очередной шаг вверх, помогая себя руками. Куртка от усилия натянулась, и Хелена заметила на кармане выпуклость, которая выглядела слишком большой для телефона и жвачки.

— Джони, а что у тебя в кармане? — спросила Хелена.

Джони непроизвольно коснулась кармана.

— Бумажные салфетки, — ответила она небрежным тоном.

Этого было достаточно, чтобы Хелена заподо-

зрила неладное. «Неужели прячет еду?!»

— Дай одну.

— Тебе зачем?

— Хочу в туалет.

— Они нам пригодятся для других целей.

Джони карабкалась вверх, а Хелена не сводила глаз с ее кармана, содержимое которого выглядело слишком большим и плотным для салфеток.

— Серьезно, что у тебя там?

Джони сделала вид, что не слышит. Хелене пришлось приложить немало усилий, чтобы нагнать и взять подругу за руку.

— Ну, чего тебе? — вспылила та.

— Что у тебя в кармане, отвечай!

Джони вырвала руку и продолжила путь.

В приступе гнева Хелена кинулась ей вслед — и тут же остановилась как вкопанная.

— О боже! Только не говори, что ты…

Джони замедлила шаг.

— Что происходит? — вмешались Мэгги и Лиз.

Джони медленно развернулась и с вызовом подняла голову. Даже природная смуглость не смогла скрыть бледность лица.

Хелена в ужасе смотрела на нее.

— Ты все-таки прихватила из пещеры кокаин!

Еще никогда взгляд Джони не был таким ко-

лючим.

— Пакет все равно порвался. Что они будут с ним делать?

— Значит, вот почему ты там задержалась? — Лиз была шокирована не меньше остальные.

Джони вышла из пещеры последней.

— И что из того?

— Зачем тебе? — спросила Лиз, которая явно пребывала в замешательстве.

Джони пожала плечами.

— Когда совсем не останется сил, воспользуемся.

Хелена чуть не потеряла дар речи.

— Ты предлагаешь нам нюхнуть прямо на этом чертовом склоне?! Совсем спятила? Тут тебе не рок-фестиваль. Мы на краю света. И если вдруг потеряем фокус, гора станет нашей могилой!

— Ты нас всех подставила, — еле слышно проговорила Мэгги.

Джони напоминала загнанное в угол животное. Тот же свирепый взгляд и та же готовность защищаться. Обычное для Джони поведение в ситуации, когда она наломала дров.

— Это я всех подставила?! Вообще-то идея разбить лагерь у самого подножия горы принадлежала не мне, если кто-то забыл.

— Простите. Я не хотела… — залепетала Мэгги.

— И не мне пришло в голову проигнорировать предупреждения о грозе.

Лиз густо покраснела.

— Если вся проблема в кокаине, давайте просто избавимся от него. — С этими словами Джони вытащила из кармана сверток и швырнула его под ноги подруг.

Джони даже умудрилась подклеить сверток, воспользовавшись кусочком скотча. Хелена покачала головой:

— Нельзя его теперь просто так взять и выкинуть. За ним придут и, не обнаружив на месте, вряд ли обрадуются. Головой думать надо было! В этом твоя вечная проблема, Джони!

— Моя проблема? — огрызнулась Джони.

— Да, одна из многих, — ответила Хелена.

— И когда это ты у нас такой праведницей стала? Помнится, первая дорожка всегда твоей была.

— В клубе. В выходные. В молодости. Но не в горах же! Я приехала сюда провести время с друзьями и развеять прах мамы. — Подумав о безвозвратно погребенном под тоннами земли прахе, Хелена почувствовала, как боль утраты вновь кольнула в самое сердце. — Хотя кому я это

говорю? Тебе не понять.

Джони не ожидала, что разговор примет такой поворот.

— Что ты этим хочешь сказать?

Мэгги попыталась успокоить подруг:

— Девочки, давайте…

— Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать! — рявкнула Хелена. — Мама лежала на смертном одре, а ты ни разу не появилась. Даже на похороны не приехала.

Джони как будто получила пощечину. В ответ она не произнесла ни слова.

— А знаешь, с какой песни мама попросила начать отпевание?

Джони сглотнула.

— С твоей, Джони. Так и написала в предсмертной записке: «Радуга» в исполнении Джони». Правда, в скобках добавила: «Включить диск в случае ее отсутствия». — Хелена сделала громкий вдох. — Знаешь, каково мне было видеть эту приписку? Даже мама знала, что ты не приедешь на ее похороны.

Джони ошеломленно моргала.

— У меня тур был. Выступление. Я не смогла.

— Я проверила график твоих выступлений. Ничего в тот день у тебя не было.

Глава 45. Джони

От стыда Джони готова была провалиться сквозь землю. Хелена права: концерта не было.

— Я видела график выступлений. За день до похорон ты была в Мадриде, а следующий концерт должен был состояться в Праге только через два дня. Ты располагала уймой времени. — Голос Хелены дрогнул. — Ответь на милость, какие такие важные дела не позволили тебе проститься с мамой?

Подруги с укором смотрели на Джони. Девушка несколько раз сглотнула, не зная, с чего начать.

Когда Хелена написала ей и попросила выступить на похоронах, тур был в самом разгаре. Джони знала, что поездка домой отнимет последние силы, поскольку уложиться в сорок восемь часов — та еще задача. При плотном гастрольном графике, который включал двадцать семь выступлений за тридцать три дня, редкие дни отдыха были на вес золота.

Они понятия не имеют, что такое гастрольный тур. Ты оказываешься в искаженной реальности, где все перевернуто с ног на голову: наркотики, алкоголь, смена часовых поясов, бессонница,

адреналин на пике, орущие фанаты, не отстающие ни на шаг журналисты, направленные в лицо камеры и микрофоны… Они не догадываются, какая пустота разрывает изнутри, когда ты каждый вечер выходишь на новую сцену и смотришь из-за кулис на выкрикивающую твое имя публику. Фанаты ждут Джони Голд. Беда в том, что «звезда» Джони Голд не имеет к настоящей Джони никакого отношения. Пока Джони Голд надевает лучезарную улыбку и в лучах софитов, приветственно раскинув руки, кричит: «Привет, Бруклин! Привет, Сидней! Привет, Токио!» — ей хочется одного: свернуться клубочком и спрятаться в темноте. Но до ее желаний никому нет дела. Она должна генерировать потоки энергии и наполнять ими стадионы, что совсем не просто, когда батарейка давно села и осталась только пустая оболочка. Здесь-то и приходят на помощь кофеин, кокаин, антидепрессанты, шампанское, водка, никотин, кетамин. Она не гнушалась ничем, понимая, что рано или поздно за жизнь взаймы все равно придется заплатить.

Сама мысль о том, что нужно вернуться в родной город, стоять в маленькой церкви в окружении достопочтенных прихожан, которые знают ее как облупленную с детства, всегда болели за

нее и верили в ее талант, была невыносимой. Она… просто не смогла.

Джони ни разу не прилетела повидаться с мамой Хелены, лежавшей на смертном одре. И когда та умерла, не соизволила явиться на похороны, чтобы под восторженные взгляды скорбящих исполнить свой хит. Вместо этого она заперлась в комнате гостиницы и напилась до беспамятства.

— Я… не смогла… — Джони попыталась найти нужные слова. — Не хотела прощаться с твоей мамой в таком состоянии…

— Поэтому предпочла не прощаться вовсе. Так? — В глазах Хелены стояли слезы.

— Я прислала букет…

— Да, спасибо твоему агенту! Ты нужна была мне, маме…Ты даже не сподобилась позвонить после похорон. Как ни в чем не бывало продолжила жить своей восхитительной, насыщенной жизнью. Ты предала меня. — На последних словах голос Хелены дрогнул.

Слезы выступили на глазах Джони. Воздух в горах был разреженный, и ей казалось, что еще чуть-чуть — и она задохнется. Лиз и Мэгги смущенно молчали.

— Прости. Не думала, что причиню тебе такую боль. Я всегда любила твою маму…

Хелена покачала головой.

— Любишь ты только себя!

— Хелена… — тихо произнесла Лиз.

— Давай, ты же ее главный адвокат! — рявкнула Хелена.

— Я только хотела…

— Все смотрят Джони в рот. Ждут, когда одарит своим вниманием. Ты, Мэгги, тоже. Конечно, суперзвезда, героиня светской хроники, снизошла до тебя и явилась на свадьбу. Исполнила пару хитов, и все уже пищат от восторга. И все. Потом ей до тебя дела нет. Ты развелась с мужем, одна воспитываешь ребенка… Где она, твоя верная подруга? Вот то-то и оно.

Мэгги опустила глаза.

— Не все то золото, что блестит. Настоящий друг всегда поддержит в беде: когда уходят близкие, когда мы переживаем болезненный развод, когда жизнь поворачивается к нам спиной. А друзья, которые приезжают только на праздники, потому что больше не с кем встретить Рождество, — это не друзья.

— Ты ничего обо мне не знаешь! — прокричала Джони.

— Давай, хватай гитару и заводи свою песенку. Только это и умеешь.

— Да пошла ты! — зло выплюнула Джони, вытирая выступившие слезы. Прилив адреналина заставил ее забыть об усталости и боли в мышцах. Она развернулась и побежала, не обращая внимания на окрики Лиз.

Ветер безжалостно бил в лицо. Джони издала страшный вопль, в который вложила все: и боль разочарования, и обиду, и все свои невысказанные страдания. Она бы все отдала, чтобы очнуться сейчас где-нибудь в другом месте, подальше от этой проклятой тропы.

Ей нужен кокаин. Нужно забыться.

— Кому сказала, стой! — проорала ей вслед Лиз.

Джони обернулась.

— Что еще?

Лиз махнула в сторону берега.

— Там кто-то есть!

Глава 46. Лиз

Несмотря на то что пляж остался далеко внизу, сомнений, что она видит у входа в пещеру фигуру человека, у Лиз не было.

— Кто это? — дрожащим голосом прошептала Мэгги.

Лиз прищурилась, пытаясь разглядеть незнакомца.

— Кто бы это ни был, идет он в пещеру.

Тревога быстро передалась остальным. Джони и Хелена сразу забыли о своей ссоре.

Мэгги недоуменно приподняла брови.

— Оползень уничтожил тропу. Как он туда попал?

Лиз бросила взгляд на море.

— Лодки тоже не видно.

— И навстречу нам никто не попался. — задумчиво произнесла Хелена.

— Если только… все это время он не был внизу. — Лиз похолодела от этой мысли.

— Идет внутрь! — пробормотала Мэгги.

Человек исчез в недрах пещеры.

Лиз вдруг живо представила, как он сейчас заходит внутрь, достает из кармана фонарик и

направляет луч на ряды ловушек. Интересно, он уже заметил перевернутую корзину и остатки порошка на полу? Наверняка не досчитался одного свертка.

— Что теперь будет? — испуганно прошептала Мэгги.

— Простите меня, — полным раскаяния голосом пролепетала Джони. Ее руки безжизненно повисли вдоль тела, голова поникла. — Я опять наломала дров. Не надо было трогать порошок. Простите, пожалуйста…

Никто не ответил. Все впились взглядом в пещеру.

— Как думаете, кто это? — тихо спросила Мэгги.

— Да кто угодно. — Лиз оттянула воротник куртки. Кем бы ни оказался незнакомец, встречаться с ним лицом к лицу у нее не было ни малейшего желания.

Лиз посмотрела на сверток, который все еще лежал на земле.

— А с этим что делать?

— Выкинь куда-нибудь подальше! — сказала Мэгги.

— Нет! — Джони сделала шаг вперед. — Если нас припрут к стенке, его придется вернуть. —

Она подняла сверток и уже хотела сунуть его обратно в карман, как Лиз схватила ее за руку.

Девушки встретились взглядами.

Сильный порыв ветра, холодный и хлесткий, вырвался из-за вершин.

Поколебавшись мгновение, Джони отдала пакет и обхватила себя руками, словно ежась от холода.

Лиз положила сверток в самый большой карман своей куртки и застегнула молнию.

Хелена по-прежнему не сводила глаз с пещеры.

— В чем дело? — спросила Мэгги.

— Кто бы там ни был сейчас в пещере, он обязательно обнаружит пропажу и отправится на поиски. Мы с вами стоим на единственной тропе, ведущей в приют.

Подруги переглянулись.

— В путь! — скомандовала Лиз.

Поиски

Подъем становится круче. Лайф хватается за каменные выступы, подтягивая тело вверх. Он свернул с более пологой, но более длинной тропы, чтобы срезать путь. Если не сорвется вниз, сэкономит полчаса.

Для лежащей на склоне женщины каждая се-

кунда на счету. Долгое пребывание под открытым небом на такой высоте ничего хорошего не сулит. Если травмы серьезные, вполне возможно, уже вообще поздно.

Футболка под рюкзаком намокла. Лайф подтягивается, цепляясь за валуны, но взгляд фиксирует все, что происходит вокруг. Он предельно собран.

Детьми они с Эриком много времени проводили в горах и проворно по ним лазали. Умение было у них в крови, что совсем неудивительно, когда живешь среди скал, когда скалы — неотъемлемая часть твоего существования. Ровных площадок в деревне не сыскать. Чтобы поиграть в футбол, приходилось спускаться на дно долины, где летом было сыро и тенисто, а зимой все завалено снегом. Поэтому они лезли в горы.

Истинную красоту этих мест Лайф оценил уже будучи взрослым, когда объездил всю Европу и насмотрелся вдоволь на скучные однообразные ландшафты: квадратные сады, убогие постройки из бетона и кирпича.

Он знает, что Эрик выдвинулся три дня назад. И хотя брат ему ничего не сказал, он оставил в журнале запись. Все как обычно: взвалил рюкзак на плечи и исчез. Всегда что-то скрывает, стара-

ется не привлекать внимания, не пускает Лайфа в свою жизнь.

Может быть, я и сам такой, думает Лайф.

Он поднимает глаза на вершину горы, осматривает пики и линию гребня. Интересно, где сейчас Эрик? Из головы не выходят слова немок: *Молодой человек… совсем один, обхватил голову руками…* В день похорон отца Эрик выскочил, пнув ногой дверь, в самый разгар церемонии. После похорон Лайф нашел его, но не на кладбище, а у озера за приютом, где отец любил пить кофе по утрам, наблюдая, как птицы ловят разных букашек. Эрик сидел на берегу, обхватив руками голову. Лайф попытался успокоить его, сказал, что все наладится, но брат начал громко кричать: проклинал туристов, которые из-за своей безответственности подвергали смертельной опасности жизни спасателей. Ему нужно было выплеснуть всю боль и злость и найти виноватого.

Если бы Эрик еще был на тропе, они бы уже встретились.

Лайф еще раз внимательно оглядывает местность.

Брата нигде не видно.

Глава 47. Мэгги

Мэгги никогда еще не чувствовала такой смертельной усталости. Мышцы горели от накопившейся в них молочной кислоты. На висках проступили пульсирующие вены. Дыхание сбивалось.

Хелена и Джони шли молча; над ними довлел шлейф только что высказанных обид. Хелена возглавляла процессию. Джони шеренгу замыкала. Невольно вовлеченные в их распри Лиз и Мэгги не проронили ни слова.

Несмотря на усиливающийся ветер, Мэгги обливалась потом. Она сняла рашгард и обвязала его вокруг талии. Усыпанная веснушками кожа рук покраснела. Борясь с напряжением в спине, Мэгги потянулась сначала в одну сторону, потом в другую.

Ее нагнала Джони. Пряди темных волос выбились из-под банданы, понурая фигура и потухший взгляд вызывали жалость. От задора и куража, которыми она заражала зрителей со сцены приюта, не осталось и следа. Перед Мэгги стояла изможденная хрупкая девушка.

— Ты как?

— Я просто дрянь, — покачала головой Джони.

— Не говори так.

— Каждое слово Хелены — сущая правда. Я не приехала проститься с ее мамой, хотя должна была. Про тебя тоже все правда, Мэгз. — На глазах у Джони проступили слезы. — Ты развелась с мужем, а я тебя не поддержала. Подвела.

Мэгги действительно в тот сложный период чувствовала себя всеми покинутой. Но она не имела привычки добивать ногами лежащего.

— Джони, ты была далеко. Я все понимаю.

— Поэтому мне стыдно вдвойне! Стыдно, что я не стала такой же надежной подругой для тебя, как Лиз и Хелена.

Да, неизвестно, где бы сейчас была Мэгги, если бы не девочки. Когда она ушла от мужа, Лиз нашла ей дом, а потом все выходные помогала с переездом. Хелена приехала с огромным запасом еды и двумя бутылками шампанского. «За новую жизнь!» — подняла она тогда тост.

— Мне следовало написать тебе, позвонить, прислать что-нибудь для Фиби… Что со мной не так, а? Дальше благих намерений дело никогда не идет.

Мэгги прекрасно понимала, что Джони живет на полную катушку в своем собственном мире,

поглощающем ее целиком и полностью. Пьяного человека мало волнует, что ему утром рано вставать и что голова будет раскалываться от похмелья. Так и Джони, когда подруг нет рядом, забывает об их существовании. И дело даже не в беспечности или эгоизме. Она в этот момент живет в другой реальности, в которой друзьям детства места просто нет.

— У меня… никого, кроме вас. — Слезы бежали по щекам Джони. — А от меня… одни только беды.

— Мы всегда будем рядом, потому что любим тебя.

— Я не заслуживаю вашей любви. Мои поступки… — Джони посмотрела на идущих впереди Хелену и Лиз и осеклась.

— Джони?

— Прости. Собеседник из меня тоже не очень… Думаю, мне надо побыть одной. — Не дожидаясь ответа, она ускорила шаг, и Мэгги осталась одна.

Каменная тропа становилась круче, виляла между валунами и огибала скалы. Из растительности изредка попадались жестколистные травы и островки кустарника. Трудно поверить, но через несколько недель тропа будет погребена под снегом.

Рука Мэгги скользнула в карман и нащупала браслет. Кончиками пальцев девушка перебирала холодные серебряные буквы словно четки.

Мэгги вспомнила, как заблудилась в лесу. Вспомнила ужас, который испытала, осознав, что сбилась с пути, и леденящий душу страх. А потом из тени появился Эрик. От одного взгляда его взирающих исподлобья темных глаз по коже пошел мороз. «Карин», — прошептал он, и в ее жилах застыла кровь.

Мэгги нервно перебирала бусины, сжимая их подушечками пальцев все сильнее и сильнее.

А если человек, которого они заметили на пляже, это Эрик? Она вспомнила его полупустой рюкзак. Места в нем для кокаина хоть отбавляй.

Совсем скоро Эрик — или кто бы там ни был — обнаружит пропажу, увидит следы и догадается, что произошло.

Как быстро он нагонит их? И чем обернется для них эта встреча?

Глава 48. Хелена

Хелена, не оглядываясь, шагала впереди всех. Перед глазами плыли белые пятна. Девушка понимала, что лучше попридержать коней, но не хотела, чтобы подруги ее нагнали, поэтому не сбавляла шаг. Ей хотелось побыть одной.

Ботинки гулко стучали по камням. Заклеенные пластырем накануне, мозоли сегодня беспокоили не так сильно.

Сердце отбивало бешеный ритм, но она продолжала идти. Не остановило даже новое странное ощущение в ногах, которые вдруг стали словно ватными.

Что-то не так, подумала Хелена.

А потом ее накрыла горячая волна, в глазах помутнело, и она потеряла сознание.

— Хелена! — словно из тумана донесся обеспокоенный голос Мэгги.

Хелена моргнула и медленно открыла глаза. Она лежала щекой на холодной земле. Над ней склонилась Мэгги, положив руку на плечо.

— Что случилось?

— Ты потеряла сознание.

Не до конца пришедшая в себя Хелена привстала, опираясь на ладони. Голова кружилась. Встревоженные подруги окружили ее со всех сторон. Хелена сжала губы и, почувствовав прилипшую к ним грязь, вытерла рот тыльной стороной ладони.

Поглаживая Хелену по спине, Мэгги сказала:

— Тебе срочно нужно перекусить. Сахар во время беременности…

Хелена вздрогнула.

Джони и Лиз изумленно уставились на Мэгги. Та резко прижала ладонь ко рту.

— Ой, прости. Я…

— Вот кто тебя просил? — рявкнула Хелена и с трудом поднялась. Земля под ногами слегка покачивалась.

— Не торопись. Тебе нужен отдых, — пробормотала Мэгги.

— Ага. Дай знать, когда окажемся рядом с придорожной гостиницей, — зло буркнула Хелена и отряхнула колени. Джони и Лиз не сводили с нее глаз. — Ну, чего вылупились? — бросила она в их сторону.

— Ты беременна… — Лиз застыла в оцепенении.

— Да, беременна. Кто отец, не знаю. Сама но-

вость до конца еще не переварила. Что буду делать, не решила. Надеюсь, ответила на все ваши вопросы? Вольно! — Хелена сделала шаг, торопясь уйти.

— Стой! У тебя все хорошо? — обеспокоенно спросила Лиз. — С этим не шутят. Как ты себя чувствуешь?

— Как и должна после трех дней на ногах, преодолев половину пути к вершине горы без еды и воды.

— Почему не сказала до того, как вышли в путь?! Я не позволила бы тебе так рисковать! Правда ничего не болит?

Хелена и рада была бы ответить, что все хорошо, но к горлу уже подступил предательский ком.

— Давай не сейчас, а? В данный момент есть более важные вопросы.

Мэгги с укором посмотрела на подругу.

— Ты и твой будущий ребенок — это сейчас самый важный вопрос. Ты уже решила, как поступишь?

Здесь, на краю света, Хелена была так далеко от всех составляющих нормальной жизни, что даже ее сложившееся за многие годы представление о самой себе вдруг стало не таким категоричным, потеряло значение на фоне последних событий.

Все, что еще вчера казалось невозможным, обретало новый смысл и краски. Оставалось только воспользоваться этой лазейкой, чтобы разобраться с истинными своими желаниями.

Мэгги внимательно смотрела на подругу в ожидании ответа.

Когда-то, еще практически ребенком, Хелена приехала в гости к двоюродной сестре, которая недавно стала матерью. Не успела новоиспеченная мать сунуть малыша Хелене в руки, как тот разразился громким плачем. Хелена тогда решила, что ребенок почувствовал, что с ней что-то не так и детей ей доверять нельзя. С тех пор она держалась от младенцев подальше и лишь со стороны наблюдала, с каким удовольствием с ними возятся подруги. Для себя она решила, что дети — это не ее, о чем оповестила всех близких и родных. Потом, незаметно для себя самой, риторика сменилась на «я не хочу детей», и в какой-то момент она поверила в собственные слова.

А может быть, она просто боялась, что из нее не получится хорошая мать? Поэтому и придумала историю для собственного успокоения?

Легкая улыбка заиграла на губах Лиз.

— Ты ведь не ожидаешь, что мы тебя бросим с младенцем на руках? — спросила Мэгги. — Одна

ты точно не останешься.

Стоявшая с краю Джони тихо произнесла:

— Из тебя получится прекрасная мама.

Джони, которая с момента их ссоры не проронила ни слова и шла всю дорогу опустив голову и сжав кулаки, смотрела ей прямо в глаза. От слов Джони у Хелены что-то перевернулось внутри.

— Ты правда так думаешь?

Джони глядела на нее так, словно видела подругу насквозь и могла читать ее мысли.

— Уверена в этом.

Глава 49. Лиз

Чем ближе к вершине, тем сильнее становился ветер. Он грубо прижимал куртки к телу, взъерошивал волосы, срывал с губ слова и уносил их куда-то далеко.

С каждым шагом ноша в кармане Лиз все сильнее и сильнее давила на бедро. Время от времени кто-нибудь из подруг с опаской оглядывался назад, прислушивался к движениям за спиной. И хотя девушки по-прежнему были на тропе одни, Лиз не могла отделаться от чувства, что за ними наблюдают.

Мэгги надела рашгард, натянув рукава на ладони, которые изрядно замерзли.

— Когда стемнеет? — спросила она.

Возглавляющая колонну Хелена посмотрела на часы.

— До захода солнца примерно полтора часа.

Совсем мало, подумала Лиз и посмотрела на вершину.

— Джони, покажи карту.

Джони, которая успела плотно затянуть капюшон на шее, вытащила из кармана телефон и передала его подруге. Лиз прищурилась и, глядя

на экран, попыталась определить, где они сейчас находятся.

— Похоже, до вершины еще один километр.

Впрочем, расстояние в их случае не имело никакого значения. Километр по равнине и километр в гору — совершенно разные вещи.

— Потом по гребню мы перейдем на другую сторону, где должна быть хижина. — На карте она была отмечена красным указателем.

— А вдруг мы не найдем хижину? — спросила Мэгги.

Тогда нам придется провести ночь на вершине горы без палаток, без спальников и без горелок. Вслух Лиз ничего не сказала. Джони уже отчаянно куталась в куртку, ее голые ноги покрылись гусиной кожей.

— Обязательно найдем! — заверила Лиз.

— Я вижу переход! — крикнула идущая впереди Хелена. От сильного ветра ее щеки раскраснелись.

Джони остановилась, чтобы отдышаться. Марш-бросок оказался успешным, и девушки успели вскарабкаться на вершину до наступления сумерек. Однако сейчас, глядя на открывшуюся их взорам картину, они застыли в немом ужасе.

— Какой он узкий… — проговорила белая как

снег Мэгги.

Вершина, на которой они сейчас стояли, соединялась со вторым, более высоким, пиком узким гребнем длиной около полукилометра. Его склоны были настолько крутыми, а перемычка настолько узкой, что любой неверный шаг мог привести к неминуемой гибели.

Странное чувство, отдаленно напоминающее страх, но более сильное и глубокое, охватило Лиз. При виде черного скалистого хребта на фоне сумеречного неба все внутри сжалось.

— От ветра на гребне спрятаться негде, поэтому при необходимости прижимайтесь к земле. Держимся друг друга.

Наклонившись вперед, Лиз повела подруг за собой. Ее колени дрожали, мышцы отказывались подчиняться. В сгущающихся сумерках разглядеть опору для ног становилось все труднее. Язычок молнии на куртке стучал на ветру. Взгляду не за что было зацепиться. Справа и слева — крутой обрыв. От ледяного воздуха стыли ноздри.

Без всякого предупреждения земля вдруг резко поплыла под ногами. Приступ головокружения заставил Лиз пригнуться и вцепиться ногтями в камни. Ее прошиб холодный пот. Дыхание стало

поверхностным и частым.

— В чем дело? — спросила Мэгги.

Лиз с этим состоянием столкнулась впервые в жизни, и все же она инстинктивно определила, с чем имеет дело.

— Горная болезнь.

Пугающее ощущение неустойчивости только усиливалось. И хотя она по-прежнему чувствовала почву под ногами, ей казалось, что земля вертится и норовит стряхнуть ее с гребня. Боясь пошевелиться, Лиз вжалась всем телом в холодные камни и плотно сомкнула веки. Накатил приступ тошноты.

Мэгги сжала ее руку в своей.

— Просто дыши. Все хорошо.

Лиз жадно втянула в себя воздух и медленно выдохнула. За спиной раздались обеспокоенные голоса Хелены и Джони. Но, по-прежнему боясь сорваться вниз, повернуться и ответить она не осмелилась.

— Открой глаза! — скомандовала Мэгги.

Лиз послушно разомкнула веки.

— Просто смотри на меня, и приступ пройдет.

Лиз впилась взглядом в подругу, медленно перевела взгляд с огненно-рыжих кончиков ресниц на россыпь веснушек на носу.

Мэгги улыбнулась.

— Сейчас все пройдет, и мы продолжим путь.

— Я не могу.

— Если не сможешь идти, поползем на четвереньках. Ничего страшного. Мы уже одолели половину гребня. Еще чуть-чуть, и доберемся до хижины. Согреемся, отдохнем. Ты сможешь.

Лиз сделала еще один глубокий вдох.

— Все будет хорошо. Доверься мне.

Земля под ногами плясала уже не так сильно. Лиз более отчетливо увидела лицо Мэгги.

— Сейчас попробуем ползти, хорошо?

Не обращая внимания на впивающиеся в колени и ладони камни, она медленно двинулась вслед за подругой.

Головокружение постепенно уходило. Последние лучи света тоже растаяли в спустившейся на горы темноте. В кромешной тьме девушки ползли на четвереньках под звуки ветра и собственного дыхания.

Поиски

Лайф остановился попить. Холодная вода остужает горло. Сердце грозит выпрыгнуть из груди, кровь пульсирует в висках. Ощущение его радует — в теле кипит жизнь.

До вершины Блафьеля осталось совсем чуть-чуть. Вокруг — безжизненные серые скалы. Из растительности только лишайник. Свирепый ветер умудряется налетать сразу со всех сторон.

На Блафьеле Лайф всегда чувствует себя неуютно. Есть вершины, которые он любит, где с удовольствием спит под звездным небом, думая, что парит в небесах. На Блафьеле же его всегда охватывает щемящее чувство одиночества. Гора часто притягивает к себе облака, которые шапкой накрывают вершину и закрывают обзор.

Порывы ветра не стихают ни на секунду. Волосы на руках стоят дыбом, причем совсем не от холода.

Вспоминаются сказанные когда-то шепотом слова отца: «тонкие места», «непознанное».

Когда Лайф был еще ребенком, отец рассказал историю об учителе, который каждый год летом водил учеников в горы. Однажды среди воспитанников оказался семнадцатилетний подросток, которого все знали как обладателя экстрасенсорных способностей. Учитель в подобную ерунду не верил, о чем потом очень пожалел. Парень на полпути к вершине остановился как вкопанный, посмотрел на пик и категорически отказался идти дальше. Сказал, что с этим местом что-то

не так. Попросил учителя вернуться с детьми домой.

Учитель не поддался на провокацию, попытался заставить его продолжить путь. Мальчик наотрез отказался. Не помогли никакие уговоры, и второй учительнице пришлось вернуться с подростком домой. Мальчик умолял ее остановить остальных, но группа продолжила восхождение.

На звонок в службу спасения тогда ответил Кнут. В горах разразилась снежная буря. Всего за несколько часов выпало почти полтора метра снега. А дело было в июле, и ничто в прогнозе погоды не предвещало такого катаклизма.

Учитель с детьми попал в снежную ловушку на вершине горы. Все указатели замело снегом, и они заблудились. Спасатели, среди которых был и отец Лайфа, нашли их наутро живыми. Горе-туристы все сделали правильно, чтобы пережить непогоду, — построили из снега укрытие, сидели, плотно прижавшись друг к другу, разговаривали и пели песни, чтобы не уснуть, — однако пережили ужас, от которого не каждый оправится. И все хором уверяли, что первые снежинки были черного цвета.

Лайф сжимает кулаки и продолжает путь.

Глава 50. Мэгги

Они разодрали в кровь колени, запыхались, но преодолели злосчастный гребень.

Лиз сидела, запрокинув голову. Луч от налобного фонарика терялся в темноте.

— Ты как? — спросила Мэгги.

— Хорошо. Знаешь, я доползла только благодаря тебе…

Мэгги распирало от чувства гордости. Она-то была уверена, что переход ей не по силам. А она мало того что сама справилась, так еще и провела за собой остальных.

— Где хижина? — спросила Джони, обхватив себя руками, чтобы согреться.

Лиз поднялась и обвела лучом обочины тропы.

— Должна быть где-то здесь.

Ветер донес какой-то леденящий душу стон; через секунду все стихло. Ветер трепал волосы, проникал под одежду и заставлял ежиться.

— Что это было?

Подруги прижались друг к другу.

— Не знаю. — Голос Хелены дрожал от страха.

Стон повторился.

Мэгги обвела фонариком вокруг себя.

— Надо проверить сигнал, — вспомнила Хелена.

Джони дрожащей рукой достала телефон. Экран загорелся, но ничем не порадовал. Батарея разрядилась до десяти процентов. Джони все равно набрала номер и прижала трубку к уху.

Ноги Мэгги онемели, и она сняла ботинки, чтобы размять пальцы.

— Связи нет, — тяжело выдохнула Джони. Она выключила телефон, и маленькая искорка надежды погасла.

Потирая руки, Лиз сказала:

— Нельзя останавливаться. Хижина где-то рядом.

И они продолжили путь. Ветер свирепствовал со страшной силой. Мэгги не могла отделаться от чувства присутствия чего-то зловещего и темного. Она освещала фонариком тропинку, изредка поднимая луч, словно надеясь подловить преследователя. Замыкающая колонну Хелена водила фонариком по сторонам, пытаясь разглядеть в кромешной тьме хижину. Задача осложнялась тем, что сквозь сгустившиеся вокруг Блафьеля облака не пробивался ни лунный свет, ни сияние звезд.

Мэгги сунула руку в карман и нащупала холод-

ный браслет Карин. В последний раз девушку видели именно здесь. Вильгельм назвал гору «тонким» местом. Как он выразился? *Присутствие чего-то выходящего за пределы человеческого разума.*

Стон перешел в вой. Мэгги почувствовала чей-то взгляд; по коже рук и спины побежали мурашки. Она так сосредоточилась на этом неприятном ощущении, что, должно быть, потеряла бдительность и не обратила внимания, куда ступила. Камень вдруг пришел в движение, ледяная рука будто рванула ногу в сторону. Острая боль пронзила лодыжку, толстые подошвы ботинок потеряли сцепление с землей.

Мэгги выронила фонарик и плашмя упала на землю. От удара у нее чуть не вышибло дух.

Подскочила Лиз.

— Мэгги!

— Моя лодыжка… — простонала она.

— Что случилось? — Хелена склонилась над Мэгги.

— Похоже, оступилась… — Она посветила фонариком, чтобы рассмотреть камень или выступ, за который зацепилась, но ничего не обнаружила. Потом вспомнила, как ей показалось, что кто-то схватил ее за ногу, и громко сглотнула. — Надо

срочно добраться до хижины… Помогите мне встать.

Джони и Хелена взяли ее с двух сторон под руки. Лиз направила луч на лодыжку.

— Опереться на ногу можешь?

Гримаса боли исказила лицо Мэгги. Даже вес ботинка на ноге причинял страдания.

— Нет.

— Тогда облокотись на нас, — сказала, сжав зубы, Джони. — Хижина где-то рядом.

Пытаясь не закричать от боли, Мэгги оперлась руками на плечи подруг.

Новый порыв ветра с силой обрушился на них, и девушки еще теснее прижались друг к другу.

Лиз осветила фонариком тропу впереди, и, когда луч упал на огромные валуны, Джони вдруг закричала:

— Стой! Подожди! Давай обратно!

Лиз медленно перенаправила луч на камни.

— Ой! — непроизвольно вырвалось у Мэгги, когда в пятидесяти метрах от тропы они заметили маленькую деревянную хижину, приткнувшуюся к склону горы.

Глава 51. Джони

— Слава тебе господи! — воскликнула Джони, глядя на притулившуюся на скальном козырьке хижину. Два квадратных окошка отразили бесцеремонно нарушившие ее покой лучи от фонариков.

Джони посветила на дверь, и подруги прочитали надпись на табличке: «Хижина для туристов».

— А вдруг она заперта? — раздался голос Хелены.

— Вряд ли. В горах хижины обычно оставляют открытыми, чтобы любой мог беспрепятственно попасть внутрь, — ответила Лиз.

Коснувшись ледяной ладонью ручки двери, Джони мысленно взмолилась, чтобы Лиз оказалась права.

Дверь поддалась сразу. Джони осторожно шагнула внутрь и ощутила запах сырого дерева. Хижина встретила холодом.

— Есть кто живой?

Свет фонарика поочередно осветил четыре кровати, маленький стол, стулья и печку. К основному помещению примыкала ниша, в которой Джони заметила посудный шкаф с плиткой, ме-

таллическую раковину и буфет.

— Открыто! Все сюда! — позвала она подруг и придержала дверь, чтобы пропустить Лиз с хромающей Мэгги.

Дверь захлопнулась, и установилась мертвая тишина, если не считать поскрипывания под ногами половиц и шелеста курток. Воздух внутри был ледяной, но по крайней мере они укрылись от ветра.

— Получилось! — все еще не веря своему счастью, произнесла Хелена.

За три дня она настолько отвыкла от цивилизации, что, оказавшись внутри жилища, испытала странное чувство. В приступе благодарности она прижала свои грязные ладони к деревянной стене, впервые в жизни оценив ценность крыши над головой и пола под ногами.

Лиз выдвинула стул и помогла Мэгги присесть. Придвинув второй стул, она заставила Мэгги положить на него травмированную ногу. Пока Лиз ощупывала ее щиколотку, Джони проверила содержимое буфета.

— Свечи! — обрадовалась она, обнаружив полдюжины свечей в подсвечниках и коробку спичек. Онемевшими пальцами она быстро поднесла зажженную спичку к каждому черному

фитильку и чуть не обожгла пальцы, зажигая последний.

Две свечи она поставила на стол рядом с Мэгги, еще одну — на подоконник, остальные — рядом с горелкой и печкой. Мягкий свет создал в комнате атмосферу уюта и покоя.

— Тут есть еда и вода! — Хелена успела заглянуть в один из шкафчиков. Она вытащила бутылки с водой, пачки сухой лапши, банки с фасолью и тушенку.

— Смотрите, что нашла! — В буфете Джони обнаружила порционные пакетики кофе, какао и сухих сливок. Рядом лежала записка, в которой автор просил оставлять деньги в специальном контейнере.

— Принеси, пожалуйста, воды для Мэгги, — попросила Лиз. Она уже нашла аптечку и обрабатывала рану на колене подруги.

Протягивая бутылку, Джони спросила:

— Как лодыжка?

— Вроде получше. Главное, что добрались до хижины. — Мэгги старалась не падать духом.

— Я восхищаюсь твоим мужеством, — сказала Лиз. — Если бы не ты, я бы ни за что на свете не преодолела этот гребень.

— Надо разжечь огонь. — Джони слегка сжала

ладонь Мэгги в своей руке.

Рядом с большой корзиной с дровами и щепками стояла коробка со старыми норвежскими газетами. Джони со знанием дела опустилась коленями на ледяной пол, замерзшими пальцами скатала из бумаги несколько шариков, сверху накидала щепок. В детстве по утрам, перед тем как уйти в школу, она растапливала камин в доме бабушки.

Вскоре языки пламени охватили сухие дрова.

Хелена нашла в одном из шкафов походную горелку и поставила на огонь кастрюльку с водой.

Воздух начал прогреваться. Глядя на слегка подрагивающие огоньки свеч, Джони почувствовала, как уходит напряжение в плечах. Наконец-то они в безопасности.

Аромат горячей лапши наполнил хижину. Пододвинув стулья поближе к печке, подруги, не теряя ни секунды, застучали вилками по эмалированным мискам, из которых струйками поднимался горячий пар.

Джони была слишком голодна, чтобы ждать, когда остынет лапша, поэтому обожгла язык.

— В жизни ничего вкуснее не ела! — восхитилась Мэгги, держа миску у самого рта.

— Согрелась хоть немного? — спросила Хелена

у Джони.

Та кивнула.

— Какое счастье, что мы нашли хижину. Оставаться под открытым небом ночью — смерти подобно. — По ощущениям, температура снаружи приближалась к нулю. Ледяной ветер и не думал ослаблять хватку.

— Слава богу, — с серьезным выражением лица произнесла Мэгги.

Все понимали, чему были равны их шансы выжить без крыши над головой.

Вопрос, что день грядущий им готовит и как они будут спускать с горы, сейчас подруг не волновал. Они молча доели остатки еды, чувствуя, как наваливается мертвецкая усталость.

Джони собрала пустые миски; согревшись наконец, она расстегнула куртку и повесила ее на спинку стула. Куртка Лиз, из кармана которой торчал сверток, висела рядом. Джони сглотнула и отвела взгляд. Она уже жалела, что не выкинула пакет, когда у нее была такая возможность. Теперь, зная, что он находится в хижине, она не могла найти себе место. Одна дорожка решила бы все проблемы.

Но подкрадывалось чувство отвращения к себе, мерзкое и липкое. Им повезло найти хижину,

они остались живы, а ей для полного счастья по-прежнему чего-то не хватает.

Джони потянулась над столом и взяла в руки большую тетрадь; на обложке крупными буквами было написано «LOGGBOK»[6]. К отходящему от корешка шнурку была привязана ручка. Страницы тетради полнились именами, датами и пометками. Судя по последней записи, в предыдущие десять дней в хижине никто не останавливался. Она кликнула ручкой и кучным неровным почерком вписала имена подруг и свое собственное, по какой-то неясной причине чувствуя, что делает что-то очень значимое, наполненное особым смыслом.

Джони посмотрела за окно. Снаружи царила полная темень. Ее взгляд замер на собственном отражении в стекле — собранные в пучок волосы рассыпались, выбившиеся пряди торчат из-под банданы. В стекле отражалось и пламя свечи, как будто касавшееся лица. Она долго смотрела на огонек, и в какой-то момент ей показалось, что пламя постепенно размывает черты ее лица, сжигая маску, под которой она прячется от мира.

Джони зажмурилась, а затем отвела взгляд в

---

[6] Сноски: 6
LOGGBOK — регистрационный журнал (*норв.*).

сторону, испугавшись глубин, в которые заглянула.

Она нетерпеливо постучала пальцами по столу. Всего одна дорожка, и все будет хорошо.

В очередной попытке отогнать назойливую мысль Джони опять принялась листать журнал. Разнообразие имен поражало воображение. И если в зимние месяцы страницы по большей части оставались пустыми, то, судя по записям, летом от желающих остановиться на ночлег не было отбоя.

Ее взгляд упал на запись, сделанную ровно год назад. Под датой стояли всего два имени.

— Девочки, в этот день ровно год назад в хижине останавливался Эрик.

— С кем? — нахмурилась Мэгги.

Под его именем неразборчивым почерком было вписано второе имя.

— С Карин.

Глава 52. Хелена

Хелена уставилась на страницу с записью. Зловещий привет из прошлого вызвал необъяснимое чувство тревоги.

Ветер дунул в дымоход как в большую трубу и загудел. Мэгги содрогнулась.

— Мне кажется, или гора пытается нас достать и здесь?

Жуткая темень давила на окна, и ветер сквозняками проникал внутрь через крошечные отверстия в полу и рамах. Хижина крепилась к скале двумя стальными балками; ветер, налетая на них, издавал пронзительный, леденящий душу гул.

— У меня из головы не идет человек, который зашел в пещеру, — промолвила Хелена, накручивая на палец цепочку с кулоном в виде подковы.

— Я тоже о нем думаю, — сказала Лиз, придвигаясь ближе к огню. — Судя по тому, как он уверенно направился в пещеру, он знал, за чем.

Пляшущие языки пламени отражались в глазах Джони.

— Зря я взяла кокаин. Все из-за меня… Мне правда очень жаль…

Сидевшая на полу со скрещенными ногами Джони вся сжалась и будто уменьшилась в размерах. Глядя на нее в полумраке хижины, Хелена вдруг осознала, что подруга украла кокаин не для того, чтобы привычно словить кайф, а для того, чтобы убежать от себя. Следовало бы выяснить, что гложет Джони, проявить дружеское участие… но Хелена слишком устала. Или, возможно, из-за последних разногласий не была готова протянуть подруге оливковую ветвь.

— Главное, чтобы он не заметил пропажу, — с надеждой в голосе произнесла Мэгги.

Хелена пожала плечами.

— Я с ног валюсь. Не знаю, как остальные, а я спать, — возвестила она, поднимаясь со стула. — Из всех препятствий смертельная усталость — самое непреодолимое.

— Я тоже, — поддержала ее Лиз.

Направляясь к лежанке, Хелена бросила взгляд на окно и увидела непонятную вспышку света. Сначала она подумала, что видит отражение свечи, но потом заметила, что огонек перемещается. И к свече не имеет никакого отношения. Источник находился снаружи.

— Вы видели?

— Ты о чем? — спросила Лиз.

Хелена прижалась лицом к стеклу, на котором от ее дыхания сразу появилось туманное пятно.

— Это свет от фонарика.

В хижине повисла зловещая тишина, которую нарушали только завывания ветра.

Огонек двигался вдоль перехода.

— Там кто-то есть, и он идет сюда, — произнесла Хелена.

Глава 53. Джони

— Отойди от окна! — крикнула Джони. — Тебя видно.

Хелена шарахнулась от окна и прижалась к стене рядом.

— Может, свечи задуть? — предложила Мэгги.

Лиз помотала головой.

— Из трубы все равно валит дым. Он знает, что мы внутри.

Луч скользнул по окну и стенам хижины.

— Приближается… — прошептала Хелена.

Джони вспомнила мрачную фигуру у входа в пещеру.

— Кто бы это ни был, он пришел за кокаином, — пробормотала она себе под нос и почувствовала, как под мышками проступил холодный липкий пот. Она собственными руками выпустила из бутылки джинна, которого уже не остановить.

Лиз перевела дыхание — в лице ни кровинки.

— Так, мы ничего не знаем. Понятно? Держимся вместе. Не забывайте, нас четверо.

Подруги непроизвольно сгрудились вокруг прикованной к стулу Мэгги.

Кто-то тяжелой поступью обошел хижину и

приблизился к двери.

Шаги стихли.

Затаив дыхание, Джони посмотрела на подруг. На лице Мэгги она заметила легкую складку над переносицей. Хелена стояла, сжав кулаки.

— Что он делает? — прошептала Мэгги.

Незваный гость замер по другую сторону двери.

Джони взяла в руки стоящую у печки железную кочергу, тяжесть которой сразу придала ей уверенности.

Дверь внезапно распахнулась, и ворвавшийся внутрь ледяной ветер затушил все свечи. Шторки взлетели вверх, страницы журнала лихорадочно зашелестели, дверки открытого шкафа скрипнули. Все так же внезапно стихло, когда незнакомец шагнул внутрь и закрыл за собой дверь.

Свет от фонарика слепил, и Лиз вытянула перед собой ладонь. Гость выключил налобный фонарик, и на какое-то мгновение хижина погрузилась во тьму.

Сердце выпрыгнуло из груди Джони и теперь стучало где-то в ушах. Глаза постепенно привыкли к темноте, и в свете буржуйки она начала различать силуэт стоявшего у входа человека.

Постепенно вырисовывались очертания его

лица: тень от щетины, уравновешивающий худое лицо заостренный нос, низко натянутая оранжевая бини.

Мэгги громко сглотнула.

— Эрик.

Взгляд Эрика на несколько секунд застыл на лице Мэгги. Затем он протер ладонью лицо, словно пытаясь избавиться от наваждения, прокашлялся и, обведя взглядом остальных девушек, хриплым голосом произнес:

— Привет.

Лиз в полумраке возилась со спичками, пытаясь зажечь свечи.

— Простите, что побеспокоил, — добавил Эрик, потупив взгляд.

— Не поздновато для прогулок? — спросила Джони, пряча за спиной кочергу.

— Поздновато, — согласился мужчина.

В хижине повисла тягостная тишина: девушки не знали, куда девать глаза, и перетаптывались с ноги на ногу.

— Можно… войти?

Как отказать? Хижина им не принадлежала, двери домика открыты для всех.

Джони кивнула.

Эрик свалил на пол рюкзак. Мэгги говорила,

что, когда встретила Эрика в лесу, рюкзак был полупустой. Сейчас он был набит под завязку.

Скинув куртку, расшнуровав ботинки и оставив их у входа, гость прошел на кухню. По дощатому полу протянулась вереница мокрых следов. Джони уловила исходящий от его кожи животный запах. Под глазами Эрика залегли глубокие тени, как будто он не спал несколько дней подряд. Вся его фигура источала беспокойство. В поисках чашки он переминался с ноги на ногу, время от времени бросая через плечо взгляд на Мэгги. Затем, порывшись в ящике, вытащил сковородку и деревянную ложку. Из соседнего шкафчика достал банку мясных консервов, вскрыл ее, дернув за кольцо, и вывалил содержимое на сковороду.

Атмосфера в хижине накалялась. Джони неотступно следила за каждым движением мужчины, пытаясь угадать, что у него на уме. Интересно, он пришел сюда за кокаином или просто гулял в горах? Вел он себя вполне дружелюбно, но ее сердце все равно бешено стучало. Кочерга оттягивала руку.

— Как вы сюда добрались? — спросила Джони.

— Пришел по горной тропе.

Джони многозначительно посмотрела на подруг и попыталась прочитать их мысли.

— Вы же с Лайфом братья, правильно?

— Да. — Эрик зажег горелку и поставил сковороду на огонь.

— Лайф говорил, вы только недавно вернулись домой после долгого отсутствия.

— Да, переезжал с места на место.

— Наверное, здорово встретиться с близкими после долгой разлуки? — Вопрос прозвучал натужно.

Он пожал плечами.

— Без меня всем лучше.

Джони поймала взгляд Мэгги, и уверенности он ей не придал.

Братья походили друг на друга телосложением, но если Лайф излучал уверенность и спокойствие, то Эрик суетливостью и манерой смотреть в пол являл полную его противоположность.

Пока еда разогревалась на плитке, он достал фляжку и сделал несколько глотков.

— А вы, я так понимаю, собираетесь разбить поленья в печке? — спросил Эрик, бросив быстрый взгляд на кочергу в руке Джони.

Кровь мгновенно прилила к лицу девушки.

— Ну да. — Она склонилась над буржуйкой и добавила в нее дров, поправляя поленья кочергой.

— Мэгги рассказала, что столкнулась с вами в

лесу, когда заблудилась, — вмешалась в разговор Хелена, которая стояла рядом с Джони, сложив на груди руки.

— Это правда.

— Мы удивились, обнаружив ее так далеко от тропы, — с нескрываемым вызовом произнесла Хелена. — Она-то надеялась, что вы ведете ее в сторону побережья.

Эрик слегка прищурился.

— Так и есть, просто мы пошли в обход, чтобы не переходить реку.

Хелену он, однако, не убедил.

— И уж как-то очень быстро вы исчезли, стоило нам появиться.

Повисла тишина.

— Я ушел в горы, чтобы побыть одному.

Хелена обвела взглядом хижину.

— А что же вы тогда делаете здесь?

Эрик сжал губы и ничего не ответил. Ни слова про Карин. Ни слова про наркотики.

Мясо в сковороде зашипело.

Повисшее в воздухе ощущение неминуемой беды придавило присутствующих своей тяжестью.

Глава 54. Мэгги

Кровь в травмированной лодыжке, которая распухла и стала мягкой на ощупь, сильно пульсировала. Исходящий от печки жар усиливал тяжелый запах немытых тел и мокрых носков. Теснота хижины давила, полумрак угнетал. Мэгги хотелось только одного: оказаться сейчас дома с дочкой. Хотелось сжать Фиби в объятиях, ощутить вес ее тела на коленях и прикоснуться к нежной щечке.

Слезы предательски выступили на нижних веках. Мэгги посмотрела на потолок и часто заморгала, чтобы не расплакаться окончательно.

Эрик снял сковороду с конфорки, поставил ее на деревянный столик, плюхнулся на стул — под его весом жалобно скрипнула спинка — и набросился на еду как голодный волк.

Джони подошла к столу и взяла в руки журнал.

— Вы же не впервые в этой хижине?

Эрик кивнул.

— Вижу, вы были здесь ровно год назад.

Мужчина медленно поднял глаза сначала на журнал, потом на Джони.

— Все верно.

— Вместе с Карин, так?

Он с раздражением положил вилку.

— Карин была моей девушкой.

Мэгги покоробило от слова «была».

Он снова поднес ложку ко рту и вдруг замер как громом пораженный, уставившись на что-то в дальнем углу стола.

Мэгги проследила за его взглядом и с ужасом поняла, к чему прикован его взор. Она оставила на столе браслет Карин.

Эрик отшвырнул сковороду в сторону и, медленно протянув руку, придвинул браслет к себе. Нахмурившись, поднес его к огоньку свечи, озадаченно потер ладонью затылок и шею, на которой красовалась татуировка в виде скалы, а потом резко вскочил на ноги, ударившись коленом о стул. Огонек свечи задрожал. Мертвенная бледность растеклась по лицу Эрика. Глаза горели от возбуждения.

— Где вы это взяли? — рявкнул он.

Мэгги посмотрела на подруг. Все молчали.

— Я задал вопрос! — В голосе было столько злости, что девушки подпрыгнули. — Я подарил его Карин в этой самой хижине! Защелкнул браслет на ее запястье, и она уснула, не снимая украшение. — Эрик прижал ладонь ко лбу. — Полиция

обыскала хижину. Ничего из ее вещей не нашли. Получается, кто-то из вас принес его сюда? Так?

Мэгги помотала головой и выпалила:

— Я нашла его!

Мужчина пошатнулся и шагнул к ней.

— Где? Где нашла?

— Вчера. Мы остановились на ночлег на пляже. Браслет был в пещере.

Глаза Эрика округлились от удивления.

Мэгги осознала свою ошибку, но было слишком поздно.

— В пещере? — удивленно переспросил Эрик.

Мэгги кивнула.

— Но… что Карин делала в пещере? Мы остановились в хижине и собирались наутро вернуться в приют… Ничего не понимаю… Как он мог там оказаться?

Эрик начал расхаживать по хижине. Наконец, остановившись перед Мэгги, тихо проговорил:

— Расскажи, как ты его нашла.

Мэгги непроизвольно отшатнулась.

— Он висел на выступе, в трещине, покрытый паутиной. Думаю, пролежал там не один месяц.

— Что-нибудь еще в пещере заметила?

Мэгги вперила взгляд в свои колени и помотала головой.

Эрик слегка прищурил глаза.

— Уверена?

И тут в их разговор вмешалась Хелена. Ледяным тоном она объяснила:

— Да, мы сидели в пещере все вместе. Пещера была пустой, если не считать составленные в ряд ловушки для омаров. — Последнюю фразу она произнесла с вызовом, желая проверить реакцию Эрика.

Мужчина на ее замечание никак не среагировал и продолжил в оцепенении смотреть на браслет.

— В лесу ты назвал меня ее именем. Что произошло с Карин? — спросила Мэгги.

Рот Эрика страдальчески искривился.

— Она пропала без вести. — Нервно теребя в руках браслет, Эрик сел на стул. — Все случилось в ее день рождения. Кстати, как раз сегодня Карин исполнилось бы двадцать шесть. — Он сидел с поникшей головой, сгорбив спину. — Я подарил ей браслет. Мы провели в хижине ночь и собирались утром двинуться дальше, но… поссорились.

— Из-за чего? — спросила Хелена.

Эрик поджал губы. Воспоминания приносили ему боль.

— Да из-за какой-то ерунды. Карин сказала, что

нашла работу в Бергене. Она всегда интересовалась искусством, а тут подвернулось место в известной галерее. Я не поддержал ее, а назвал эгоисткой и ушел. — Мужчина покачал головой. — Взбесился, понимаете. Пока шел, быстро остыл и вернулся за Карин, но ее и след простыл.

Ветер дунул в дымоход, и языки пламени взмыли еще выше.

— Я был уверен, что она вернулась в приют. Однако она до него не дошла. Карин… пропала.

— И с тех пор ее никто не видел?

— Была информация, что ее видели, и мы какое-то время продолжали надеяться…

— Мне очень жаль. — тихо сказала Мэгги.

— Мне тоже, — ответил Эрик и сжал браслет в кулаке.

Глава 55. Лиз

Гнетущая атмосфера в хижине стала еще более напряженной.

— Я спать, — громко зевнула Хелена. О ее смертельной усталости свидетельствовала сгорбленная поза. Помада давно стерлась, под глазами залегли похожие на синяки темные круги.

Поскольку в хижине было всего четыре спальных места, Эрик положил свой туристический коврик возле печки.

— Лягу здесь, — сказал он и вышел наружу.

Не успел он закрыть за собой дверь, как Лиз наклонилась к подругам и прошептала:

— Что скажете? Думаете, безопасно с ним в одной хижине находиться?

Хелена помотала головой.

— Ты же видела, как люди на него среагировали, когда он вошел в приют три дня назад. Даже его собственный брат испугался.

Лиз кивнула, вспомнив ссору Эрика с родителями Карин у озера.

— Тогда будем спать по очереди. Я первая подежурю.

Нахмурив лоб, Мэгги с опаской глянула на

дверь.

— Полагаешь, он имеет какое-то отношение к кокаину?

Лиз пожала плечами.

— К чему тогда все эти вопросы? С какой стати ему расспрашивать нас о пещере?

— Есть только один способ узнать ответ. — Джони показала на его рюкзак. — Если он забрал кокаин, то положил в мешок.

— Ты уверена? — прошептала Мэгги.

Джони кивнула.

— Сама проверю. Постой у двери, подстрахуй…

Не успела Джони договорить, как дверь широко распахнулась, и в хижину ввалился Эрик, застегивая на ходу молнию на брюках. Он разложил свой спальник и лег. Подругам ничего не оставалось, как занять свои лежаки и накрыться одеялами, которые Мэгги обнаружила в одном из шкафов.

Лиз проверила свечи, огонь в печке и забралась на верхнюю полку. Лежа на сбившемся в комья матрасе и слушая вой ветра за окном, она мечтала о чистой одежде.

Джони уснула первая. За ней — Мэгги, а потом и Хелена. Тишину нарушал только треск поленьев в печке. Чувство одиночества накрыло Лиз с головой. При мысли о Патрике она ощутила в

сердце щемящую пустоту. Лежит сейчас в пижаме в их огромной кровати; забыв, что ее нет рядом, водит по привычке рукой. Или — больно кольнула мысль — радостно раскинулся на всю ширину постели и наслаждается свободой? Вдруг он уже вошел во вкус, и «гостевой» развод скоро превратится в настоящий?

Лиз искренне надеялась, что не все утеряно безвозвратно. Она давно перестала верить в чудеса и прекрасно знала, что ощущение влюбленности и бабочек в животе, когда при виде любимого перехватывает дыхание, с годами уходит. Все семейные пары проходят через это. Но они еще могли рассчитывать пусть на редкие, но мгновения счастья.

Лиз смотрела на пляшущие на стенах хижины тени. Что, если она оказалась в этой глуши не случайно? Не случайно отправилась на поиски себя прежней — той, в которую когда-то без памяти влюбился Патрик?

В глазах щипало от дыма. В хижине стало очень жарко.

Зашуршал спальный мешок — Эрик тоже не спал.

Лиз посмотрела на часы. Еще сорок минут, и надо будить Джони, которая займет ее пост.

Она изо всех сил пыталась не уснуть, но мерное похрапывание подруг действовало убаюкивающе, тепло в хижине обволакивало, вскоре пламя свечи растворилось, отяжелевшие веки опустились, и Лиз провалилась в глубокий сон.

День 4

Глава 56. Джони

Джони открыла глаза. Вокруг царила кромешная тьма, слышалось лишь похрапывание подруг. Тяжелое неприятное чувство, похожее на предчувствие беды, сдавило грудь.

В голове стучала одна-единственная мысль: без кокаина ей конец.

Она ненавидела себя, ругала за слабость, но тяга оказалась сильнее. Легко обманывать себя во время гастролей, когда вокруг звучат слова «тусовка», «кайф», «жизнь на колесах». Здесь, среди гор, глупо заниматься самообманом — она страдала от самой настоящей наркотической зависимости.

Джони осторожно села на нижней лежанке. Икроножные мышцы еще не отошли после вчерашнего восхождения. Она спала в шортах и флисовой куртке, но за ночь огонь в печке потух, и хижина остыла. Ее голые ноги быстро покрылись мурашками. Изо рта при дыхании вырывался пар.

Джони босиком на цыпочках двинулась в сторону стула, на котором висела куртка Лиз, осторожно обошла Эрика, который спал на ков-

рике, натянув до подбородка спальник, и сунула руку в карман куртки. Пусто.

Сердце бешено стучало. Без кокаина она умрет.

За спиной зашевелился Эрик — перевернулся на другой бок и поплотнее укутался в спальник. Джони затаилась, перестав дышать. Дождавшись, когда все стихнет, она сунула руку во второй карман и тут же испытала ни с чем не сравнимое чувство облегчения. Пальцы нащупали знакомый сверток.

Она сгребла свою куртку, сунула кокаин поглубже в карман и вышла за дверь, прихватив по пути ботинки. Вокруг белесой влажной пеленой стлался туман.

В поисках укромного местечка подальше от хижины, где ее никто не побеспокоит, Джони двинулась по тропинке вдоль края горы. Обернулась через несколько минут — нет, хижина еще видна, надо идти дальше. Минут через пятнадцать она заметила нависавший над склоном гладкий скальный козырек, похожий на платформу, подвешенную над окутанной облаками высокогорной долиной.

Джони сошла с тропы и заторопилась к новой цели. Ширина платформы не превышала двух метров, и складывалось впечатление, что она

парит в воздухе. Когда-нибудь этот козырек с грохотом обрушится вниз.

Интересно, когда? Через тридцать лет? Завтра или даже сейчас?

С платформы открывался вид на головокружительной красоты пейзаж. Вершины гор пронзали затянутое облаками небо. Сквозь образовавшиеся разрывы проблескивала синяя гладь моря. Далеко внизу, под ногами, тонкой голубой лентой извивалась горная река.

Сжимая в кармане кокаин и чувствуя, как легкий ветерок ласкает лицо, Джони встречала рассвет. Ее вдруг осенило: это же то самое место, фотографией которого они с Лиз украсили обложку школьного реферата по географии! Но вместо чувства душевного подъема от того, что они с подругами воплотили свою чистую детскую мечту, Джони испытала нечто иное. Реальность оказалась куда мрачнее. Поэтому она стоит сейчас в полном одиночестве, не отрывая руки от свертка с кокаином. Прежней Джони Голд больше нет. Зато есть Джони Голд, которая шарит по карманам друзей, бросает в разгар тура своих музыкантов, пропадает, когда в ней больше всего нуждаются близкие, и постоянно лжет.

Каждое сказанное вчера Хеленой слово било на-

отмашь. Подруга не ошиблась. Вместо того чтобы приехать на похороны, она продолжила гастроли и даже не подняла бокал за ее маму. Потеряв счет дням, она жила в угаре собственных страстей.

Ей ничего не стоит предать друзей или выкинуть что-нибудь похуже.

«Интересно, каково это — шагнуть в бездну, зависнуть на мгновение в невесомости среди облаков и соскользнуть вниз?»

Тело подалось вперед к зияющей пропасти. Джони прислушалась к собственным ощущениям. Сердцебиение не участилось, дыхание осталось ровным. Никакого страха. Только пустота.

Еще один шаг.

Остановить ее в этот момент могла только она сама.

Поиски

Лайф расстилает карту на земле, прижав ее по углам коленом и ладонью, чтобы не унес ветер. Все верно — он почти дошел до места, про которое говорили немки. Место знакомое — платформа на горном склоне. От нее до хижины рукой подать.

Сложив карту и сунув ее в карман рюкзака, он продолжает путь.

Порывы дующего в лицо ветра настолько сильные, что трудно дышать. Спина перестала потеть. Лайф слегка подается вперед и находит в ветре некую опору, словно перекладывая на него часть веса.

В ясную погоду видно все на десятки миль вокруг, вплоть до дальних вершин на востоке и до океана на западе. Но сегодня после обеда на горы спустился туман, белой дымкой стекая по склонам.

Лайф в глубине души все еще надеется, что туристки ошиблись. Они шли по нижней тропе и находились от этого места на почтительном расстоянии. То, что они приняли за очертания женского тела, вполне могло оказаться куском тента, который принес ветер. Мало ли что может привидеться в горах? Подобных случаев пруд пруди.

Он делает глубокий вдох и встает на платформу, инстинктивно разводя руки для удержания равновесия. Колючий ветер жалит лицо. В голове вертятся всего два вопроса: что здесь забыла одинокая туристка и почему никто не сообщил о пропаже человека?

Лайф подходит к самому краю платформы и устремляет взгляд вниз.

Глава 57. Лиз

Лиз сразу все поняла, как только обнаружила, что Джони покинула хижину. Ей не потребовалось проверять карман куртки, чтобы убедиться, что кокаина нет. Она допустила непростительную глупость, оставив сверток там. А возможно, просто боялась признаться самой себе, насколько плохо обстояли дела с зависимостью Джони.

Она выбежала наружу и озиралась в надежде поблизости увидеть Джони. Было холодно, и Лиз раскатала рукава куртки, натянув их пониже на кисти рук.

Клочья тумана мешали обзору, но слева на горном хребте явно никого не было. Значит, Джони пошла по тропе, ведущей к лесу.

— Джони!

Одеревеневшие ноги отказывались повиноваться. Сейчас бы спокойно сидеть в хижине, где можно затопить печку, открыть пакетик кофе и строить планы на день.

А не это все.

Лиз потерла глаза костяшками пальцев. Сухость и раздражение никуда не ушли — дым от печки сделал свое дело. Или она плакала во сне?

Веки опухли, да и проснулась она с тяжелым сердцем, все еще думая о Патрике. Но сейчас не время заниматься диагностикой супружеских проблем. Джони нуждается в помощи, нужно срочно ее найти. Задача Лиз — довести подруг до приюта живыми и невредимыми.

Она продолжила поиски, не обращая внимания на боль в коленях.

Лиз обогнула валун с красным указателем в виде буквы «Т», и в ее душе затеплилась искорка надежды, что совместными усилиями им удастся спустить Мэгги вниз до наступления темноты. И вдруг взгляд упал на каменный козырек, выступающий над склоном горы. На платформе стояла Джони. Лиз испытала внезапный прилив радости — она узнала это место: вершина из их реферата!

Однако восторг длился недолго. Кровь застыла в жилах, когда она поняла, что Джони стоит на самом краю козырька и заглядывает в пропасть под ногами. Одно неловкое движение…

Лиз не рискнула окликнуть подругу, боясь ее испугать.

Джони вытащила что-то из кармана, повертела предмет в руках, размахнулась и бросила его в бездну.

Глава 58. Джони

Джони отошла от края платформы и увидела Лиз — щеки раскраснелись, волосы растрепались, на лице застыл испуг.

Лиз остановилась перед платформой и протянула Джони руку.

— С ума сошла?! Стоишь на самом краю!

И уже давно, горько усмехнулась про себя Джони, глядя на протянутую руку. Она словно оказалась на распутье: перед ней — верная Лиз, готовая без раздумий протянуть руку помощи, за спиной — зияющая пропасть. Сердце сжалось. Ну конечно, куда же без Лиз, ее вечного ангела-хранителя!

Как за спасительную соломинку, Джони ухватилась за руку подруги, которая сразу заключила ее в свои теплые объятия.

— Все хорошо? — спросила Лиз, заглядывая ей в глаза.

Джони обратила внимание на свежесть кожи Лиз и невероятное сияние ее глаз. Интересно, каково жить в ее мире: знать, что тебя безумно любят двое детей и муж, заботливо готовящий на ужин собственноручно выращенные овощи;

ежедневно по-настоящему помогать людям; торопиться по вечерам домой просто потому, что тебя ждут. Такая жизнь — благодатная почва, в которую что ни посади, все дает богатые всходы.

— Пожалуйста, ответь. — Слова Лиз вывели Джони из оцепенения.

О Лиз! Легко представить, с каким видом она сидит в своем кабинете в поликлинике, сосредоточенно слушая жалобы пациентов, и как складываются в букву «V» межбровные морщинки, когда она решает, что им назначить.

Лиз всегда и всем пытается помочь; а ведь есть люди, которых уже не спасти.

— Лиз, никогда не забывай, что я люблю тебя, — промолвила вдруг Джони. — Я знаю, что подруга из меня паршивая и моя безумная жизнь давно вышла из-под контроля, но я люблю тебя. Прошу, не забывай.

Лиз сильнее прижала ее к груди.

— Я знаю, Джони, знаю…

— Я вытащила из твоей куртки кокаин.

Лиз кивнула.

— Но не нюхала его. Смотри, я выбросила сверток. — Джони повернулась и показала рукой вниз. В том, что она смогла пересилить себя и избавиться от порошка, Джони видела симво-

лический жест, который мог бы ознаменовать начало жизни с чистого листа. Сверток, к сожалению, упал на выступ на глубине не более двадцати метров. Но это было неважно. Главное — она превозмогла себя.

— Молодец!

Лиз никогда не скупилась на похвалы, и Джони знала, что они шли от души. Желание Джони усидеть на двух стульях — записывать хиты, вести гастрольную жизнь, баловаться наркотиками и в то же время быть частью уютного мира ее лучших подруг — было из разряда несбыточных, но Джони твердо решила попробовать совместить несовместимое.

— Хочу начать все сначала: завязать с веществами, навести порядок в голове, отдохнуть и научиться, наконец, принимать решения, о которых впоследствии не буду жалеть. Что думаешь?

— Ты уже начала, — заверила ее Лиз.

Джони улыбнулась, чувствуя, как мрачные мысли начинают отпускать.

Лиз огляделась.

— Это же то самое место из нашего проекта!

— Оно! — подтвердила Джони и приобняла подругу за талию.

— И пусть наша пешая прогулка пошла совсем

не по плану, у нас все равно все получилось. Меня распирает от гордости!

— И меня.

С головокружительной высоты они окинули взглядом окрестности. Сгустившийся туман почти скрыл из виду петляющую у подножия горы речку. Холодный и плотный, он парил над горой, густыми клубами растекаясь по ее поверхности.

Джони вдруг осознала, что видимость резко ухудшилась.

— Что-то мне не нравится этот туман. Как будем спускаться с горы? Думаешь, Мэгги справится?

— Иного выхода нет. Если телефон не поймает сигнал…

— Может, Эрик поможет? Ты ему доверяешь?

Лиз неуверенно пожала плечами.

Джони достала из кармана телефон и, включив его, поняла, что батарея умирает. Остался один процент зарядки — и ни одного заветного деления.

— Дай быстро гляну на карту. Надо посмотреть, сколько осталось до приюта.

Джони протянула подруге телефон, но вместо значка «Галерея» Лиз случайно задела иконку «Сообщения».

Девушка уже собиралась смахнуть изображе-

ние, как вдруг что-то на экране привлекло ее внимание.

— Патрик?! — в недоумении спросила она.

Джони быстро глянула на экран.

— В чем дело?

— Ты что, переписывалась с Патриком… — Лиз глянула на дату и время отправки сообщения, — …три дня назад?

По спине Джони прошел холодок.

— А… это. Он выразил удивление, что я в конце концов присоединилась к вам.

Лиз пристально смотрела на подругу. На лбу появилась суровая межбровная складка.

— Я ему ничего не говорила. Он не знал о твоем приезде.

Во рту у Джони пересохло.

Лиз занесла палец над сообщением.

— Не надо, прошу!

— Что не надо? Читать сообщение, которое мой муж отправил тебе?

— Это лишь…

Слегка наклонив голову, Лиз сверлила подругу взглядом.

— Пожалуйста, Лиз! Умоляю…

Но было уже поздно. Лиз открыла сообщение и принялась его читать.

Бледная как мертвец, Джони застыла от ужаса. Сколько их там? Что-то около дюжины? Ну почему она их сразу не удалила? Хранила как доказательство случившегося между ними?

И теперь сама себя поставила под удар.

Патрик Уоллес. Ее первая школьная любовь. Только он умел так искренне улыбаться. Только он умел так смеяться — громко и заразительно, запрокинув голову. Только он умел по-настоящему, каждой клеточкой своего тела, слушать людей.

Джони видела, как Патрик на нее смотрит, и видела, как сходит по нему с ума Лиз, которая болтала о нем часами. Неудивительно, что к моменту ее знакомства с Патриком Джони знала о парне почти все: что «Green Day» — его любимая группа, а бег и скейтбординг — любимые виды спорта. Еще она знала, что он ненавидит сидеть дома.

В то лето, когда им исполнилось восемнадцать, старший брат Лиз закатил грандиозную вечеринку. В числе гостей был и Патрик. Он весь вечер ходил за Джони по пятам, а потом застал ее в саду с сигаретой в руках. От него пахло свежестью и чистотой: аромат зубной пасты перемешался с запахами мыла и стирального порошка. Джони знала, что нельзя уводить парней у лучших по-

друг, но, когда он приобнял ее за спину, все ее убеждения растаяли, как снег весной.

Когда Джони со слезами на глазах призналась во всем Мэгги, та сжала ее руку и успокоила:

— Через месяц ты уедешь. Таких парней у тебя будет сотни.

И она не ошиблась. Патрик был мальчишкой, а ей был нужен тот, кто способен брать на себя ответственность.

Она отправилась колесить по миру. А когда вернулась два годя спустя, Лиз и Патрик уже были парой.

Глядя на них, она, как мантру, повторяла про себя одни и те же слова: «Значит, так суждено». Они подходили друг другу — Патрик с его улыбкой из рекламы зубной пасты и Лиз с ее одержимостью работой и любовью к порядку.

Но каждый раз, оставаясь с Патриком наедине, Джони улавливала проскальзывающую между ними неловкость, боясь облечь в слова свои подозрения. Она делала вид, что ей померещилось. И на протяжении многих лет все шло хорошо. Патрик и Лиз поженились, родились близнецы. Молодой отец с неподдельной гордостью и обожанием смотрел на свою семью. Он любил Лиз всей душой, и, чтобы хоть как-то потушить пожар

в сердце, Джони довольствовалась объятиями других мужчин, отдавала себя без остатка музыке и искала утешения в пришедшей славе.

Но то, что тлеет, может легко разгореться.

Лиз закончила читать сообщения и подняла глаза на Джони.

Взгляд Лиз не был гневным или суровым. Ее словно обухом по голове ударили. На лице читался испуг.

Глава 59. Лиз

Сердце колотилось в горле, кровь бешено стучала в ушах. Лиз тупо смотрела на сообщения. Перед округлившимися глазами всплывали и растворялись слова. *Дублин… Номер в гостинице… Лиз не узнает.*

Лиз моргнула и помотала головой.

Нет!

Пожалуйста, только не это!

Патрик знал Джони с тех пор, как познакомился с Лиз. Он уважал Джони, умел ее рассмешить, опекал и всегда был готов встать на ее защиту. Но Лиз настойчиво убеждала себя, что как женщина ее подруга его не интересовала.

С чего она это вообще взяла? Прошлым летом самый авторитетный женский журнал присудил ей почетный титул самой красивой женщины планеты. Они с Патриком тогда посмеялись над этой новостью, пока готовили на кухне кесадилью.

Лиз подняла взгляд на Джони. В лице ни кровинки, губы пересохли.

— Дублин… — прошептала Лиз. — Когда я вернулась в гостиницу с мигренью, вы двое… — Она

не смогла закончить предложение.

Когда они уже были за кулисами после концерта, мигрень возвестила о своем появлении белыми всполохами перед глазами. Лиз отказалась идти на вечеринку. Джони тогда очень расстроилась, и Лиз в качестве утешительного приза предложила ей пойти с Патриком.

Патрик переспросил: «Может, я все-таки вернусь с тобой в гостиницу?»

Однако Лиз оказалась непреклонна: «Я возьму такси. Сходи, развейся! Завтра расскажешь, как все прошло».

Долго уговаривать не пришлось. Патрик всегда любил тусовки. Лиз обычно не возражала, когда он возвращался домой далеко за полночь, а наутро просыпался с головной болью и ходил по дому притихший. Получается, она отправила их веселиться — Джони в сценическом гриме и сверкающем платье и Патрика, своего такого надежного и красивого мужа, — а сама села в такси и вернулась в гостиницу, даже не догадываясь, что собственными руками только что поставила волка в пастухи.

Глава 60. Джони

Грудь Джони сдавило еще сильнее. Перед ней стояла Лиз, а за спиной затаилась зияющая бездна: пространство, сулящее удар о землю и забвение.

Тихим, дрожащим от волнения голосом Лиз спросила:

— Ты спала с Патриком?

Джони опустила глаза и несколько раз сглотнула. Она уставилась на собственные ноги — кожа покрылась мурашками, шнурок на ботинке развязался. Холодный ветер щекотал шею.

Дублин… Джони считала дни до концерта: знала, что на него приедут Лиз и Патрик. Во время того концертного тура она дошла до ручки и была на грани срыва, поэтому с нетерпением ждала встречи с друзьями. Когда после концерта Лиз из-за мигрени отказалась пойти на вечеринку, Джони чуть не завыла от разочарования. Вся ее жизнь летела в тартарары — она утратила душевный покой и принимала наркотики, — а Лиз была ее спасательным кругом. И когда подруга предложила: «Пусть Патрик пойдет с тобой», — Джони уцепилась за него как за соломинку.

Она представила Патрика ребятам из группы словами: «Патрик Уоллес, мой старый друг». Кай, ее агент и на тот момент уже по совместительству любовник, попытался утащить Джони за собой и приготовил дорожку. Но она наотрез отказалась идти с ним. Ей была нужна ясная голова, чтобы в полной мере насладиться общением с другом.

«Даже не предполагал, что ты знаешь слово «нет», — прошептал тогда Кай и добавил: — Оставлю угощение на прикроватном столике на случай, если передумаешь».

В это мгновение Джони испытала острое желание свалить с вечеринки.

«Давай сбежим», — предложила она Патрику и потянула его за собой.

Так они оказались в полумраке гостиничного бара, где шансы быть узнанной сводились почти к нулю. Сидели на холодном кожаном диване и пили пиво. Джони так и не сняла расшитое блестками концертное платье, и Патрик накинул ей на плечи свой пиджак, источавший аромат мыла и свежести. Запах навевал воспоминания о доме Лиз и был таким родным, что Джони поплотнее укуталась в пиджак, поджав под себя голые ноги.

«Рассказывай, как поживаешь». — В прозвучавшем в полной тишине голосе Патрика было

столько искренности, а в глазах — неподдельного интереса, что Джони показалось, будто он видит ее насквозь.

Ничего не тая, она рассказала ему о тяготах гастрольной жизни, об ушедшем вдохновении и о гнетущем чувстве вечной тоски. Он держал ее ладони в своих, и в какой-то момент Джони почувствовала, как по коже пробежал электрический ток. Патрик посмотрел на их переплетенные пальцы и, сглотнув, сказал: «Не уверен, что это правильно».

Горячая волна прокатилась по ее телу, и, прежде чем Джони осознала, что делает, она наклонилась и жарко поцеловала Патрика в губы.

Мир вокруг взорвался тысячей искр. Никакой наркотик не мог сравниться с заставившим трепетать каждую клеточку ощущением. Огонь и сладостная дрожь пробежали по всему телу Джони. Нежность переполняла сердце и лишала воли. Томление нарастало, в голове стучала единственная мысль — пусть этот волшебный миг длится вечно.

«Прости, — сказал Патрик и спрятал руки под мышками, словно иного способа вернуть над ними контроль у него не было. — Нельзя…»

«Я знаю», — ответила она тогда. Дороже Лиз и

Патрика в ее жизни не было никого. Она не могла потерять их.

Тем не менее охватившее ее желание отключило голос разума… осталось только тело. Их губы снова встретились, и она поняла, что их желания совпадают. Большего кайфа в жизни она еще не испытывала. А уж в вопросах кайфа Джони Голд разбиралась неплохо.

Бар находился в отеле. Дело оставалось за малым — подняться в комнату. Кто отказывается от вина, когда уже поднес бокал к губам?

Джони громко выдохнула.

И вот теперь Лиз стояла перед ней и требовала ответа на вопрос, *спала ли она с Патриком*.

Глава 61. Лиз

— Да, — тяжело выдохнула Джони, — мы переспали.

Лиз закрыла лицо руками. Джони что-то говорила, извинялась, но она не слышала ни одного слова — в глазах стояла картина, как лучшая подруга занимается сексом с ее мужем.

И я сама предложила ему временно пожить отдельно. Сама. Никто за язык не тянул. Она-то считала, что все под контролем, что нашла отличное решение. Ни дать ни взять психоаналитик! Надела медицинский халат и подошла к лечению выявленной в процессе диагностики патологии со всем профессиональным рвением. Каждый мало-мальски образованный специалист знает, что проговаривание проблемы — уже половина ее решения. Поэтому они с Патриком все подробно обсудили, и она с легкой душой предложила мужу на время разъехаться.

Когда он с лету согласился, в сердце больно кольнуло, словно из него вырвали кусок. Однако Лиз убедила себя, что разлука пойдет им на пользу. У Патрика будет возможность осознать, как сильно изменится его жизнь, причем не в

лучшую сторону, после расставания с ней. А это в конечном счете укрепит и закалит их отношения.

Теперь она увидела ситуацию в новом свете.

Джони Голд.

Чуть раньше Лиз застала подругу за разговором по телефону. Та говорила очень тихо, завидев Лиз, побледнела и шепотом бросила в трубку: «Мне нужно идти». Лиз она тогда сказала, что говорила с Каем.

А на самом деле с Патриком.

Лиз еще не чувствовала себя такой уязвимой. В ее дом прокрался волк в овечьей шкуре.

Почему-то вдруг представилось, как ее семья завтракает с утра. Дети улыбаются счастливыми улыбками, Патрик колдует у плиты, а вот на ее месте сидит Джони…

— Зачем?! Хочешь забрать моего мужа? Мою семью?

— Нет! Я бы никогда…

— Тем не менее ты спишь с моим мужем, шлешь ему сообщения!

Джони закусила нижнюю губу.

— Почему именно Патрик?! За что?!

В школьные годы Лиз смотрела с открытым ртом, как все мальчишки роем вились вокруг

Джони. Была в ней какая-то особая притягательность. Возможно, секрет заключался в ее особой манере громко смеяться, запрокинув голову, или в умении заставать ребят врасплох обескураживающими фразочками. Кого-то подкупало ее умение одеваться без оглядки на мнение других людей. Лиз постоянно находилась в тени своей более популярной подруги и вниманием противоположного пола избалована не была, поэтому, когда Патрик остановил свой выбор на ней, другие парни для нее просто перестали существовать.

— Все мужчины у твоих ног! Ты можешь выбрать любого! Ну почему Патрик?!

Джони коротко вздохнула.

— Мне казалось, что я люблю его.

— Люблю?! Не смей даже произносить это слово! Ты тут не песенку на сцене поешь. Это моя жизнь!

Задрожав от свирепой злости, Лиз шагнула вперед. От нее не ускользнуло, как расширились глаза Джони, когда та поняла, что стоит на самом краю обрыва.

Лиз подумала о муже, детях и о тех жалких клочьях, которые останутся от их семьи. В приступе безумного гнева она подняла трясущиеся руки и

вцепилась пальцами в куртку Джони.

Животная ярость застлала разум. Лиз резко подалась всем телом вперед.

Поиски

Лайф стоит на краю обрыва. Ветер обвивает икры прохладой, оттягивает ворот футболки и освежает спину.

Он на месте.

Нет, туристки не ошиблись — на склоне горы женщина. Она неподвижно лежит на боку с выдвинутыми вперед ногами, руки вытянуты вдоль тела.

С того момента, как немки сообщили о происшествии, в его мозгу стучит одна-единственная мысль: *только не она.* Даже сейчас, глядя на женщину, он пытается убедить себя, что, возможно, ошибается. Ведь ее лицо скрыто волосами. Она лежит двадцатью метрами ниже, на выступе над склоном, который далеко внизу заканчивается горной рекой.

— Эй, вы меня слышите? Все хорошо? — кричит Лайф. Понимая, что все очень плохо.

Дрожащей рукой он снимает рацию и вызывает спасателей.

— Я ее нашел, — ставит он в известность Кнута

и передает данные GPS. — Я на вершине. Она не отзывается и не двигается.

— Считаешь, потребуется эвакуация тела?

Лайф сглатывает. Ветер выхватывает его слова изо рта, едва он успевает их произнести:

— Возможно. — И не отрывая от женщины глаз, добавляет: — Где сейчас группа?

— Парни пытаются подобраться ближе по лесовозной дороге.

Лайф добежал до места за три часа. Даже если им удастся сократить путь на несколько километров, они все равно будут здесь не раньше, чем через два часа.

— А вертолет?

— Может появиться через час, а может и через три. Буду держать тебя в курсе. Ты один?

— Да. — Лайф изучает уступы и углубления. К женщине можно подобраться. Он спустится к ней на веревке.

— Что собираешься делать?

— Подберусь к ней поближе.

Сейчас Кнут разразится тирадой о необходимости соблюдать протокол оказания помощи в экстремальных условиях: никакого геройства, четкая согласованность действий между участниками спасательной операции, взаимная

подстраховка.

Ответ Кнута его озадачивает:

— Действуй!

Глава 62. Хелена

Хелену разбудила повисшая в хижине зловещая тишина. Не размыкая глаз, она прислушалась. Ветер за ночь стих. Ни шороха, ни звука вокруг. Огонь в печке давно потух, но запах дыма по-прежнему витал в воздухе.

Резкий приступ тошноты подступил к горлу — такое впечатление, будто в машине укачало. Хелена испуганно открыла глаза. Ребенок!

Первый раз она подумала «ребенок», а не «плод». Слово уже не резало слух и не вызывало ужас. *Ребенок*.

Ощутив новый приступ тошноты, Хелена подумала: *Значит, так ты даешь о себе знать, малыш? Что ж, привет!* Хотела она того или нет, ее тело менялось: гормоны бурлили, метаболизм ускорился, кровоток усилился.

Она бы все отдала, чтобы позвонить сейчас маме и сказать: *Мам, я беременна.* Нестерпимо хотелось услышать родного человека, который обязательно нашел бы нужные слова. Никто не знал Хелену лучше ее мамы. Какие бы расстояния их ни разделяли, стоило Хелене произнести по телефону: *Это я,* как мама по первым звукам

голоса угадывала ее настроение. Мама знала все ее секреты: как от усталости у дочери проступали под глазами темные круги, знала, что та комплексует из-за коленок и поэтому предпочитает носить брюки. Вроде бы мелочи, но именно они были главной ценностью их отношений.

Одиночество — это не отсутствие вокруг людей, а отсутствие людей, способных тебя понять.

Хелена понимала, что никто и никогда не полюбит ее сильнее, чем мама. Потеряв родного человека, она словно утратила часть себя. В груди зияла темная дыра, грозящая поглотить ее целиком.

Следующий приступ тошноты быстро вернул ее в реальность. От неожиданности Хелена выпрямилась и сосредоточилась на дыхании. Мысль о том, что зародившаяся новая жизнь не дала ей утонуть в пучине воспоминаний, молоточком стучала в голове, пока она ждала, когда приступ отпустит.

Хелена встала, протерла глаза и огляделась. Лежанки Лиз и Джони были пустыми. Она недоуменно захлопала глазами и провела ладонью по лицу.

Рюкзак Эрика притулился у ножки стола.

Тишину нарушил невнятный стон. Мэгги!

Она спала на нижнем лежаке, утонув лицом в подушке.

— Мэгз, а где все?

Девушка подняла голову и промычала, что не знает.

Хелена подошла к окну и, спугнув мотылька, отдернула штору. Гребень, по которому они пришли вчера, исчез — густой туман сплошной пеленой окутал весь горный хребет. Хижина словно парила над бескрайним морем облаков.

Чужой незнакомый мир больше походил на западню. Помощи ждать было неоткуда.

Хелена открыла дверь и поежилась. Ветер успокоился, однако температура упала. Ноги покрылись гусиной кожей, а рука потянулась за курткой.

На пороге стояло только две пары ботинок — ее и Мэгги. Хелена босиком вышла на улицу. Камни под ногами обожгли ледяным холодом. Она сделала несколько шагов, привыкая к туману и пытаясь кого-нибудь разглядеть. Вокруг не было ни души.

Дверь за спиной отворилась, и на порог вышла Мэгги. Она нашла метлу и, осторожно опираясь на нее, как на костыль, направилась в сторону Хелены.

— Как думаешь, Эрик с ними?

— Его рюкзак на месте. — Хелена чувствовала какое-то беспокойство, но не могла понять его причину. Боязнь гор? Ожидание беды?

Мэгги наклонилась к уху подруги и прошептала:

— Надо проверить его рюкзак.

— По-прежнему думаешь, что он имеет отношение к тем наркотикам?

— Другого способа узнать правду нет, — пожала плечами Мэгги.

Хелена бросила взгляд на хижину.

— Тогда надо поторопиться.

Они пошли обратно. Хелена склонилась над рюкзаком, расстегнула защелки и, ослабив стягивающий шнур, заглянула внутрь.

— О боже! — прошептала она.

— Что там? — спросила Мэгги.

Сердце Хелены бешено колотилось, нервы были на пределе, и она не заметила, как дверь отворилась и в хижину вошел Эрик.

Глава 63. Лиз

Лиз бежала без оглядки. Вершина горы осталась за спиной. Удары подошв о камни оглушали. Дыхание сбилось, рот безвольно искривился. В голове плавились мысли, хаотично сменяя одна другую. Хвост на макушке рассыпался, и спутанные локоны упали на плечи. Все тело покрылось ледяным потом.

Сквозь сумбур чувств и душевное смятение отчетливо пробивался гнев. По телу проносились жаркие волны. Сердце грохотало.

Она бежала куда глаза глядят. Густая завеса тумана стала непроницаемой, но чертова гора, холодная и равнодушная, никуда не делась.

— НЕНАВИЖУ! — крикнула Лиз в туман, срывая голос и чувствуя, как трескаются губы. Ей хотелось, чтобы скалы зашатались, земля под ногами задрожала и превратилась в пыль. Все, что еще минуту назад было вечным и незыблемым, оказалось нагромождением лжи.

Джони сказала «люблю». Из ее уст это слово прозвучало как богохульство.

Слезы ручьями текли по щекам Лиз. Она годами подавляла внутри себя тревоги и дурные

эмоции, старалась мыслить позитивно, повторяя как мантру, что надо быть благодарной за то, что имеешь, уважительно относиться к людям и поддерживать их, никого не обижать, проявлять в любых ситуациях спокойствие, быть сильной женщиной с активной жизненной позицией. Она и не могла по-другому. Ведь она — Лиз Уоллес. Помогать и вести за собой — ее призвание. На нее надеются, ей верят.

Странный животный звук, напоминающий одновременно и смех, и сдавленный крик, вырвался из ее груди. Той Лиз больше нет!

Прежняя Лиз, держа Джони за грудки на краю пропасти, заставила бы себя остановиться и сделать шаг назад. Она дала бы подруге возможность оправдаться и попросить прощения.

Однако новая Лиз, увидев страх в глазах стоящей на самом краю платформы Джони, испытала чувство злорадства и превосходства. Так ей и надо!

В экстремальных условиях проявляется истинная человеческая натура. Так сказал Лайф, когда они были в приюте.

Она еще сильнее сжала плечи Джони, вдавив большие пальцы в ключицы. И словно впервые смотрела в обрамленные черными ресницами

бездонные карие глаза. Их носы почти соприкасались, когда Лиз прошипела ей в лицо: «Хелена права. Мы для тебя пустое место, потому что у тебя внутри пустота».

Из глаз Джони хлынули слезы.

Лиз чувствовала, как под ее руками бешено бьется сердце подруги, ощущала исходящий от ее тела жар.

И только гора молчаливым свидетелем наблюдала за этой сценой.

Поиски

Лайф быстро закрепляет страховку, вдевает веревку в спусковое устройство обвязки и застегивает крепление. Затем начинает осторожно спускаться. Жалеет, что не надел скальные туфли; трекинговые ботинки с их объемными мысами не очень подходят для скалолазания. Одной рукой он держится за нагруженный конец веревки, второй — за свободный и мягко отталкивается от скалы ногами, чтобы избежать рывков.

Лайф замечает препятствие в виде выпуклости на скале и отклоняется в сторону, чтобы его обойти. Не рассчитав усилия, отталкивается ногами слишком сильно и на обратном пути врезается ногами в скалу. Камень приходит в движение.

Только не падай, пожалуйста.

Однако камень скатывается по почти гладкому склону и падает на выступ, где лежит женщина, — пролетает буквально в нескольких сантиметрах от ее головы и катится дальше вниз, пока не падает в реку у подножия горы.

Лайф делает глубокий вдох, пульс постепенно приходит в норму. Он продолжает спуск, тщательно выбирая опору для ног. Добравшись до платформы, крепит страховку к скале.

Ширина выступа не превышает нескольких метров. Ниже — обрыв.

Проскальзывает мысль, что еще не поздно уйти. Он здесь против воли. Надо подойти к ней, чтобы убедиться в своих подозрениях.

Хотя он и так все уже знает.

Он все понял, когда увидел имена в журнале.

Все понял, когда немецкие туристки описали молодого человека с татуировкой на шее в виде скалы.

Ему уже все понятно, когда он склоняется над ней со словами: «Я здесь. Я помогу тебе». Но кого он пытается обмануть, если сам не верит в собственные слова? Ее поза, цвет волос, тонкие запястья не оставляют сомнений.

Он знает, кто она.

И знал с самого начала.

Лайф убирает волосы с лица женщины и смотрит на ее неподвижное лицо, в ее застывшие глаза. Она ушла в горы с его братом.

— Карин, я помогу тебе, — говорит он.

Глава 64. Хелена

Эрик стоял в дверном проеме. Его руки плетьми висели по бокам, желваки играли на скулах. Из-под стянутой на затылок оранжевой бини выглядывали темные завитки.

— Это как понимать?

Хелена в испуге отшатнулась от рюкзака, подняв руки вверх.

Эрик вошел в хижину, блокируя собою выход. Дверь за ним захлопнулась.

Мэгги выразительно посмотрела на подругу, словно спрашивая: *Что в рюкзаке?*

Хелена бы и рада была отвести ее в сторону и рассказать, но не успела.

— Я, кажется, задал вопрос! — прорычал Эрик.

— Простите, я просто… искала… — Хелена осеклась на полуслове.

Эрику понадобилось всего два шага, чтобы подойти к рюкзаку. Он грубо подтащил его к себе и открыл основное отделение. Заглянув внутрь, рявкнул в сторону Хелены:

— Ты их видела?

Девушка помотала головой.

— Нет! Я не видела ничего!

Она соврала.

В рюкзаке вместо кокаина она нашла пачку писем — их там было несколько десятков — и на каждом написанное от руки имя.

Карин.

Эрик свирепо глянул на Хелену. Мрачная тень скользнула по его лицу. Он неодобрительно кивнул головой, словно упрекая ее за ложь. Сунул руку в рюкзак и достал стянутую резинкой пачку писем.

— Я пишу Карин письма, — промолвил он наконец.

Мэгги с недоумением уставилась на стопку писем. Мужчина провел пальцем по выведенному на конверте имени.

— Понимаете… — начал он тихим голосом, — невозможно… отпустить человека, когда не знаешь, что с ним произошло.

Хелена молчала.

— Поэтому я пишу ей письма.

— Но для чего ты принес их сюда? — тихо спросила Мэгги.

— Чтобы сжечь здесь, в этой хижине, в годовщину нашей последней встречи.

— И мы вам помешали… — договорила за него Хелена, сообразив, почему он не обрадовался

им вчера. Он-то надеялся, что в это время года хижина будет пустой.

Мэгги, с трудом опиравшаяся на здоровую ногу, робко спросила:

— А что в письмах?

Эрик пожал плечами.

— Все, что я не успел ей сказать.

Хелена понимала его как никто другой. Несколько недель после смерти мамы она набирала ее номер и оставляла ей сообщения, хотя знала, что никто и никогда их не прослушает. Эта иллюзия связи с мамой была нужна ей как воздух.

— Простите, я не имела права копаться в ваших вещах, — пробормотала Хелена.

— Скажите хоть, что искали. — Эрик с трогательным старанием обернул стопку писем резинкой и положил ее обратно в рюкзак.

Хелена глянула на подругу, которая пожала плечами, давая понять, что выбора у них нет.

— Кокаин.

— Кокаин?! — Глаза Эрика округлились. — Что ему делать в моем рюкзаке?

Хелена подняла голову.

— Вчера мы наткнулись на находку, которую никак не ожидали обнаружить в горах. Несколько килограммов кокаина.

Эрик раскрыл от удивления рот.

— Кокаин? Здесь?

Она кивнула.

— Мы разбили лагерь на берегу, а когда разразилась гроза, укрылись от непогоды в пещере. Там мы его и обнаружили, в ловушках для омаров.

— Подождите. В той самой пещере, где вы нашли браслет Карин?

Мэгги кивнула.

Эрик провел рукой по затылку, поправляя оранжевую бини.

— А с чего вы вообще взяли, что кокаин мой?

Тщательно подбирая слова, Мэгги ответила:

— Мы встретили тебя на тропе и подумали, что ты шел за кокаином. Когда мы столкнулись в лесу, твой рюкзак был почти пустой, а вчера… ты появился уже с туго набитым мешком.

— Когда мы встретились в лесу и я повел тебя к друзьям, я уже успел разбить лагерь, где и оставил свои вещи и спальник.

— А, теперь понятно. — Краска залила лицо Мэгги.

Вдруг Эрик нахмурил брови.

— Но кто оставил там кокаин? Вы заметили кого-нибудь на берегу?

— Мы видели, как залив покидала рыбацкая

шхуна, но людей в ней не разглядели.

— Как выглядело судно?

Хелена задумалась, вспоминая момент, когда они пришли на пляж.

— Она была красная.

— С белой рубкой, — добавила Мэгги, заправляя за ухо выбившуюся прядь волос.

Лицо Эрика побледнело.

— Лодка Бьорна, отца Карин, — произнес он.

Хелена вспомнила худощавого старика из приюта, на лице которого застыла маска глубокой печали. В столовой он не отходил от жены ни на шаг.

— Хочешь сказать, он занимается контрабандой наркотиков?

— Нет. Я знаю Бьорна двадцать лет. Он всю жизнь снабжал жителей деревни рыбой и омарами. Но когда начались проблемы со спиной, он взялся искать помощника. Местный парень, Остин, выразил желание купить у него лодку.

— Остин? — Мэгги повернулась к Хелене. — Это не тот парень, с которым ты?..

Хелена кивнула. Еще в приюте она заметила, что от него исходит запах моря. Она мысленно вернулась в тот момент, когда, обхватив его ногами, смотрела на заскорузлые руки, сжимающие

ее грудь, на дорогие часы, украшавшие запястье. Она не забыла, каким взглядом он проводил ее напоследок.

— Мы познакомились с ним в приюте, — сказала она Эрику. — Коротко стриженный блондин, верно?

Эрик кивнул.

— Карин тогда вся эта история с покупкой лодки показалась подозрительной. Ловля рыбы и омаров никогда не приносила больших денег. А тут Остин, не торгуясь, выложил за лодку кругленькую сумму. Он редко ходил на ней в море, но все видели, что денег у него куры не клюют.

Эрик вынул из кармана серебряный браслет Карин. В его огромной ладони он выглядел особенно хрупким.

— Вчера, карабкаясь в гору, мы увидели, как в пещеру кто-то вошел.

— Думаете, вас заметили?

Мэгги помотала головой.

— Но они без труда догадаются, что кто-то побывал внутри. Джони забрала с собой пакет кокаина.

— Черт! — выплюнул Эрик.

— После оползня тропу завалило. И иного пути к приюту, кроме как через Блафьель, не осталось.

Кто бы там ни был, он быстро сложит два плюс два.

— Опасаетесь, что пойдут за вами?

— Мы не знаем, — ответила Хелена.

Эрик вперил взгляд в браслет.

— Когда Карин пропала, все почему-то решили, что она возвращалась в приют тем же путем, что и я, то есть сначала спустилась с горы, а потом пошла через лес. А что, если она двинулась в противоположном направлении? Через пляж?

Эрик подошел к окну.

— Вдруг она застала Остина за выгрузкой ловушек? Могла даже пойти за ним в пещеру.

— И обнаружить кокаин… — договорила Хелена.

Эрик кивнул.

Воздух в хижине накалился.

— Я никогда не верил в версию, что Карин могла заблудиться. Она знала эти горы как свои пять пальцев. Карин была опытным и осторожным скалолазом.

Эрик оторвал взгляд от окна и посмотрел на девушек.

— Вы уже имели счастье познакомиться с местными. Они все уверены, что Карин убил я.

Глядя на его поникшую фигуру, Мэгги ощутила,

как сжалось от жалости ее сердце.

— В чем-то они правы. Карин, похоже, действительно убили. Вопрос только кто?

Поиски

Полный ужаса, остекленевший взгляд Лайфа прикован к Карин. Ее искалеченное тело лежит на склоне горы, на темном скальном выступе. Размозженный череп покоится на подушке из зеленого лишайника. В застывших зрачках отражаются бегущие по небу облака. Лицо при падении не пострадало, осталось пугающе чистым и бледным. Морской бриз, наполненный запахами земли, соли и крови, играет прядями у лица и воротничком блузки. Все остальное неподвижно.

Лайф слышит биение собственного сердца. Пульс стучит в горле. Он знал Карин еще ребенком. Вот она стоит перед его глазами — в снегоступах, раскрасневшаяся от мороза, громко зовет приятеля, стоя на противоположном берегу скованного льдом озера.

Девушка ушла в горы с Эриком три дня назад. Брат с воодушевлением готовился к этому походу: с придыханием следил за прогнозом погоды, уложил в рюкзак свечи, запас еды и даже бу-

тылку вина, несмотря на ее внушительный вес. Наконец-то, впервые за долгое время, Эрик был счастлив.

И теперь Карин лежит здесь.

А Эрик пропал.

Что-то не дает Лайфу покоя. Где ее рюкзак? Он окидывает взглядом окрестности. Упал в реку? Если бы ее тело перебросило через выступ, она тоже пропала бы бесследно.

Дурное предчувствие заставляет осмотреть тело более внимательно. Когда он замечает на ее руке четыре синяка в форме сердечек, по коже пробегает мороз. Потом он обращает внимание на спекшуюся кровь под ее ногтями, и во рту становится сухо.

Вдруг просыпается рация. Кнут. Лайф снимает аппарат с пояса, чтобы сообщить: *На несчастный случай не похоже.* Как же ему хочется ошибиться.

Глава 65. Лиз

Лиз даже не пыталась обуздать лихорадочный галоп мыслей. Пошатываясь, она шла вперед. Ее накрыло граничащее с головокружением чувство дурноты. Земля уходила из-под ног. Грудь часто вздымалась, дыхания не хватало.

Лиз прокручивала в голове одну и ту же сцену. Страшно сказать, но она была близка к тому, чтобы столкнуть Джони в пропасть. В какое-то мгновение, когда она держала подругу за плечи, она почти решилась. Хотелось одного — увидеть выражение ужаса на лице подруги, когда ее ноги соскользнут с края козырька и она, раскинув руки, с криком полетит вниз.

Неимоверным усилием воли Лиз заставила себя оторвать руки от Джони и сделала шаг назад. Хотя желание уничтожить соперницу никуда не делось.

Они впились взглядами друг в друга. Затем Лиз сказала: «Между нами все кончено» — и ушла.

Она понятия не имела, сколько времени прошло с того момента. Легкая изморось превратилась в туман и размыла очертания ландшафта, и теперь белые клубы свивались в призрачные

очертания какого-то сказочного мира. Видимость приближалась к нулевой. Лиз потерла лоб, пытаясь собраться с мыслями.

Куда пропал красный указатель? Неужели она сошла с тропы? Кинувшись прочь от Джони, она шла, не разбирая дороги, и теперь потерялась.

Хижины не видно. Вокруг только валуны, скалы и туман.

Сердце бешено заколотилось.

Она попыталась успокоиться и хладнокровно оценить ситуацию. У нее нет телефона, еды и воды. Никто не знает, где она. Но нельзя давать волю панике. «Рано иди поздно туман рассеется, и я найду путь обратно».

Лиз присела на валун, однако быстро встала — из-за нервного возбуждения не смогла усидеть на месте. Внезапно донесся какой-то шорох.

Звук шагов?

— Кто тут? — крикнула она в туман.

Звук прекратился.

— Эй? — позвала она вновь уже не так радостно.

Стали видны очертания человеческой фигуры. Походка показалась знакомой. Постепенно из клубов тумана проступили могучие плечи, мощные ноги в ботинках. Лиз помахала мужчине

рукой.

Поиски

Сеанс связи закончен. Лайф все еще на выступе — сидит на корточках и чувствует, как обвязка впивается в бедра. Еще чуть-чуть — и сердце выскочит из груди. Кожа покрыта холодной испариной.

Вид Карин вызывает страх. Ее тело неподвижно, кожа белая как снег.

От напряжения у Лайфа сводит челюсть.

Эрик, зачем?! — вырывается немой крик.

Лайф думает о больной матери, которая осталась в приюте одна и ждет возвращения сыновей домой.

Он откидывает назад голову, страдальчески оскалив зубы. Ему хочется выплеснуть боль наружу и закричать так, чтобы горы содрогнулись. Но сейчас не время для эмоций. Он делает глубокий вдох и, изловчившись, просовывает руки под плечи и бедра Карин, стараясь не вдыхать аромат ее волос и не смотреть на ее гладкую кожу.

Сердце скачет как безумное. Мысли хаотично мелькают одна за другой, но громче остальных звучит одна: *Выбора нет.*

Лайф напрягается и приподнимает Карин. Все

его мускулы натягиваются как струны, мышцы пресса каменеют. Он натужно ухает и сталкивает тело с выступа.

Как в замедленной съемке, он наблюдает за падением, замечая каждую мельчайшую деталь. Ветер треплет золотисто-каштановые завитки волос девушки. Ее руки раскинуты, словно машут на прощание. Тело почти парит в невесомости. Когда оно ударяется о серебристую поверхность реки, воды радостно его принимают. Наверное, раздается всплеск и шум волны, однако Лайф слишком далеко, чтобы их услышать.

Он стоит неподвижно, не торопится отойти от края выступа. Порыв ветра прижимает футболку к торсу.

Сердце отстукивает безумный ритм. Руки дрожат. От кожи идет жар. Все ощущения настолько обострены, что мешают думать.

Широко раскрытыми, немигающими глазами Лайф смотрит в пустоту. Карин больше нет. Он с радостью вытравил бы из памяти события последней минуты, как хирург вырезает опухоль.

Бьорн и Брит сидят сейчас дома и беспокойно поглядывают на висящие над столом часы. Ждут возвращения дочери.

Отправленные Кнутом спасатели появятся

совсем скоро, и начнется спасательная операция.
В это мгновение Лайф ступает на тропу *лжи*.

Глава 66. Лиз

— Лайф! — с шумом выдохнула Лиз. — Слава богу, это ты!

В надвигающейся из тумана фигуре она сразу узнала Лайфа: на спине рюкзак, лицо серьезное; шорты позволяют разглядеть мускулистые ноги, обутые в трекинговые ботинки.

— Как ты нас нашел? — изумленно моргая, спросила Лиз. — Мы и не думали, что нас ищут. Из-за оползня мы лишились одежды, еды и палаток. У Мэгги травмирована лодыжка. Понятия не имею, как спускать ее вниз. — Чувствуя, что тараторит, она замолчала и сделала глубокий вдох.

— Все хорошо. Что-нибудь придумаем! — Лайф подошел ближе.

Лиз была готова разрыдаться. Она вдруг взглянула на себя глазами Лайфа: волосы всклокочены, лицо перепачканное, ногти забиты грязью…

— Не могу найти дорогу обратно к хижине! Неожиданно спустился туман… и я заблудилась.

— Где остальные? — прервал ее Лайф, переминаясь с ноги на ногу. Лиз заметила, что его мысли явно чем-то заняты, а в голосе проскальзывает раздражение.

— Джони… где-то там. Мы… поссорились… не знаю, где она.

— Вас ведь четверо?

— Мэгги и Хелена должны быть в хижине. Они еще спали, когда я ушла. Твой брат тоже там.

Лайф вытаращил глаза.

— Эрик?!

Она кивнула.

Выражение его лица стало более суровым.

— Что-то не так?

Он бросил косой взгляд через плечо, на челюсти заиграли желваки.

— С какой стороны пришел Эрик? Вместе с вами? Со стороны пляжа?

Лиз помотала головой.

— Он появился, когда уже стемнело. Откуда, не знаю. Думаю, он был на горе раньше нас.

На лбу у Лайфа выступили капельки пота.

— Лайф, в чем дело? Нам что-то угрожает?

Он по-прежнему молчал, и Лиз кожей ощутила подобравшийся вплотную ледяной туман.

Происходило что-то неладное. В этом дерганом человеке было трудно узнать милого доброжелательного парня, с которым они познакомились в баре приюта.

Лиз стало страшно. Всеми правдами и неправ-

дами нужно добраться до девочек.

Раздался сигнал рации. Лайф вытащил из кармана рюкзака портативный приемник, отвернулся и заговорил по-норвежски.

Слова на том конце вылетали как из пулемета. Голос звучал очень жестко.

– *Ja. Det er greit*[7]. — Лайф бросил косой взгляд на Лиз.

По ее коже пробежал мороз.

— Кто это был? — спросила она, когда Лайф сунул приемник обратно в рюкзак.

— Спасатели.

— Ты сказал им, что уже обнаружил меня?

Лайф выглядел очень возбужденным.

— Да.

Что-то в его тоне подсказывало Лиз, что он врет.

— Мне нужно срочно вернуться в хижину.

Лайф окончательно сбросил маску вежливости и свирепо уставился на девушку.

В этот момент Лиз вряд ли бы ответила, за кого она боится больше — за подруг, которые остались в хижине наедине с Эриком, или за себя, оказавшуюся наедине с Лайфом.

---

[7] Сноски: 7
Да, хорошо (*норв.*).

Глава 67. Мэгги

Мэгги посмотрела в окно. Туман сплошной пеленой окутал окрестности. Горные вершины и хребет окончательно пропали из виду. Хижина будто плыла по мягким белым волнам.

— Куда запропастились Лиз и Джони? — с нескрываемой тревогой произнесла Мэгги.

— Что-то случилось, — покачала головой Хелена. — Пойду поищу их.

— Нет! — Мэгги сделала неловкое движение, и приступ боли пронзил травмированную лодыжку. — Одну тебя не отпущу. Слишком опасно.

Сидевший в углу Эрик поднял голову и сказал:

— Я пойду с вами.

Мэгги и Хелена переглянулись, прочитав в глазах друг друга один и тот же вопрос: *насколько ему можно доверять.* Эрик стал изгоем в своей деревне, тем не менее его реакция на браслет и кокаин не вызвала никаких подозрений. Иного выбора, кроме как принять помощь, у них не было.

Хелена долго не сводила с него взгляд, после чего наконец кивнула.

— Хорошо.

— Ты уверена? — Мэгги одолевали сомнения.

Хелена подошла к двери и сунула ноги в ботинки, поморщившись от боли.

Эрик залез в свой рюкзак и, обнаружив искомый предмет, положил его в карман куртки.

— Что это? — спросила Мэгги, заметив блеск металла.

— Перочинный нож. На всякий случай.

Мэгги выразительно посмотрела на Хелену.

— Мы быстро, — заверила та и, желая подбодрить подругу, обняла ее напоследок. Мэгги воспользовалась моментом и прошептала ей на ухо:

— Доверяешь ему?

— Доверять мы может только друг другу, — тихо сказала Хелена и, разомкнув объятия, нормальным голосом добавила: — Не забудь закрыть дверь на засов.

Стоя в дверном проеме, Мэгги смотрела им вслед. Туман был настолько густой, что силуэты Хелены и Эрика уже через несколько метров бесследно растворились.

Мэгги плотно закрыла дверь. В полной, давящей на уши тишине она слышала только биение собственного сердца и завывания ветра за окном.

Глава 68. Джони

Джони сидела, поставив локти на колени и опершись подбородком на ладони. Горячие соленые слезы текли по щекам.

Голые ноги покрылись мурашками, но холода она не ощущала. Она вообще не ощущала ничего, кроме всепоглощающего чувства стыда. Перед глазами стояло исказившееся от боли лицо Лиз, которая словно получила удар ножом в грудь, когда Джони во всем призналась.

Лиз, дороже которой не было в целом свете. Лиз, которая была рядом и в горе, и в радости. Лиз, которая всегда спешила на помощь и была настоящей твердыней.

А она, как последняя дрянь, попрала дружбу, связывавшую их с юных лет.

И ради чего?

Джони на четвереньках подползла к самому краю платформы.

Пакет кокаина лежал на выступе. Исполненная решимости начать жизнь с чистого листа, она швырнула его туда час назад, а теперь ей хотелось одного — забыться, и там лежало спасение.

Можно попробовать спуститься. Местами

склон был почти вертикальным, но должны быть уступы и углубления.

А если она сорвется?

Тогда все просто закончится.

Вглядываясь в бездну, Джони почувствовала головокружение. Для нее и так все закончилось. Сколько людей уже пострадали из-за нее: лучшая подруга, Патрик, Хелена, Мэгги, ребята из группы. Под откос пошла музыкальная карьера.

Череда ужасных поступков привела ее сюда. Она посмотрела на себя глазами поклонников, которые восхищаются ею, мечтая когда-нибудь оказаться на ее месте. Вот только ее саму это место больше не устраивает.

Все, что произошло в Дублине, было большой ошибкой. Она знала это точно так же, как Патрик. Он на один день вырвался из дома, и она сразу преподнесла ему на блюдечке все, чего ему не хватало рядом с Лиз: свободу, музыку, новые ощущения и секс. Для нее же эта ночь стала своего рода выходом на сушу после долгого путешествия по бушующему морю.

Все, что произошло между ними, к любви не имело никакого отношения. Возможно, когда-то она и любила его — давным-давно. Да, Джони переживала за него — исключительно как за друга.

И они оба прекрасно понимали, что в большее их чувства не перерастут. Об этом она и хотела поговорить с ним, когда позвонила после прибытия в Норвегию. Переспала она с ним скорее из любопытства. Ей нужен совсем не Патрик, а человек, который любил бы ее так же сильно, как Патрик любит Лиз.

Ей просто хотелось любви.

И эта горькая правда двигала всеми ее поступками.

У Джони вдруг открылись глаза на себя настоящую. Всю свою жизнь она искала любовь. Она искала ее на сцене, выступая перед публикой и принимая за проявление любви аплодисменты и восхищенные вопли фанатов.

Погрязшая в тумане собственных сомнений, Джони встала и, роняя слезы, двинулась прочь от платформы.

Глава 69. Лиз

По спине Лиз пробежал холодок. Лайф даже не пытался казаться любезным, и ей стало страшно.

— Что происходит? С кем ты только что говорил?

Мужчина был возбужден, его глаза бегали. Проигнорировав ее вопрос, он спросил:

— Где вы прятались от грозы на пляже?

— В пещере, — ответила девушка.

В его глазах сверкнули нехорошие огоньки.

И тут она осознала страшную правду — Лайф пришел за кокаином.

От Лайфа не ускользнуло, как изменилось выражение ее лица.

— Где кокаин? — рявкнул он.

Она вспомнила, как Лайф покорил их в приюте своей обходительностью, когда так увлекательно описывал маршрут, по которому им предстояло пройти.

— Ты?! — остолбенела Лиз.

Лайф с опаской оглянулся по сторонам.

— Кто вас просил лезть куда не следует?

— А как же приют, туристы? Кто бы мог подумать, что…

— Где кокаин? — перебил он.

— Почему не убедил нас поменять маршрут, если все знал наперед?

— По плану товар должны были привезти позже, когда с тропы уйдут последние туристы. Но привезли раньше срока. — Мужчина потер шею. — Где кокаин, который вы украли?

Лиз покачала головой.

— Его нет.

Лайф подошел к ней вплотную. Высокий — на голову выше Лиз, — широкими плечами и пронзительным взглядом он очень походил на Эрика.

— Эрик тоже замешан? — осмелилась спросить Лиз.

— Не хватает одного килограмма. Где он?

Мысли хаотично крутились в голове. Можно попробовать убежать, но куда? Сильный и быстрый Лайф знает эти горы как свои пять пальцев. Он нагонит ее в два счета.

— Выбросили, — призналась Лиз.

— Где?

Она подумала о лежащем на выступе свертке. Если она отведет его туда, может быть, он отстанет?

— Где? — прорычал Лайф еще раз.

— Тут недалеко. Минут пять ходьбы. Джони

выкинула пакет, и он застрял на выступе. Там можно спуститься вниз при желании.

— Веди!

Воздух стал влажным. Ее куртка быстро покрылась мельчайшими серебристыми капельками. Парящая вокруг дымка вязла в распущенных волосах.

Совсем скоро они доберутся до платформы. И что тогда? Хорошо, если Лайф решит воспользоваться висящей на его поясе веревкой и попробует спуститься. Тогда у нее хотя бы появится шанс убежать. Но далеко ли?

В мозгу взорвался фейерверк вопросов. Что будет с Патриком, детьми, их браком?.. Горло сдавило от нахлынувших эмоций.

— Здесь? — рявкнул Лайф, указывая на скальный выступ. Туман полностью поглотил стекающую вниз, на камни, пустоту.

Она кивнула.

— Где сверток?

Лиз осторожно подошла к платформе.

— Там. В тумане не видно. Но он точно там… лежит на выступе…

Стальные пальцы впились ей в плечи.

— Не вздумай морочить мне голову. Хорошие люди пострадают, если я не принесу кокаин.

— Это правда, клянусь всеми святыми!

От человека, с которым она познакомилась в приюте, не осталось и следа. Сдвинув брови и снимая с пояса веревку, Лайф сказал:

— Вот сейчас за ним и спустишься.

Он затянул потуже узел на ее талии.

— Так-то лучше.

Ее коленки тряслись. Она отчаянно мотала головой.

— Пожалуйста, не надо! Я никогда не лазала по горам раньше… Я чуть не упала с гребня из-за головокружения. Я не могу! Давай лучше ты. Я подержу веревку.

Лайф покачал головой.

— Ты убежишь.

Конечно, черт возьми, убежит, — как только он занесет ногу за край платформы. Они оба это знали.

— Не переживай. Веревка держит надежно. Ты просто медленно спустишься. Начни отсюда, здесь не такой крутой склон.

— А если я сорвусь?

— Я тебя подстрахую. — На Лайфе была обвязка, и он прикрепил страховку к скале. — Тебе ничего не угрожает. Все, пошли.

Кровь громко стучала в ее ушах, вертевшиеся в

голове мысли путались. Шагнуть в бездну было для нее смерти подобно. Лиз посмотрела Лайфу прямо в глаза.

— Если я достану кокаин, что дальше?

Он не отвел глаза и ответил:

— Пойдешь на все четыре стороны.

Гарантий, что он сдержит слово, никаких. Но выбора у нее не было. Лиз глубоко вдохнула и подошла к краю платформы.

— Боже, что я делаю…

— Развернись, перекинь ногу через край и найди опору. Потом начинай спуск.

Ее била крупная дрожь, сердце бешено стучало. Она не представляла, как можно оторвать ногу от земли.

— Быстро! — заорал Лайф.

Глава 70. Лиз

Веревка впивалась в ребра. Туман закрывал обзор. Судорожно сглатывая вязкую слюну, Лиз цеплялась за выступы скалы, чтобы удержать правильное положение тела. Ей казалось, что она спускается в пустоту. Наконец левая нога нашла опору, затем правая. Мышцы ныли от напряжения.

Нащупав ногами твердую опору, она решила перевести дыхание. Посмотрела наверх — и ахнула: туман полностью скрыл Лайфа из виду.

Лиз не могла отделаться от ощущения, что угодила в какую-то параллельную реальность и в настоящем мире ее держит лишь привязанная к талии веревка. Волнами накатывал ужас, и ей стоило больших усилий сохранять остатки самообладания. Дыхание сбилось окончательно.

— Не останавливайся! — откуда-то сверху, из тумана, донесся голос Лайфа.

Лиз вздрогнула от окрика и поспешила переставить ноги ниже, но осыпающаяся порода оказалась опорой ненадежной. Пришлось напрячь все силы, чтобы удержать вес тела на пальцах рук. Но пальцы начали соскальзывать

с выступа и предательски разжались. Веревка отклонилась в сторону, и висящая на ней Лиз, не успев выставить вперед руки, со всей силы врезалась в скалу коленом. Мгновенно жгучая боль пронзила ногу. Камень рассек мягкие ткани колена, и по ноге, затекая в носок, хлынула кровь.

Лиз невольно заорала.

— Что случилось? — крикнул сверху Лайф.

Она вцепилась в веревку, понимая, что находится на волосок от смерти.

— Подними меня!

— Ухватись за скалу! — скомандовал Лайф.

Как же не хочется умирать здесь, мелькнула мысль. От ужаса Лиз почти потеряла сознание.

— Хватайся за камни! — снова прогремел голос Лайфа.

Она вцепилась руками в веревку, боясь пошевелиться. Затянутый на ее талии узел доверия не внушал.

— Давай! Я тебя страхую.

Подергивания веревки вывели ее из оцепенения. Вытянув правую руку, Лиз нащупала твердый выступ и зацепилась за него. Затем сделала то же самое левой рукой. Она заметила небольшое углубление, куда поставила ноги. Ее тело покрылось ледяным потом, ноги била

крупная дрожь.

— Получилось?

Она прижалась всем телом к скале, пытаясь собраться с мыслями и успокоиться.

— Пакет видишь?

Он не выпустит ее из рук, пока не получит свой сверток, это она знала наверняка. Лиз сделала глубокий вдох и заставила себя посмотреть вниз.

Пакет кокаина лежал на широком выступе как раз под ней. Оставалось только сделать шаг в сторону, немного опуститься и ухватить.

— Вижу!

Она дождалась, когда веревка перестанет дергаться, и подалась всем телом вправо. Чувствуя, как раздвигается грудная клетка, пальцами попыталась дотянуться до свертка. Черт! Никак!

Не обращая внимания на чудовищную пульсирующую боль в колене, Лиз предприняла вторую попытку.

— Дотянулась?

— Почти!

Упираясь ногами в скалу, она опустилась на несколько сантиметров. В этот раз кончики пальцев коснулись свертка.

Так-то лучше! Сверток был уже в ее руке, когда ослабшие от спуска пальцы перестали слушаться.

Пакет начал выскальзывать из руки.

Лиз сжала пальцы еще сильнее и ухватилась за верхнюю стенку упаковки. Но мокрые пальцы ее подвели, и пакет предательски выскользнул из руки.

Нет, только не это… Туман поглотил сверток.

Звука удара о землю не последовало. Установилась жуткая тишина.

Лиз оперлась руками о поверхность выступа.

— Пакет у тебя? — раздался голос Лайфа.

Во рту все пересохло. Она посмотрела на руки.

Что сейчас сделает Лайф? Поднимет ее наверх или отвяжет веревку?

От страха в горле встал ком.

Успокойся. Думай.

— Лиз, как дела?

Она руками лихорадочно ощупывала поверхность скалы. Нужно найти что-то большое и острое. Лиз заметила в небольшой расщелине заостренный с одной стороны булыжник размером с ладонь и неимоверным усилием его вытащила.

— Кокаин у тебя? — снова крикнул Лайф.

— Да!

Веревка натянулась, и Лиз начала карабкаться наверх.

Глава 71. Хелена

Хелена молча шла следом за Эриком; силы были на исходе, однако бурлящий в крови адреналин заставлял двигаться. Туман на вершине горы показался ей особенно густым и холодным, и она застегнула куртку до самого подбородка.

Девушка шла, вперив взгляд в загорелые ноги мужчины и черную татуировку на его шее. Она предпочла бы остаться в хижине, которая создавала хоть какую-то иллюзию безопасности, но беспокойство за Лиз и Джони вело вперед.

Хелена обернулась в надежде различить в тумане хотя бы очертания хижины. Вокруг были только скалы, огромные серые валуны и голая земля.

Они ушли не так далеко, когда Эрик вдруг поднял руку, призывая ее к тишине. Хелена замерла и напряженно прислушалась.

Откуда-то веял легкий ветерок. А потом она отчетливо различила где-то рядом шарканье ботинок о землю.

Хелена и Эрик притихли.

Звук повторился.

Должно быть, Лиз и Джони!.. Она уже открыла

рот, чтобы окликнуть подруг, но Эрик подал ей знак молчать.

Долго ждать не пришлось. Из-за белой завесы показалась мужская фигура на краю обрыва. На мужчине были шорты, ноги обуты в туристические ботинки. Чуть в стороне на земле лежал рюкзак.

— Лайф?! — удивленно воскликнул Эрик.

Лайф резко обернулся.

Слава богу! — подумала Хелена, но быстро поняла, что поторопилась обрадоваться. Выражение лица Лайфа было очень напряженным и испуганным. Растерянно моргая, он глянул на склон и быстро отвел глаза.

Даже такая неискушенная туристка, как Хелена, быстро сообразила, что более неподходящую погоду для восхождения придумать сложно. Что он тогда здесь делает?

Она покосилась на Эрика, пытаясь прочитать по лицу его реакцию на неожиданную встречу. Тот стоял, нахмурив лоб, и не сводил взгляда с брата.

Хелена подошла поближе к краю и глянула в наполненную туманом бездну.

— Кто там? — спросила девушка.

Лайф стоял в обвязке, ноги в коленях для устой-

чивости согнуты. В каждой руке он держал по веревке.

— Лайф? — Эрик вопросительно смотрел на брата.

Взгляд Лайфа метался от края обрыва к брату и обратно.

Хелена наклонилась чуть ниже.

— Есть кто живой? — крикнула девушка в плотную белую мглу. И внезапно услышала:

— Хелена, это ты?

У Хелены все внутри оборвалось.

— Лиз, о боже! Ты в порядке? Что здесь происходит? — Она повернулась к Лайфу и прошипела: — Быстро ее поднимай!

Лайф не шелохнулся.

Эрик не сводил удивленного взгляда с брата.

Снизу донеслись рыдания. На какой-то миг в тумане мелькнула голова Лиз.

— Я здесь, — подбодрила подругу Хелена. — Мы тебя вытащим! — Она гневно воззрилась на Лайфа. — Кому сказала, поднимай! БЫСТРО!

— Не могу! — наконец ожив, проорал в ответ Лайф. Одной его мускульной силы было недостаточно. Если Лиз не начнет подтягиваться сама, поднять ее будет сложно. — Вели ей лезть вверх!

— Лиз, — позвала подругу Хелена. — Послушай

меня. Ты должна помочь нам. Карабкайся. Я тебя жду. Просто не останавливайся, ясно?

Очень медленно Лиз выплыла из объятий тумана. Она была бледная как полотно, в глазах застыл ужас. Кровь рекой текла по ноге, пропитав насквозь носок.

— Еще чуть-чуть. Не торопись, — попыталась придать ей духу Хелена. Она видела, как тряслись у подруги руки, когда та подтягивала вверх тело.

Когда Лиз была уже совсем рядом, Хелена протянула подруге руку:

— Хватайся!

Отцепившись от камня, Лиз дотянулась до протянутой руки. Хелена мертвой хваткой ухватилась за руку и помогла подруге вскарабкаться на выступ.

— Слава богу! — Лиз прижалась к ней, дрожа всем телом.

— Все позади. Мы вместе, все хорошо… — Хелена помогла ей развязать веревку.

За их спиной Эрик, размахивая руками, что-то громко говорил брату на норвежском.

Лайф молчал. Затем подошел к Лиз и грозно спросил:

— Где кокаин?

Девушка вся сжалась.

— Где?!

Лиз покачала головой.

— У меня его нет.

— Как так?

— Я выронила пакет.

Эрик, мертвенно бледный, застыл на месте.

– *Du?*[8] — спросил он тихо, не веря своим ушам. — Как же так…

— Значит, это ты забираешь товар, который Остин оставляет в ловушках? — Хелена быстро сложила одно с другим.

— Я ничего не знал про кокаин… поначалу. Просто помогал ему кое с чем.

Лицо Эрика побледнело.

— Интересно, с чем?

— Я помогал ему отмывать деньги через приют. Ему нужна была наличка. Учитывая, что через нас проходит большое количество туристов, которые останавливаются на ночь и заказывают еду, схема оказалась вполне рабочей. Нам тоже нужны были деньги. Ты же знаешь, брат, как у нас обстояли дела после смерти отца. Откуда, думаешь, средства на ремонт? Другого способа вернуть бизнес на нормальные рельсы я не видел.

---

[8] Сноски: 8
Ты? (*норв.*)

И не мог позволить, чтобы на моих глазах умерло семейное дело. Это наш дом, в конце концов!

Хелена вдруг вспомнила, с каким воодушевлением Лайф рассказывал им о приюте в первый вечер. Неудивительно, что ради своего детища он был готов пойти на преступление.

Лайф продолжил рассказ:

— Я обещал им помочь с отмыванием денег — один раз. Но когда я попал в их сети, они вцепились в меня мертвой хваткой. Отмывания денег им уже было мало, меня заставили заниматься контрабандой кокаина. — Его голос дрогнул. — Они угрожали расправиться с мамой.

Глаза Эрика от удивления округлились.

— Остин ей угрожал?

Лайф помотал головой.

— Делами заправляет не он, а его отец.

Эрик захлопал глазами и провел рукой по лицу.

— Вильгельм?!

Глава 72. Мэгги

Оставшись в хижине одна, Мэгги застыла у окна в ожидании подруг. Они как сквозь землю провалились. Туман непроглядной пеленой висел над горой.

Мэгги переживала за Хелену. Беременная подруга ушла практически с незнакомцем, не имея при себе ни карты, ни телефона. Сердце стучало все сильнее, дурное предчувствие грызло изнутри. Еще вчера хижина казалась ей островком безопасности, где можно согреться у огня при свете свечей и приготовить еду. Но при дневном свете от хижины веяло запустением и холодом. Свет с трудом проникал внутрь через грязное окно, пол был усыпан пеплом, на подоконнике валялись высохшие насекомые.

Она посмотрела на дверь. Меньше всего ей хотелось сейчас наружу. Однако терпеть дальше Мэгги не могла. Ей нужно в туалет. Пульсирующая боль в лодыжке стала тупой, но каждый раз, когда девушка пыталась опереться на больную ногу, она вскрикивала, словно в щиколотку вонзали нож.

Мэгги дотянулась до метлы, которую использо-

вала в качестве костыля, и медленно доковыляла до двери, где застыла, прислушиваясь к шорохам. Не услышав ничего, кроме звука собственного дыхания, открыла засов и выглянула через узкую щель наружу.

Очертания гор окончательно растворились в тумане, который окутал окрестности густой клубящейся пеленой. На память вдруг пришел рассказ Вильгельма о Блафьеле и «тонких» местах, где вуаль между мирами тонка. Холод проникал сквозь одежду, но к низкой температуре он не имел никакого отношения.

Мэгги испуганно огляделась, внезапно почувствовав, что за ней наблюдают. Никого.

— Кто здесь? — спросил она, напряженно вглядываясь в белую дымку.

В ответ — тишина. Туман был настолько густой, что, уйди она от хижины еще на несколько метров, обратную дорогу уже не найдет.

Все ее подруги ушли в этот туман, и ни одна пока не вернулась.

Не хватало еще заблудиться!.. Мэгги решила срочно вернуться в хижину, закрыть дверь на засов и разжечь огонь, чтобы из трубы повалил дым. Уж он-то точно поможет девочкам отыскать путь обратно.

Спустив брюки и присев на корточки, краем глаза она заметила мелькнувшую в белой дымке тень.

По коже прошел мороз. Она не сомневалась, что видит призрак. Шепот ветра не прекращался ни на секунду.

Мэгги быстро натянула брюки и, опираясь на метлу, двинулась в сторону хижины. Боль в лодыжке пронзала ногу.

Чувствуя, как бешено в груди колотится сердце, она ввалилась в хижину, закрыла дверь и с лязгом задвинула засов. С облегчением выдохнув, оперлась ладонями о дверь и попыталась успокоиться. Несколько мгновений в полной тишине слышалось только дыхание.

Внезапно по спине пробежал холодок. Мэгги замерла, перестав дышать.

Но дыхание по-прежнему слышала.

Девушка обернулась.

На ее месте у окна сидел Вильгельм.

Глава 73. Джони

Совершенно обессиленная, Джони, спотыкаясь, шла вперед. Она дрожала как осиновый лист, зуб не попадал на зуб.

Девушка подняла глаза и различила вдалеке очертания, которые поначалу приняла за очередной огромный квадратный валун; подойдя ближе, она поняла, что вышла к хижине.

Наверное, Лиз уже вернулась и рассказала подругам о том, что натворила Джони. Мэгги, скорее всего, лишилась дара речи, а Хелену колотит от злости. Должно быть, уже участливо обняли Лиз и успокаивают.

В голове крутилась тысяча фраз, которые Джони хотела бы сказать Лиз, и каждая начиналась со слова *«прости»*. Хуже всего то, что проступок Джони скажется не только на Лиз и ее отношениях с мужем, но и на ее близнецах, потому что теперь навсегда отравит атмосферу в их доме. Чувство вины будет преследовать Джони до конца дней. Ей хотелось развернуться и уйти прочь от этого места, но внутренний голос подсказывал, что одна, без воды и еды, и, самое главное, *без друзей* она далеко не уйдет и живой до приюта

не доберется.

В раздумьях, что делать дальше — продолжить путь в одиночестве или набраться смелости и войти в хижину, — она присела у валуна. В голове стучала единственная мысль: без друзей она пропадет.

Глава 74. Лиз

Паника отступила, освобождая место холодному рассудку, и мысль, что шайкой контрабандистов верховодит Вильгельм, отец Остина, медленно вошла в сознание Лиз. Внезапно все части пазла сошлись. Она вспомнила, как впервые увидела Вильгельма сидящим на скамейке в приюте. Он не просто праздно глазел на туристов — он наблюдал за Лайфом, пока тот что-то обсуждал с Остином на повышенных тонах в примыкающей к стойке конторке. И все его рассказы о гиблых местах были всего лишь попыткой заставить подруг отказаться от своих планов по покорению вершины.

— У Вильгельма в Антверпене есть брат, — сказал Лайф. — Он уже много лет в наркобизнесе. Вильгельм отвечает за доставку груза в Норвегию, Остин ему помогает. Для этих целей, чтобы не привлекать излишнего внимания, они и приобрели лодку Бьорна, которую все в округе знают как рыбацкое судно. Заодно и избавились от старика как от ненужного свидетеля. Лишние глаза им на заливе не нужны.

Эрик молчал, потирая костяшкой большого

пальца подбородок.

— Меньше всего мне хотелось иметь какое-то отношение к кокаину. Но выхода у меня не было.

— Если не имеешь отношения к кокаину, зачем заставил меня спускаться за ним? — буркнула Лиз.

Лайф повернулся и посмотрел ей прямо в глаза.

— Вильгельм по рации сообщил, что ваша группа забрала один килограмм порошка, и попросил найти вас… пока он не сделал это сам.

Лайф медленно сглотнул, его ноздри вздрогнули. Лиз поняла, что он боится.

— Остин и Вильгельм тоже нас ищут? — спросила Лиз.

— Остин двинулся с грузом дальше по побережью.

— А Вильгельм?

Лайф медленно кивнул и огляделся вокруг.

— Где-то здесь…

— О боже! — вскрикнула Хелена, закрыв ладонями рот. — Мэгги осталась в хижине одна.

Глава 75. Мэгги

В полумраке душной хижины Мэгги уставилась на Вильгельма. Он сидел, сложив руки на груди. Клетчатая рубашка была застегнута под самое горло. Мужчина с любопытством разглядывал Мэгги. На его тонких губах играла легкая улыбка.

Мэгги слышала быстрый, громкий и настойчивый стук сердца, почувствовавшего грозящую опасность. Она все поняла без слов, взглянув на стоящий у его ног рюкзак, который, судя по всему, до отказа был набит кокаином.

Вильгельм расцепил свои грязные руки и положил их на колени. Затем подался вперед, и стул под ним жалобно заскрипел.

— Я же просил вас вернуться… Вы не прислушались к моему совету, — разочарованно произнес он.

Мышцы девушки напряглись.

— Получается, зря я вам про Блафьель рассказывал.

— Ага, «тонкие» места… таинственные силы… — прошептала Мэгги. — Все чистой воды ложь.

— Вы проигнорировали мои предостережения и вляпались в нехорошую историю. — Вильгельм тяжело вздохнул, поднялся на ноги и добавил: — Точно так же, как Карин.

Кровь в жилах Мэгги застыла.

— Вы заварили кашу, которую мне теперь расхлебывать.

Волосы на ее голове встали дыбом.

— Но у меня нет кокаина. Его вообще больше нет.

Мужчина поправил кепку на голове.

— В этом-то и проблема.

Глава 76. Хелена

— Мэгги там совсем одна. Я велела ей запереться в хижине, — пробормотала Хелена.

Лиз с мертвенно-бледным лицом произнесла:

— Джони тоже не могла уйти далеко.

Хелена обратилась к Лайфу:

— У тебя есть рация. Вызывай спасателей.

Лайф, который в этот момент снимал с себя обвязку, на мгновение замер.

— Нет!

— Нашим друзьям угрожает опасность!

Эрик нахмурил лоб.

— Лайф, отдай им рацию.

— Не могу.

— Бред какой-то! — возмутилась Хелена. Недолго думая, она подскочила к Лайфу и, не дав ему опомниться, ловко вытащила рацию из кармана его рюкзака.

— Куда? — возмутился он и попытался выхватить трубку у нее из рук, но прикрепленная к страховке обвязка ему помешала. — Верни, кому сказал!

Времени на долгие раздумья не было, и Хелена крикнула:

— Лиз, беги!

Лиз вскочила на ноги как ошпаренная.

— Стой! — закричал бросившийся им вслед Лайф.

Сжимая в руке рацию и отчетливо слыша удары собственных ног о каменистую землю, Хелена побежала рядом с Лиз. Хижина была где-то рядом. Оставалось добежать до нее первыми и запереться изнутри. А там они сообразят, как вызвать спасателей по рации.

Хелена услышала, что Лайф их нагоняет, и обернулась. Тот был почти рядом.

— Быстрей! — Лиз схватила подругу за руку.

— Стоять! — заорал Лайф.

Сердце девушки ушло в пятки, по телу разлился леденящий душу страх. Хелена уже чувствовала дыхание преследователя. Еще секунда — и он ее схватит.

Она успела сделать еще пару шагов, прежде чем его рука вцепилась в спинку куртки и Лайф резко дернул девушку назад.

Хелена бросила рацию Лиз.

— Лови! — пронзительно крикнула она.

Лиз на ходу поймала трубку и продолжила бежать.

Лайф уже собирался помчаться за ней, но в по-

следний момент решил сменить тактику. Правой рукой он резко обхватил горло Хелены, а левой вытащил из кармана нож.

— Лиз! — жалобно позвала Хелена.

Лиз обернулась и от увиденного остановилась как вкопанная.

Лайф приставил нож к горлу Хелены.

— Верни рацию! Кому сказано!

— Не вздумай! — крикнула Хелена. — Вызывай спасателей!

— Заткнись! — рявкнул Лайф, и Хелена ощутила холодное лезвие ножа.

Из тумана возник Эрик, который все это время бежал за ними. При виде ножа его глаза округлились от удивления. Он заорал что-то по-норвежски.

Лайф никак не отреагировал.

— Лиз, верни рацию. И я ее отпущу.

Лиз застыла в нерешительности.

— Эй, ты точно мой брат? Опомнись! Что с тобой? — не веря происходящему, произнес Эрик. — Дай им позвонить!

Хелена чувствовала лихорадочное биение сердца в груди Лайфа, стальную силу его мышц и понимала, что непоправимое может произойти в любую секунду.

— Спасатели не пришлют сюда людей, — прошипел Лайф. Его горячее дыхание обожгло ей ухо. — Все намного серьезней, чем вы думаете.

Эрик нахмурил лоб.

— Что ты имеешь в виду? — Он снял оранжевую бини, потер затылок и снова надел шапку.

Хелена чувствовала, как дрожит сжимающая нож рука Лайфа. Его трясло от страха.

— На ваш вызов ответит Кнут, координатор спасателей. А он имеет к этой схеме самое непосредственное отношение.

Эрик решил, что ослышался.

— Что?!

— Они с Вильгельмом уже много лет занимаются мутными делишками. Раньше перевозили кокаин из Швеции; потом власти ужесточили пограничный контроль и проверку грузов, поэтому теперь они доставляют товар морем, используя пещеры. Все начиналось с пары поставок в мертвый сезон, когда нет туристов. А сейчас они работают с размахом. Если вы свяжетесь с Кнутом, он не спасателей пришлет, а передаст ваши координаты Вильгельму. Или кому-нибудь еще. Я и сам не знаю, кто с ними в доле и кому можно доверять.

Нож по-прежнему был у горла Хелены. Лезвие

прижималось к тонкой золотой цепочке, на которой висел кулон в форме подковки.

— Тогда я наберу кого-нибудь другого, не Кнута? — сказала Лиз.

— Это тебе не спутниковый телефон, а рация для вызова спасателей. Никого «другого» не существует.

Лиз неуверенно посмотрела на трубку.

Лайф сокрушенно покачал головой.

— Какого рожна вас вообще понесло в пещеру?

В разговор вмешался Эрик:

— А ты в курсе, что кокаин в пещере оказался не единственной находкой? — С этими словами он вынул из кармана браслет Карин.

Лайф вытаращил глаза.

Что-то в выражении лица брата заставило Эрика заподозрить неладное.

— Стой! Ты все знал?

— Нет… я… короче…

— Ты лжешь!

Лайф сделал шаг назад, увлекая за собой Хелену, к шее которой еще сильнее прижал нож.

Лиз лихорадочно переводила взгляд с одного брата на второго. Воздух дрожал от напряжения. Пытаясь заговорить Лайфу зубы, она сказала:

— Мы нашли браслет Карин в пещере. Она тоже

узнала про кокаин?

— Да, нашла его там, — прохрипел Лайф. — Вильгельм все понял и проследовал за ней на Блафьель.

«История повторяется», — с горечью подумала Хелена. Глядя с горы на пещеру, они, скорее всего, видели именно Вильгельма.

— Он нагнал Карин уже на вершине. Она сняла рюкзак и сидела вон там, над рекой.

Эрик побледнел.

— Это он столкнул ее вниз?

Лайф громко сглотнул.

— Да.

Эрик ухватился за голову так сильно, что пальцы рук побелели, а татуировка на шее натянулась и перестала напоминать вершину скалы.

— Мне очень жаль, — произнес Лайф.

Голова Эрика раскачивалась из стороны в сторону, как у раненого зверя.

— А как же рассказ немецких туристок? Они прибежали в приют, сказали, что ниже, на выступе, заметили тело женщины. Их слова слышали многие. И ты… отправился на поиски.

— Когда я побежал в горы, я понятия не имел, что речь о Карин.

— Ты же сказал, что поднялся на самую вер-

шину. Нашел выступ, о котором они говорили, и понял, что туристки ошиблись: за тело женщины приняли принесенный ветром кусок тента… — Его голос по-детски задрожал. Младший брат всегда смотрел в рот старшему. — Это же твои слова!

Повисла мучительная пауза.

— Значит, ничего они не ошиблись? Это была Карин?!

Лайф тяжело вздохнул.

— Да, Карин. Ее тело упало на выступ. Я спустился к ней, но она была мертва. При падении с такой высоты шансов выжить практически нет.

— И ты промолчал…

— Я не мог…

— Но почему?!

— Когда я добрался до нее, то вышел на связь с Кнутом.

Хелена почувствовала, как Лайф незаметно для себя слегка ослабил хватку. «Продолжай говорить», — мысленно взмолилась она.

И Лайф продолжил:

— Кнут сказал, что спасатели прибудут с минуты на минуту и я должен избавиться от тела.

Эрик прищурился, глядя брату прямо в глаза.

— Что ты сделал?

— Ты не понимаешь! Они убили бы меня, маму, тебя!

Сжимающая нож рука Лайфа опустилась ниже.

Хелена осторожно шагнула в сторону. Внимание Лайфа целиком и полностью было приковано к брату.

— Она была мертва! Ты понимаешь?

— Что ты с ней сделал? — угрожающе надвигаясь, повторил свой вопрос Эрик.

— У меня… не было выбора, — пролепетал Лайф, подняв ладони. Нож выпал из его руки и упал на землю.

— Что ты с ней сделал? — прорычал Эрик. Он схватил брата за плечи и начал трясти.

Лайф сделал шаг назад, но споткнулся и упал. Эрик обрушился на него всем телом.

— Прости…

— Отвечай! — заорал, брызгая слюной, Эрик. Краем глаза он заметил лежащий на земле нож, схватил его и занес над Лайфом. — Что ты сделал с Карин?

Слезы бежали по щекам Лайфа. Даже не пытаясь сопротивляться, он тяжело вдохнул и, глядя брату прямо в глаза, сказал:

— Я столкнул ее тело вниз.

Оскалившись, Эрик издал страшный звериный крик, полный отчаяния и гнева. Сжимающая нож рука сильно затряслась.

— Все думали, что ты герой, который без раздумий кинулся на спасение Карин. А ты от нее просто отделался!.. Вся деревня считает меня виноватым в ее исчезновении. Меня обвиняют в убийстве. И ты, мой родной брат, спокойно с этим живешь!

Эрик занес руку с ножом.

Лайф перевел взгляд с Эрика на нож и, сглотнув, дрожащим голосом произнес:

— Давай! Убей меня!

Рот Эрика исказила гримаса боли, и он нанес удар.

Глаза Лайфа расширились от ужаса.

Эрик вонзил нож в землю в дюйме от шеи брата.

Лайф медленно моргнул.

Воцарилась полная тишина, только легкий ветерок гонял клочья тумана.

Эрик слез с брата, дополз до валуна и сел, привалившись к нему спиной и подтянув ноги к груди.

Лайф лихорадочно хватал ртом воздух. По его лицу текли слезы.

— Эрик, прости меня… Мне очень жаль… Я хотел признаться… Трудно с этим жить… Я виноват перед тобой… — Лайф подполз к брату и, схватив его за голову, притянул к себе, пока их лбы не соприкоснулись. — Я все исправлю.

Эрик молчал.

Хелена взглянула на Лиз.

Они поняли друг друга, молча развернулись и помчались прочь.

Глава 77. Мэгги

Вильгельм с похожей на оскал улыбкой смотрел на Мэгги.

— Думаю, нам пора прогуляться.

Мэгги парализовал страх, она не могла сдвинуться с места. В ушах стоял шум.

— Нет. — Голос ее пока слушался.

Тяжело вздохнув, Вильгельм вытащил из-за пояса пистолет. Он нехотя направил на нее дуло, словно делал это против своей воли.

— Пошли, я сказал.

Мэгги уставилась на дуло пистолета. *Наверное, мне это снится*, подумала она. Потом, всхлипнув, встала и повернулась к двери.

— Развернись и иди.

— Моя лодыжка… — начала она, но Вильгельм вдавил дуло ей в затылок.

Прихрамывая, Мэгги вышла из хижины. Каждый шаг давался с большим трудом и причинял боль. Туман начал рассеиваться, стали проглядывать очертания валунов.

— Пошевеливайся! — рявкнул Вильгельм.

Она услышала собственный стон, когда перенесла вес на больную ногу, по которой тотчас

разлилась жгучая боль. Кое-как двигаясь вперед, Мэгги заметила в тумане приближающуюся черную тень, и в сердце затеплилась надежда. Но это оказалась всего лишь Руна, собака Вильгельма. Шерсть на ней спуталась и свалялась. Высунув язык, она подбежала к Мэгги, и та инстинктивно наклонилась и погладила животное.

Вильгельм громко крикнул, и Руна, прижав уши, убежала прочь.

Мэгги тяжело сглотнула. Все ее чувства обострились до предела. По-прежнему ощущая на затылке дуло пистолета, она не сомневалась, что Вильгельм ведет ее к краю скалы.

— Ты меня убьешь?

— Ты и так уже мертва.

Мэгги почувствовала в его голосе улыбку, и ее прошибло ледяным потом.

— Совсем скоро появятся сообщения о сходе оползня. Четыре британские туристки оказались погребенными заживо во сне. Какая трагедия!

По ее спине пробежала холодная дрожь. Желудок завязался в тугой узел. Все подумают, что их накрыли сотни тонн камней и земли. А Вильгельм просто сбросит тела в реку.

Ни улик, ни свидетелей.

Он уже поступил так с Карин…

— Значит, Карин убил ты?

— Я сделал то, что должен был сделать.

— Мог бы и отпустить!

— Исключено. Она начала бы болтать. Остин, мой сын, хороший парень, пусть и не самый смышленый, и позволить разрушить его жизнь я не мог.

— Поэтому убил невинную девушку, — прошептала Мэгги, представив, как опустилось на дно тело несчастной.

Где-то за спиной жалобно проскулила Руна.

Мозг лихорадочно искал выход из положения. К голове приставлено дуло. Впереди — обрыв. С больной ногой далеко не убежишь.

Все вокруг вдруг остановилось, замерло, как в стоп-кадре. Неведомое ранее ощущение захватило Мэгги; оно перекрыло страх, позволив ей покинуть собственное тело и взглянуть на себя со стороны.

Вот она стоит на краю скалы, золотисто-каштановые локоны рассыпались по плечам. Вглядывается в туман. Руки свободно свисают по бокам, кожа на них присыпана веснушками. На запястье серебряный браслет с бусинами в виде букв.

К-А-Р-И-Н.

Мэгги видела не себя, а Карин. До нее донеслось

эхо давнего события. То, что невозможно понять умом, иногда можно почувствовать.

Где-то на задворках сознания мелькнула мысль — «тонкие» места, невесомая вуаль между мирами…

На смену страху пришло ощущение душевного покоя. Внутренним слухом Мэгги услышала голос Карин: *Борись!*

Слова придали ей сил. Мэгги вспомнила о крошке Фиби, которая ждет возвращения мамы. Нет, у нее на жизнь другие планы: вместе с дочкой бегать по лужам, рвать подсолнухи, читать под покрывалом сказки на ночь, целовать теплые после сна щечки.

Карин быстро исчезла, и на краю скалы стояла Мэгги.

Она сделала еще один шаг вперед. И когда ее здоровая нога коснулась земли, она с неожиданной свирепостью развернулась и издала истошный вопль. Звук, яростный и пронзительный, шел из самых глубин ее существа. Страха в нем не было и тени. В этом оглушительном вопле смешались ярость, гнев, боль и животное желание жить. Вильгельм растерялся от такого напора.

Застав врасплох, она выбила у него из рук пистолет, а потом набросилась на него как дикий

зверь, нанося удары кулаками и впиваясь в плоть ногтями. Продолжая кричать, она со звериным оскалом на лице воткнула большие пальцы в его глаза и со всей силы ударила коленом в пах.

Вильгельм согнулся пополам, и Мэгги нанесла ему удар по шее. Мужчина со стоном упал на землю.

Но это его не остановило — он пополз к пистолету.

Она должна опередить его!.. Но стоило ей ступить на больную ногу, как лодыжка подвернулась, и девушка упала на колени.

Вильгельм воспользовался моментом и встал. Он схватил пистолет, и секунду спустя Мэгги почувствовала, как кожу головы пронзила жгучая боль. Преступник схватил ее за волосы и резко дернул вверх.

Издалека донесся собачий лай.

Вильгельм пинал ее стальными мысами ботинок, не давая вдохнуть. В оглушительном лае заходилась собака.

Мэгги свернулась, ощущая вкус крови во рту, но это ей не помогло. Последовали мощные удары ногой в бок, и она откатилась еще ближе к краю скалы.

Сдавленный стон вырвался из груди Мэгги.

Борьба закончилась не в ее пользу.

Глава 78. Джони

Джони в нерешительности застыла перед хижиной. Как смотреть в глаза подругам?

Опустив голову, она развернулась и пошла прочь, но, услышав скрип открывающейся двери, обернулась.

Из хижины вышла Мэгги, а следом за ней — Вильгельм.

Джони не сразу поняла, что происходит. Приставив пистолет к голове Мэгги, Вильгельм повел ее к краю скалы.

Девушку осенила неприятная догадка. Внизу, у входа в пещеру, они видели Вильгельма! И теперь он пришел за кокаином.

В попытке унять сердцебиение Джони стиснула зубы и спряталась за большой камень. Если она сейчас набросится на него с требованием отпустить Мэгги, он просто направит пистолет на нее. Нужно быстро найти решение.

Во рту пересохло. *Думай, Джони!*

Она лихорадочно огляделась по сторонам. Когда взгляд упал на хижину, в голову пришла идея. Только надо поторопиться.

Стараясь держаться ближе к земле и прячась за

валунами, Джони украдкой двинулась в сторону хижины. Черт! Ее заметила собака Вильгельма, Руна, и радостно подбежала, виляя хвостом.

Вильгельм, к счастью, ничего не заметил. Он вел Мэгги к краю скалы. Джони быстро потрепала Руну за шею и продолжила путь к хижине. Открыв дверь, она постояла пару секунд, дав глазам привыкнуть к полумраку. Затем обвела взглядом пространство внутри.

Где он?

И в этот момент она заметила рюкзак Вильгельма.

Джони подбежала и открыла его. Как она и предполагала, мешок был туго набит пакетами с кокаином.

Внезапно снаружи донесся дикий вопль, полный боли и ненависти.

Мэгги?

Не колеблясь ни секунды, Джони взвалила рюкзак на плечо, выскочила из хижины и помчалась в направлении звука, чувствуя, как гулко звенит под ногами земля. Она заметила Мэгги и Вильгельма у самого края скалы. Рядом с ними прыгала, заливаясь яростным лаем, собака. Доносились глухие удары и крики.

Вильгельм склонился над Мэгги, которая, свер-

нувшись в клубок, лежала у его ног. До края скалы оставалось всего ничего. Еще один удар ногой, и Мэгги упадет в пропасть.

— Не трогай ее!

Джони с криком ринулась к ним и остановилась в нескольких шагах от самого края.

Собака умолкла.

Ошеломленный Вильгельм направил пистолет на Джони, которая в вытянутых над пропастью руках держала его рюкзак.

— Дрянь! — прошипел он.

Мэгги, из губы которой сочилась кровь, приподняла голову и из-под завесы спутанных волос посмотрела на подругу. В ее глазах блеснула искорка надежды.

Вильгельм, дергая головой, свирепо прорычал:

— Поставь мешок на землю, или я убью ее!

Джони всегда знала, как привлечь к себе внимание — она этим зарабатывала на жизнь. Вздернув решительно подбородок, она произнесла грудным голосом:

— Только дотронься до нее, и распрощаешься с кокаином навсегда!

— Я же тебя сейчас пристрелю! — прорычал Вильгельм.

Джони кивнула.

— Давай, попробуй! И кокаин я заберу с собой.

Внезапно со стороны западного склона из тумана появились две фигуры, которые рука об руку бежали по тропе. Лиз и Хелена.

Лиз выглядела очень бледной и испуганной, по ее ноге ниже колена струилась кровь. Хелена покрылась красными пятнами. Когда они увидели на самой вершине Вильгельма и лежащую у его ног Мэгги, глаза подруг округлились.

— Боже, Мэгги! — Хелена рванулась вперед.

Вильгельм крутанулся на месте и направил пистолет на Хелену.

— Не двигаться! Всех касается!

Хелена, подняв руки, окаменела.

От Джони не ускользнуло, что Вильгельм растерялся. Лишь бы только не потерял самообладание и не выкинул какую-нибудь глупость!.. Ее вытянутые руки, удерживающие тяжелый рюкзак над бездной, тряслись. Силы были на исходе.

— Отойди от Мэгги. Брось пистолет в пропасть. Потом можешь забирать свой гребаный кокаин и валить отсюда на все четыре стороны, — решительно заявила она.

Вильгельм готов был испепелить ее взглядом. Палец на курке побелел, рот напряженно искривился. Несколько мучительных мгновений он

смотрел на Мэгги, потом в знак согласия издал какой-то непонятный возглас и отошел от девушки на шаг назад.

— Мэгги, — спокойным голосом обратилась к ней Джони, — отползи от края и иди к девочкам.

Слегка приподняв голову, Мэгги шатаясь встала на четвереньки и поползла к подругам. Собака Вильгельма на брюхе подобралась к ней и понюхала. Лиз и Хелена помогли подруге встать.

— Теперь пистолет. Кидай! — приказала Джони.

Вильгельм прищурился, продолжая держать ее на прицеле.

Нестерпимая боль пронзила руки, которые сотрясала крупная дрожь. Еще мгновение — и рюкзак полетит вниз.

Наконец Вильгельм опустил оружие и, ругнувшись под нос, бросил его в пропасть. Пистолет в воздухе несколько раз перевернулся и исчез в тумане.

— Давай сюда кокаин!

— Я его тебе отдам, и ты сразу уберешься отсюда, не причинив нам вреда. Мы все сделаем вид, что никогда раньше не встречались. — Джони смотрела на него в упор. — Договорились?

Вильгельм не сводил взгляда с мешка.

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы.

Однако Джони он не обманул — по изгибу губ и сощуренным глазам она поняла, что у него другие планы. Как только кокаин попадет к нему, им несдобровать. Мэгги с больной ногой — легкая добыча. Хелена беременна; любой удар в живот обернется трагедией. На Лиз совсем лица нет, она чуть не падает.

Вильгельм сделал шаг вперед.

— Дай сюда рюкзак, кому сказал!

Руки Джони дернулись. Несколько килограммов кокаина оказались очень тяжелой ношей. Сколько жизней этот белый порошок уже пустил под откос, сбивая оказавшихся в плену иллюзий людей с истинного пути и даря лживые надежды!

Боковым зрением она видела, что подруги плотно сгрудились и с ужасом смотрят на нее. А потом Джони заметила деталь, на которую сначала не обратила внимания. Из кармана брюк Вильгельма выглядывала темная ручка ножа. Он достанет его в два счета.

Мужчина сделал еще один шаг в ее направлении.

Самая мощная нота в музыке — это тишина, во время которой слушателю открывается истин-

ный смысл произведения. Для Джони наступил такой момент — момент истины. Она повернулась и посмотрела в глаза Лиз, молча попросив прощения за то, что предала подругу. И глазами еще раз сказала, как сильно ее любит.

А потом симфония звуков взорвалась в ее голове, и она повернулась к Вильгельму. Тот протянул руку, чтобы выхватить рюкзак, и в этот самый миг Джони швырнула кокаин в пропасть и толкнула Вильгельма в бок. Ее руки впились в его ребра и плоть. Джони напрягла все силы и почувствовала, как тот начал терять равновесие.

Шатаясь, он выгнулся и в последний момент схватил Джони за запястье.

От резкого рывка в плече что-то резко сместилось, девушка пошатнулась и начала падать.

Она с самого начала понимала, что рискует. Но также понимала, что, увлекая за собой Вильгельма, спасает подруг. У них семьи, их ждут дома. Они будут всегда вместе и не пропадут. Джони никому не позволит разрушить их мир.

Дальше все произошло как в замедленной съемке.

Ее ноги отрываются от земли. Жесткие пальцы мертвой хваткой сжимают запястье. Куртка надувается парусом, и Джони оказывается за краем

пропасти.

Стремительный полет вниз сквозь белый туман.

Джони закрыла глаза. Вот она стоит на сцене. Тысячи глаз устремлены на нее.

В последний раз в жизни она слышит, как кричат ее имя.

Глава 79. Лиз

— Джони!

Лиз кинулась туда, где только что стояла Джони. Остановившись у самого края, она уставилась в бездну. Вода серебрилась внизу так далеко, что разглядеть что-то было невозможно.

— Нет! Нет! Нет! — взвыла она, в исступлении качая головой.

Ей все снится.

Сунув кулак в рот, она закусила костяшки пальцев и отшатнулась от края скалы.

Хелена стояла рядом с бледным как у мертвеца лицом, безвольно распустив рот.

Лиз вцепилась в ее руку и пробормотала:

— Где она? Где Джони?

От оцепенения Хелена не могла вымолвить ни слова.

— ГДЕ ДЖОНИ? — проревела Лиз.

— Она… упала.

— Надо помочь ей! Быстро! — Лиз начала метаться вдоль края скалы, пытаясь разглядеть какую-нибудь тропу.

— Туда не спуститься, — прошептала Хелена.

— Надо что-то делать! Вызвать спасателей! —

Голос Лиз от отчаяния срывался. Внутри нее начала шириться ледяная пустота. — Там ведь Джони!

Хелена посмотрела ей в глаза и медленно покачала головой.

— После падения с такой высоты не выживают.

Лиз вспомнила последний разговор с Джони на скальном выступе, когда она вцепилась ей в плечи и почти столкнула вниз, чтобы навсегда вычеркнуть из своей жизни. И теперь Джони… ее…

— Джони больше нет. — Из груди Лиз вырвался леденящий душу стон.

Жидкий и липкий жар разлился в животе. Лиз перегнуло пополам и вырвало желчью.

Раздавленная и сломленная, она скорчилась, медленно вдыхая и выдыхая воздух через рот. Слезы застилали глаза.

Хелена подошла к ней и положила руку на спину.

Мэгги тоже доковыляла до подруг. Ее напитанные грязью и солью волосы сбились в колтуны. Правый глаз опух. Вытекшая из рассеченной губы кровь спеклась на подбородке. Она обняла Лиз с другой стороны.

Израненные, избитые до полусмерти, с лицами, перемазанными кровью, солью и землей, они прильнули друг к другу.

Их осталось трое.

Некоторое время спустя

Глава 80. Хелена

Хелена шла впереди. Земля мягко пружинила под ее туристическими ботинками. Тропа пролегала через вершину холма, покрытую лилово-зеленым вересковым ковром. Морская гладь искрилась в лучах солнца.

Почувствовав проступившие на лбу капельки пота, Хелена продела большие пальцы рук под лямки рюкзака, чтобы перераспределить его вес. Дойдя до небольшого пятачка, она остановилась в ожидании подруг, решив немного отдохнуть и насладиться видом вокруг. На тропе вдоль юго-западного побережья Англии не встретить горные вершины Норвегии, но от первозданной красоты разбегающихся волнами холмов захватывало дух. По левую руку на протяжении всего пути простиралась сливающаяся с небом гладь моря.

С некоторых пор Хелена научилась ценить простые радости, в числе которых на первом месте значились пешие прогулки. Они отвлекали от мрачных мыслей, заставляли отрывать взгляд от телефона и после потери Джони придавали жизни хоть какой-то смысл.

Лиз что-то рассказывала о механизме благо-

творного влияния ходьбы. Вроде бы она активизирует отделы мозга, отвечающие за сон и пищеварение, и подавляет участки, связанные с тревогой и негативными переживаниями. Но Хелену эти подробности мало интересовали. Она просто шла упорно вперед, впрочем, как и ее подруги.

При любой возможности они выбирались из дома и преодолевали очередной участок тропы. Девушки для себя решили, что так воздают дань памяти Джони.

Когда стало известно о гибели Джони, СМИ просто взорвались. Ее фанаты по всему миру погрузились в траур. В ее любимом концертном зале в Лондоне возник стихийный мемориал. Социальные сети наводнили посты с соболезнованиями. Лицо Джони еще долго украшало обложки самых влиятельных изданий. Последний альбом Джони продержался на верхней строчке чартов целых семь недель. Кай, ее агент, быстро забыл об их последних разногласиях и начал направо и налево раздавать интервью, рассказывая, что Джони была главной любовью его жизни. Так получилось, что записанное Хеленой в приюте видео стало последним в жизни Джони. За несколько недель оно набрало свыше

двадцати миллионов просмотров.

Хелена старалась не включать радио или телевизор, не покупала журналы. Ее раны были слишком свежи. Она заперлась дома и не ходила на работу. Хелена словно получила двойной удар под дых — еще не отболела горечь от потери мамы, а тут новое потрясение — смерть Джони.

С тяжелым сердцем спускались они тогда с вершины Блафьеля. Поддерживая с двух сторон Мэгги, шаг за шагом шли вниз. Руна показывала им путь. Подруги почти всю дорогу молчали — ужас от пережитого не отступал, и в вихре роящихся в голове мыслей было трудно подобрать правильные слова. Хелена до сих пор помнила чувство облегчения, которое испытала при виде сначала леса, а потом озера, такого широкого и спокойного, которое проглядывало сквозь деревья синим корундом. Они знали, что где-то там стоит приют.

Наконец подошли Лиз и Мэгги. В эти выходные лицо Лиз выглядело свежее и даже несколько округлилось. Смерть Джони она перенесла тяжелее всех. Предательство подруги и мужа наложилось на трагедию, и она долго пребывала в полном смятении.

— Чем занимается Патрик в эти выходные? —

спросила Хелена.

— Сажает с близнецами фруктовые деревья.

— Понятно. Все еще гуляете вечерами?

Лиз кивнула.

— Вне стен дома почему-то легче обсуждать накопившиеся в наших отношениях проблемы. — Лиз как-то поделилась, что их прогулки стали своеобразными вечерними свиданиями. Просто они не сидели, а шли пешком. Прогуливались вдоль Стаура с бутылкой вина в руках или бродили под луной по окружающим их поселок холмам.

— Все наладилось?

Лиз пожала плечами.

— Трудно сказать. Бывают дни, когда мне хочется его убить. Хотя выпадают и хорошие дни, когда мы чувствуем себя по-настоящему счастливыми. Знаешь, понимание, что мы чуть не лишились всего, в конечном счете сыграло нам на руку… Ладно, что мы все обо мне да обо мне. Расскажи-ка лучше, как тебе твой новый рюкзак.

— Лучше не придумать, — усмехнулась Хелена и, протянув назад руку, дотронулась до маленькой теплой ножки. — Эй, сладкий, все еще спишь?

Мэгги, одетая в красные лосины и ярко-желтые

носки, потянулась на цыпочках, заглянула в рюкзак-кенгуру и сказала:

— Дремлет.

Фредди исполнилось семь месяцев. Малыш родился спокойным, с ярко-зелеными глазами, доставшимися ему от бабушки, и копной темных волос. В чертах его лица читалось такое умиротворение, что Хелена могла часами лежать рядом, вглядываясь в сияющие глазки, в которых, казалось, нашла ответы на все тревожащие ее вопросы.

Случались и дни, когда не только прилечь, но и присесть не удавалось. Приходилось без остановки стерилизовать бутылочки, таскать автокресла, готовить пюре и пытаться не забыть съесть что-нибудь самой, совмещая все это с работой. Так она училась справляться с непривычной ролью матери, привыкая к новому ритму жизни и новым обязанностям. Надо признать, новая Хелена ей очень нравилась.

В голове зашевелились глубоко запрятанные воспоминания о том дне, когда она проснулась в хижине, испытывая чувство тошноты, раздавленная горем и уверенная, что никто и никогда не полюбит ее так же сильно, как мама. Сейчас она понимала, что любовь мамы не закончилась с ее

смертью. И свидетельство этому она наблюдала каждый день — когда пела колыбельную Фредди, когда прижимала малыша к груди, пытаясь его успокоить. Она только теперь поняла, что всему научилась от мамы.

Потеряв сначала маму, а потом Джони, Хелена осознала: жизнь слишком коротка, чтобы откладывать ее на потом. Чувствуя спиной теплое тельце малыша, она стояла рядом с лучшими подругами и не сомневалась, что сделала правильный выбор.

Глава 81. Мэгги

Шагая по тропе, Мэгги с удовольствием отметила про себя, что совсем не запыхалась. Она уже и забыла, когда в последний раз могла похвастаться такой хорошей физической формой.

Фиби на выходные забрал Эйдан. Они договорились, что раз в месяц дочка будет оставаться у отца с ночевкой. И хотя Мэгги по-прежнему болезненно переживала расставания с малышкой, она начала ценить время, которое может целиком посвятить себе. Наконец-то она расчистила и выкрасила в ярко-синий цвет сарай. На пол постелила коврик из джута, расставила везде горшки с цветами, стены украсила любимыми постерами и открытками. Купила старый деревянный стол, где хранила прессы для рукоделия и холст. Ее магазинчик на «Etsy» процветал, но она научилась выкраивать время и для рисования. Месяц назад, когда Эйдан в очередной раз забрал Фиби к себе, она открыла чудесный набор акриловых красок, который ей на свадьбу подарила Джони. Едва она коснулась кистью холста, как в памяти всплыли слова подруги: *Оставайся собой. Продолжай творить*.

Навстречу шли два парня с альпинистскими веревками на поясе. В знак приветствия они помахали руками, и Мэгги вспомнила восхождение на Блафьель.

— Кстати, мне на этой неделе Эрик написал.

Они иногда переписывались, хотя сказать, что между ними завязалась крепкая дружба, было бы большим преувеличением. Все началось, когда Мэгги написала ему, чтобы спросить, кто присматривает за собакой Вильгельма. Эрик ответил: «За Руной присматриваю теперь я. Она живет в приюте. Правда, мама ее кормит как на убой». Постепенно в разговорах стали всплывать и другие темы. Эрику хотелось поговорить с кем-нибудь о Карин, и Мэгги его в этом желании поддерживала, чувствуя какую-то особую связь с погибшей девушкой. Правда, о последнем факте она предпочитала молчать.

— Как он? — спросила Хелена.

— Говорит, снег в этом году выпал очень рано. Поток туристов схлынул, но дела идут потихоньку. — Теперь Эрик управлял всеми делами в приюте и приглядывал за мамой. — Лайфа скоро выпустят из тюрьмы.

За свои делишки Лайф получил мягкий приговор. Раскаявшись в содеянном и понимая, куда

его завело сотрудничество с Вильгельмом, он сдался полиции. Его показания помогли изъять самую крупную партию кокаина в истории Норвегии и задержать участников группировки, которая последние десять лет занималась транспортировкой и сбытом наркотиков в регионе.

— Как думаешь, Лайф вернется в приют? — спросила Лиз.

Мэгги пожала плечами. Ей самой хотелось бы знать ответ.

— Это его дом. Вряд ли откажется…

— Про Остина Эрик ничего не рассказывал? — поинтересовалась Хелена.

— Ничего нового. — Остин сидел в тюрьме в Осло. Судья, учитывая его возраст и то, как Вильгельм с ним с детства обращался, проявил снисхождение.

Первозданная красота гор Норвегии никак не вязалась с теми страшными секретами, которые им пришлось узнать. Подруги молча продолжили путь, погруженные каждая в собственные мысли.

— Смотрите! — воскликнула Лиз, показав на петляющую между камней и спускающуюся к морю едва заметную тропинку.

Мэгги повернулась и вспомнила момент, когда

они вышли к заливу в Норвегии. Вспомнила ледяное сияние водной глади между скал. Джони тогда с визгом и улюлюканьем сбежала вниз, скидывая на ходу одежду, и первая прыгнула в обжигающе холодную воду. Она всегда жила на полную катушку, стремительно и без оглядки, ни в чем не зная меры.

От воспоминания на душе Мэгги стало тепло.

— Кто со мной?

Она повела подруг по тропинке вниз и, когда они дошли до песка, помогла Хелене снять со спины рюкзак-кенгуру. Фредди еще спал, и они осторожно, чтобы не разбудить малыша, положили его в тень.

Мэгги вспомнила, как долго не решалась зайти в воду в Норвегии. Она стеснялась растяжек на животе и лишнего веса, но те переживания остались в далеком прошлом. О такой ерунде она теперь не думала. С тех пор у нее появились новые шрамы — какие-то заметные, какие-то не очень, — но, самое главное, она выжила. Целая и невредимая она стояла сейчас на берегу.

Почувствовав прилив адреналина, Мэгги расшнуровала ботинки, стянула лосины, белье и, не колеблясь ни секунды, бросилась в воду.

Глава 82. Лиз

Оставшись на берегу, Лиз бродила вдоль кромки воды, позволив прохладным волнам ласкать ее щиколотки. Она мысленно перенеслась в тот день, когда заходила в воду в последний раз. Тогда рядом с ней была Джони. Рассекая холодную морскую гладь, она подплыла к Лиз. Ее глаза блестели, волосы прилипли к голове, открывая лоб. Джони переплела пальцы с пальцами Лиз и поблагодарила подругу за то, что та привезла их в Норвегию.

«Уже только ради этого стоило сюда приехать», — сказала она тогда. Момент ничем не омраченного счастья…

Лиз наклонилась, подняла ракушку и повертела находку в руке, внимательно разглядывая блестящую внутреннюю поверхность. Вернувшись на берег, она украсила ракушкой рисунок на песке.

— Чего не искупалась? — спросила Мэгги, выходя из воды; крупные капли стекали с ее мокрых волос на плечи.

Хелена уже успела повесить рюкзак с малышом на плечи.

— Что-то не хочется.

Мэгги взглянула на рисунок. Из ракушек и мелких камней Лиз выложила два слова: ДЖОНИ ГОЛД.

Глаза Мэгги увлажнились.

— Красиво!

— Знаешь, она мне вчера приснилась, — тихо сказала Хелена. — Она мне часто снится. Я вижу гору, хижину, как мы идем по хребту, потом начинается гроза, и так по кругу.

Лиз тоже часто видела Джони во сне. По ночам она просыпалась в холодном поту. Ей снился один и тот же сон: она стоит на краю платформы, схватив Джони за плечи, и ее трясет от гнева. Только вот во сне Лиз не отпускала Джони, а сталкивала ее в пропасть. Падая в бездну с широко открытыми глазами, Джони кричит: «Ты всегда хотела моей смерти!» В это мгновение Лиз обычно просыпалась, хватая ртом воздух и лихорадочно пытаясь дотянуться в темноте до Патрика или до кнопки ночника.

Но случались и хорошие сны. Они помогали Лиз не сойти с ума. Джони поет в приюте, и толпа радостно приветствует ее; потом, сидя у костра, они едят шоколад. А еще она часто видит Джони шагающей по щиколотку в траве под бескрайним

голубым небом…

Слезы хлынули из глаз Лиз.

— Лиз? — Мэгги положила руку на плечо подруги.

— Господи, как такое возможно? Мы втроем здесь, а ее нет.

— Понимаю, — промолвила Мэгги.

— Все из-за меня. Если бы мне не взбрело в голову совершить поход по горам Норвегии, она до сих пор была бы жива. Я ужасно виновата. — Лиз покачала головой и сглотнула. — А еще… я дико зла на нее. До сих пор не могу поверить, что она могла так со мной поступить — переспать с Патриком!

Лиз в ярости пнула ногой по земле, и ракушки разлетелись в разные стороны.

— А потом она взяла и ради нас пожертвовала жизнью… Я не могу разобраться в своих чувствах!

Немного помолчав, Мэгги произнесла:

— В чувствах не надо разбираться. Они даны, чтобы их прожить.

— Я очень-очень скучаю по ней. — Слезы хлынули из глаз Лиз. — Мне не хватает ее смеха, ее импульсивности. Рядом с ней я становилась другим человеком, по которому теперь тоже очень

скучаю. Стоило Джони войти в комнату, как все вокруг озарялось исходящим от нее светом. С каким удовольствием я бы выкурила сейчас с ней сигаретку! Ее сумасшедшинка, легкий нрав и жажда жизни всегда меня восхищали. Я не могу без нее. — Лиз закрыла лицо ладонями и разрыдалась. — Я виновата в ее смерти!

— Ты права только в одном, — сказала Хелена. — Джони погибла, чтобы спасти нас. Поэтому нельзя посыпать голову пеплом и страдать от чувства вины. Мне тоже есть за что ругать себя. Я ей наговорила столько ужасных вещей во время похода!.. Обвинила в наплевательском отношении к моей маме, сняла это дурацкое видео, назвала кокаиновой наркоманкой. Но что толку? Джони уже не вернуть. Я смогла побороть этих демонов. Когда ты полночи не спишь, потому что надо кормить ребенка, у тебя появляется время хорошенько обо всем подумать. Знаете, что я для себя поняла? Джони не понравилось бы, что мы изводим себя такими мыслями. Она сказала бы, что жизнь продолжается. Здесь и сейчас. Со всеми ее взлетами, падениями и неожиданными поворотами.

Лиз вытерла лицо ладонью и кивнула. Хелена, как всегда, права.

В рюкзаке завозился Фредди.

— У нас тут взрослые разговоры, солнышко. — Хелена легонько сжала ножку сына.

Малыша она не убедила — он продолжил возиться и сучить маленькими кулачками.

— Кажется, пора двигаться дальше, — сказала Мэгги.

— Идите. Я догоню.

Лиз натянула носки и сунула запорошенные песком ноги в разношенные туристические ботинки. Набойки на обуви изрядно стерлись, а один люверс еле держался на месте. Видавшие виды ботинки выгорели на солнце, впитали в себя частицы земли, песка и горной породы. Они видели дождь, туман и солнце. Видели свою хозяйку в горе и в радости. В них она шла к намеченной цели и в них убегала прочь от опасности. Несмотря ни на что, Лиз продолжала идти вперед.

В горах она поняла одну простую вещь. Главное в любом путешествии не взобраться на вершину, а продолжать путь, не останавливаясь ни перед какими препятствиями и приобретая опыт и впечатления, пусть даже через боль. Чувства и переживания и есть та цель, ради которой люди совершают восхождения.

Прежде чем уйти с пляжа, она снова выложила

из ракушек имя Джони на песке. А потом, бросив напоследок взгляд на рисунок, побежала догонять подруг.

Мэгги шла рядом с Хеленой. Девушки, чтобы успокоить Фредди, напевали колыбельную, которая показалась Лиз очень знакомой. Тропа была широкой, и Лиз пошла рядом с подругами. Малыш притих, его пальчики разжались.

Внезапно Лиз поняла, что они поют песню Джони. Уголки ее губ поползли вверх, и она тоже запела, чувствуя, как по телу растекаются волны радости. Музыка проникла внутрь, мгновенно избавив тело от напряжения.

Окаймленное золотом закатное солнце заливало вершину холма, через которую пролегала тропа, и Лиз вдруг явственно различила в этом свете присутствие Джони. Их лучшая подруга смотрела сверху, радуясь, что, несмотря ни на что, они втроем продолжают идти вперед с ее песней на устах.

Примечание автора

Упоминаемые в романе Свелл и Блафьель являются вымышленными географическими названиями. Я решила не связывать своих героинь Лиз, Джони, Мэгги и Хелену рамками реально существующих локаций, дав им возможность натянуть туристические ботинки там, где им хочется, и самим выбрать свой путь.

Выражение признательности

Благодарю моего агента Джудит Мюррей, моего редактора Шарлотту Браббин и моего издателя Ким Янг — трех блестящих сильных женщин, которые поддерживали меня на протяжении всего процесса создания книги. Спасибо, что наставляете на путь истинный и заставляете идти вперед, подсказывая, как правильно совмещать писательское ремесло, семью и тягу к приключениям.

Большое спасибо всей команде, работавшей над книгой в Великобритании, включая Кейт Риццо из «Грин энд Хитон», которая мастерски уладила все вопросы, касающиеся прав на перевод романа на иностранные языки, и Джейн Вильерс из «Сейл скрин», благодаря которой реализовались мои мечты об экранизации произведения.

Огромное спасибо всем сотрудникам издательства «Харпер Коллинз», и в особенности Сюзанне Педен из отдела рекламы, Ханне О'Брайен, Саре Ши и Мэдди Маршалл из отдела маркетинга, Саре Манро и Иззи Кобёрн из отдела внутренних продаж, Элис Гомер из отдела зарубежных про-

даж, и Клэр Уорд, ответственной за оформление обложки.

Я также благодарна всему коллективу, работавшему над выходом книги в США, в особенности моему агенту Грейн Фокс из «Флетчер и Ко» и издателю Дэниэлу Дитриху из «Патнэм букс», чьи вдумчивые редакционные комментарии заставили меня забыть о разделяющем нас океане.

Огромная благодарность Мими Холл, которая прошла со мной долгий путь, включая работу над всеми черновиками этого романа. Наше ежедневное общение в голосовом мессенджере и встречи в пляжном домике, где мы с глазу на глаз обсуждали текст, дорогого стоят.

Я очень благодарна моим первым читателям: Фэй Бьюкенен, Лауре Кроссли, Бэкки Хантер.

Спасибо

Алану Джеймсу, владельцу *UKClimbing.com*, за помощь и советы об альпинизме и скалолазании. Очень благодарна тебе за консультации по техническим вопросам. Если найдете ошибки — они только мои.

Благодарю Йорид Маттиссен из «Строуберри паблишинг» за лингвистическую поддержку и помощь с переводом фраз на норвежский.

Я очень благодарна книготорговцам, книж-

ным блогерам, библиотекарям и организаторам фестивалей, которые с таким энтузиазмом рекомендуют наши книги. Ваше отношение очень ценно для нас.

Как всегда, не устану благодарить моих друзей, включая тех, с которыми провожу время на пляже. На презентациях моих книг вы сидите в баре до победного и в тяжелые времена всегда находитесь рядом. Отдельное громкое спасибо Элис Флинн, с которой мы прошли пешком ни один десяток километров!

Моя безграничная благодарность моей семье — Джейн Кларк, Тони Кларку, Мэтту Кларку, Одри Смит, Терезе Аллан и Филипу Аллану — за всестороннюю поддержку моих усилий на писательском поприще.

Спасибо любимому мужу Джеймсу за то, что в рамках моей исследовательской миссии разделил со мной все радости и тяготы похода по горам Норвегии, исходил все тропы вдоль и поперек, встречая на пути пустые хижины, бьющиеся о берег волны, водопады и первый снег. Мы ели приготовленную на горелке лапшу, и, надо признаться, она казалась самой вкусной на свете едой! Такой попутчик — просто мечта, учитывая, что ноша на его плечах всегда перевешивала

мою.

Благодарю своих детей, Томми и Дарси. Отправившись в поход дикарями, благодаря вам мы получили полное право так называться. Мужество, с которым вы преодолели маршрут вдоль юго-западного побережья Англии, достойно восхищения. Не каждому взрослому по силам проходить по десять миль в день с тяжелым рюкзаком на плечах, не говоря уж о том, чтобы спать под открытым небом в летнем спальнике со сломанной молнией, когда температура едва достигает пяти градусов. Вы мои герои!